

ЛЬЮИС

КАРРОЛЛ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
АЛИСЫ

В СТРАНЕ ЧУДЕС

АЛИСА
В
РАЗЕРКАЛЬЕ

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
АЛИСЫ
В СТРАНЕ ЧУДЕС
•
АЛИСА
В
ЗАЗЕРКАЛЬЕ

СКАЗКИ

Минск «Юнацтва»
Ижевск «Урал-БиСи»
1991

ББК 84.4 Вл
К 98

Текст печатается по изданию:
Л. Кэрролл. Приключения Алисы
в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье.—
Петрозаводск: Карелия, 1979.

Перевела с английского
Н. ДЕДУРОВА

Стихи в переводах
С. МАРШАКА, Д. ОРЛОВСКОЙ
и О. СЕДАКОВОЙ

Художник В. ШАТУНОВ

4703010100—078

К — БЗ 206—91

М 307(03)—01

ISBN 5-7880-0941-3

© Оформление. Издательство
«Юнацтва», 1990

Июльский полдень золотой
Сияет так светло,
В неловких маленьких руках
Упрямится весло,
И нас теченьем далеко
От дома унесло.

Безжалостные! В жаркий день,
В такой сонливый час,
Когда бы только подремать,
Не размыкая глаз,

Вы требуете, чтобы я
Придумывал рассказ.

И *Первая* велит начать
Его без промедленья,
Вторая просит: «Поглупей
Пусть будут приключенья».
А *Третья* прерывает нас
Сто раз в одно мгновенье.

Но вот настала тишина,
И, будто бы во сне,
Неслышно девочка идет
По сказочной стране
И видит множество чудес
В подземной глубине.

Но ключ фантазии иссяк —
Не бьет его струя.
— Конец я после расскажу,
Даю вам слово я!
— Настало *после!* — мне кричит
Компания моя.

И тянется неспешно нить
Моей волшебной сказки,
К закату дело, наконец,
Доходит до развязки.
Идем домой. Вечерний луч
Смягчил дневные краски.

Алиса, сказку детских дней
Храни до седины
В том тайнике, где ты хранишь
Младенческие сны.
Как странник бережет цветок
Далекой стороны.

ВНИЗ ПО КРОЛИЧЬЕЙ НОРЕ

Алисе наскучило празднично сидеть рядом с сестрой на берегу реки; разок-другой она заглянула в книжку, которую читала сестра, но там не было ни картинок, ни разговоров.

«Что толку в книжке, — подумала Алиса, — если в ней нет ни картинок, ни разговоров?»

Она сидела и размышляла, не встать ли ей и не нарвать ли цветов для венка; мысли ее текли медленно и несвязно — от жары ее клонило в сон. Конечно, сплести венок было бы очень приятно, но стоит ли ради этого подыматься?

Вдруг мимо пробежал Белый Кролик с красными глазами.

Конечно, ничего удивительного в этом не было. Правда, Кролик на бегу говорил:

— Ах, боже мой, боже мой! Я опаздываю.

Но и это не показалось Алисе особенно странным. (Вспоминая об этом впоследствии, она подумала, что ей следовало бы удивиться, однако в тот миг все казалось ей вполне естественным.) Но когда Кролик вдруг вынул часы из жилетного кармана, и, взглянув на них, помчался дальше, Алиса вскочила на ноги. Ее тут осенило: ведь никогда раньше она не видела кролика с часами, да еще с жилетным карманом в придачу! Сгорая от любопытства, она побежала за ним по полю и только успела заметить, что он юркнул в нору под изгородью.

В тот же миг Алиса юркнула за ним следом, не думая о том, как она будет выбираться обратно.

Нора сначала шла прямо, ровная, как туннель, а потом вдруг круто обрывалась вниз. Не успела Алиса и глазом моргнуть, как она начала падать, словно в глубокий колодец.

То ли колодец был очень глубок, то ли падала она очень медленно, только времени у нее было достаточно, чтобы прийти в себя и подумать, что же будет дальше. Сначала она попыталась разглядеть, что ждет ее внизу, но там было темно, и она ничего не увидела. Тогда она принялась смотреть по сторонам. Стены колодца были уставлены шкафами и книжными полками; кое-где висели на гвоздиках картины и карты. Пролетая мимо одной из полок, она прихватила с нее банку с вареньем. На банке было написано «АПЕЛЬСИНОВОЕ», но увы! она оказалась пуста. Алиса побоялась бросить банку вниз — как бы не убить кого-нибудь! На лету она умудрилась засунуть ее в какой-то шкаф.

«Вот это упала, так упала! — подумала Алиса. — Упасть с лестницы теперь для меня пара пустяков. А наши решат, что я ужасно смелая. Да свались я хоть с крыши, я бы и то не пикнула».

Вполне возможно, что так оно и было бы.

А она все падала и падала. Неужели этому не будет конца?

— Интересно, сколько миль я уже пролетела? — сказала Алиса вслух. — Я, верно, приближаюсь к центру земли. Давайте вспомнить... Это, кажется, около четырех тысяч миль вниз...

Видишь ли, Алиса выучила кое-что в этом роде на уроках в классе и, хоть сейчас момент был не самый подходящий демонстрировать свои познания — никто ведь ее не слышал, она не могла удержаться.

— Да так, верно, оно и есть,— продолжала Алиса.— Но интересно, на какой же я тогда широте и долготе?

Сказать по правде, она понятия не имела о том, что такое широта и долгота, но ей очень нравились эти слова. Они звучали так важно и внушительно!

Помолчав, она начала снова:

— А не пролечу ли я всю землю насквозь? Вот будет смешно! Вылезаю, а люди там ходят вниз головой! Как их там зовут?.. *Антипатиш*, кажется...

В глубине души она порадовалась, что в этот миг ее никто не слышит, потому что слово это звучало как-то не так.

— Придется мне у них спросить, как называется их страна. «Простите, сударыня, где я? В Австралии или в Новой Зеландии?»

И она попробовала сделать реверанс. Можешь себе представить реверанс в воздухе во время падения? Как, по-твоему, тебе бы удалось его сделать?

— А они, конечно, подумают, что я страшная невежда. Нет, не буду никого спрашивать! Может, увижу где-нибудь надпись!

А она все падала и падала. Делать нечего, помолчав, Алиса снова заговорила:

— Дина будет меня сегодня весь вечер искать! Ей без меня так скучно!

Диной звали их кошку.

— Надеюсь, ей не забудут в полдник налить молочка... Ах, Дина, милая, как жаль, что тебя со мной нет. Правда, *мышек* в воздухе нет, но зато *мошек* хоть отбавляй! Интересно, едят ли кошки мошек?

Тут Алиса почувствовала, что глаза у нее слипаются. Она сонно бормотала:

— Едят ли кошки мошек? Едят ли кошки мошек?

Иногда у нее получалось: «Едят ли мошки кошек?»

Алиса не знала ответа ни на первый, ни на второй вопрос, и потому ей было все равно, как их задать. Она чувствовала, что засыпает. Ей уже снилось, что она идет об руку с Диной и озабоченно ее спрашивает:

— Признаться, Дина, ты когда-нибудь ела мошек?

Тут раздался страшный треск. Алиса упала на кучу валежника и сухих листьев.

Она ничуть не ушиблась и быстро вскочила на ноги. Взглянула вверх — там было темно. Перед ней шел другой коридор, а в конце его мелькнул Белый Кролик. Нельзя было терять ни минуты, и Алиса помчалась за ним следом. Она слышала, как, исчезая за поворотом, Кролик произнес:

— Ах, мои усики! Ах, мои ушки! Как я опаздываю!

Повернув за угол, Алиса надеялась тут же увидеть Кролика, но его нигде не было. А она оказалась в длинном низком зале, освещенном рядом ламп, свисавших с потолка.

Дверей в зале было множество, но все оказались заперты. Алиса попробовала открыть их сначала с одной стороны, потом с другой, но убедившись, что ни одна не поддается, она с грустью прошла по залу, соображая, как ей отсюда выбраться.

Вдруг она увидела стеклянный столик на трех ножках. На нем не было ничего, кроме крошечного золотого

ключика. Алиса решила, что это ключ от одной из дверей, но увы! — то ли замочные скважины были слишком велики, то ли ключик слишком мал, только он не подошел ни

к одной, как она ни старалась. Пройдясь по залу во второй раз, Алиса увидела занавеску, которую не заметила раньше, а за ней оказалась маленькая дверца дюймов в пятнадцать вышиной. Алиса вставила ключик в замочную скважину — и, к величайшей ее радости, он подошел!

Она открыла дверцу и увидела за ней нору, совсем узкую, не шире крысиной. Алиса встала на колени и заглянула в нее — в глубине виднелся сад удивительной красоты. Ах, как ей захотелось выбраться из темного зала и побродить между яркими цветочными клумбами и прохладными фонтанами! Но она не могла просунуть в нору даже голову.

«Если б моя голова и прошла, — подумала бедная Алиса, — что толку! Кому нужна голова без плечей? Ах, почему я не складываюсь, как подзорная труба! Если б я только знала, с чего начать, я бы, наверно, сумела».

Видишь ли, в тот день столько было всяких удивительных происшествий, что ничто не казалось ей теперь совсем невозможным.

Сидеть у маленькой дверцы не было никакого смысла, и Алиса вернулась к стеклянному столику, смутно надеясь найти на нем другой ключ или, на худой конец, руководство к складыванию наподобие подзорной трубы. Однако на этот раз на столе оказался пузырек.

— Я совершенно уверена, что раньше его здесь не было! — сказала про себя Алиса.

К горлышку пузырька была привязана бумажка, а на бумажке крупными красивыми буквами было написано: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!»

Это, конечно, было очень мило, но умненькая Алиса совсем не торопилась следовать этому совету.

— Прежде всего надо убедиться, что на этом пузырьке нигде нет пометки «Яд!», — сказала она.

Видишь ли, она начиталась всяких прелестных историй о том, как дети сгорали живьем или попадали на съедение диким зверям, и все эти неприятности происходили с ними потому, что они не желали соблюдать простейших правил, которым обучали их друзья: если слишком долго держать в руках раскаленную докрасна кочергу, в конце концов обожжешься; если поглубже полоснуть по пальцу ножом, из пальца обычно идет кровь; если разом осушить пузырек с пометкой «Яд!», рано или поздно почти наверняка почувствуешь недомогание. Последнее правило Алиса помнила твердо.

Однако на этом пузырьке никаких пометок не было, и Алиса рискнула отпить из него немного. Напиток был очень приятен на вкус, он чем-то напоминал вишневый пирог с кремом, ананас, жареную индейку, сливочную помадку и горячие гренки с маслом. Алиса выпила его до конца.

* * * * *

— Какое странное ощущение! — воскликнула Алиса. — Я, верно, складаюсь, как подозрная труба.

И не ошиблась: в ней сейчас было всего десять дюймов ро-

сту. Она подумала, что легко пройдет теперь сквозь дверцу в чудесный сад, и очень обрадовалась. Но сначала на всякий случай она немножко подождала, ей хотелось убедиться, что больше она не уменьшается. Это ее слегка тревожило.

— Если я и дальше буду так уменьшаться, — сказала она про себя, — я могу и вовсе исчезнуть. Сгорю, как свечка! Интересно, какая я тогда буду?

И она постаралась представить себе, как выглядит пламя свечи после того, как свеча потухнет. Насколько ей помнилось, такого она никогда не видала.

Подождав немного и убедившись, что больше ничего не происходит, она решила тотчас же выйти в сад. Бедняжка! Подойдя к дверце, она обнаружила, что забыла золотой ключик на столе, а вернувшись к столу, поняла, что ей теперь до него не дотянуться. Сквозь стекло она ясно видела снизу лежащий на столе ключик. Она попыталась взобраться на стол по стеклянной ножке, но ножка была очень скользкая. Устав от напрасных усилий, бедная Алиса села на пол и заплакала.

— Ну, хватит! — строго приказала она себе немного спустя. — Слезами горю не поможешь. Советую тебе сию же минуту перестать!

Она всегда давала себе хорошие советы, хоть следовала им не часто. Порой же ругала себя так беспощадно, что глаза ее наполнялись слезами. А однажды она даже попыталась отшлепать себя по щекам за то, что схитрила, играя в одиночку партию в крокет. Эта глупышка очень любила притворяться двумя разными девочками сразу.

«Но сейчас это при всем желании невозможно! — подумала бедная Алиса. — Меня и на одну-то едва-едва хватает!»

Тут она увидела под столом маленькую стеклянную коробочку. Алиса открыла ее, внутри был пирожок, на котором коринками было красиво написано: «СЪЕШЬ МЕНЯ!»

— Что ж, — сказала Алиса, — я так и сделаю. Если при этом я вырасту, я достану ключик, а если уменьшусь — пролезу под дверь. Мне бы только попасть в сад, а как — все равно!

Она откусила от пирожка и с тревогой подумала: «Расту или уменьшаюсь? Расту или уменьшаюсь?»

Руку Алиса при этом положила на макушку, чтобы чувствовать, что с ней происходит. Но, к величайшему ее удивлению, она не стала ни выше, ни ниже. Конечно, так всегда и бывает, когда ешь пирожки, но Алиса успела привыкнуть к тому, что вокруг происходит одно только удивительное; ей показалось скучно и глупо, что жизнь опять пошла по-обычному. Она откусила еще кусочек и вскоре съела весь пирожок.

МОРЕ СЛЕЗ

— Все *страньше и страньше!*— вскричала Алиса. От изумления она совсем забыла, как нужно говорить.— Я теперь открываюсь, словно подзорная труба. Прощайте, ноги!

(В эту минуту она как раз взглянула на ноги и увидела, как стремительно они уносятся вниз. Еще мгновение — и они скроются из виду.)

— Бедные мои ножки! Кто же вас будет теперь обувать? Кто натянет на вас чулки и башмаки? Мне же до вас теперь, мои милые, не достать. Мы будем так далеки друг от друга, что мне будет не до вас... Придется вам обходиться без меня.

Тут она призадумалась.

— Все-таки надо быть с ними поласковее,— сказала она про себя.— А то еще возьмут и пойдут не в ту сторону. Ну ладно! На рождество буду посылать им в подарок новые ботинки.

И она принялась строить планы.

«Придется отправлять их с посыльным,— думала она.— Вот будет смешно! Подарки собственным ногам! И адрес какой странный!

*Каминный Коврик
(что возле каминной Решетки)*

*Госпоже
Правой ноге*

— с приветом от Алисы.

Ну что за вздор я несу!»

В эту минуту она ударилась головой о потолок: ведь она вытянулась футов до девяти, не меньше. Тогда она схватила со стола золотой ключик и побежала к двери в сад.

Бедная Алиса! Разве могла она теперь пройти в дверцу? Ей

удалось лишь заглянуть в сад одним глазком — и то для этого пришлось лечь на пол. Надежды на то, чтобы пройти в нору, не было никакой. Она уселась на пол и снова расплакалась.

— Стыдись,— сказала себе Алиса немного спустя.— Такая большая девочка (тут она, конечно, была права) — и плачешь! Сейчас же перестань! Слышишь?

Но слезы лились ручьями, и вскоре вокруг нее образовалась большая лужа дюйма в четыре глубины. Вода разлилась по полу и уже дошла до середины зала.

Немного спустя вдалеке послышался топот маленьких ног. Алиса торопливо вытерла глаза и стала ждать. Это возвращался Белый Кролик. Одет он был парадно, в одной руке держал пару лайковых перчаток, а в другой — большой веер. На бегу он тихо бормотал про себя:

— Ах, боже мой, что скажет Герцогиня! Она будет в ярости, если я опоздаю! Просто в ярости!

Алиса была в таком отчаянии, что готова была обратиться за помощью к кому угодно. Когда Кролик поравнялся с нею, она робко прошептала:

— Простите, сэр...

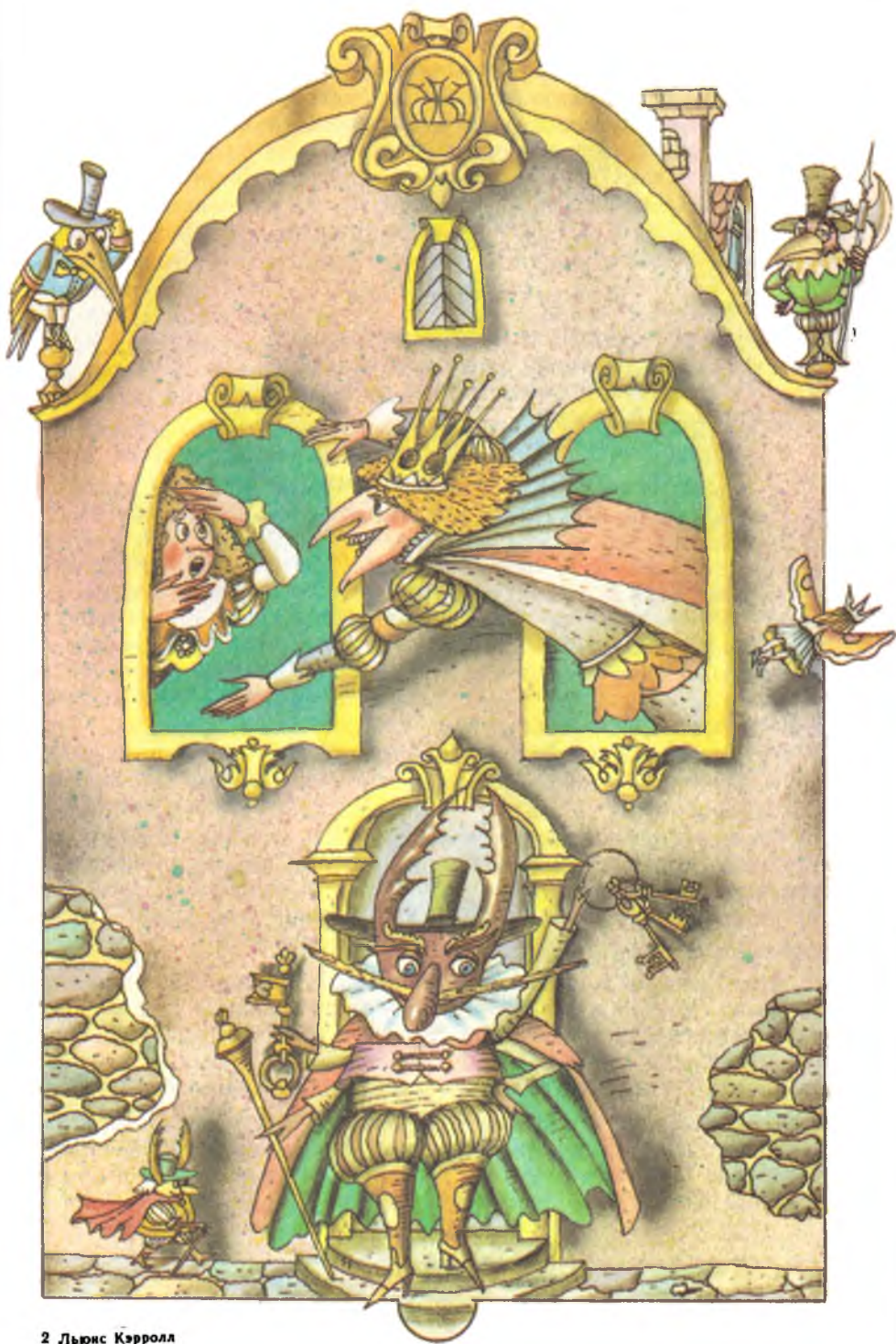
Кролик подпрыгнул, уронил перчатки и веер, метнулся прочь и тут же исчез в темноте.

Алиса подняла веер и перчатки. В зале было жарко, и она стала обмахиваться веером.

— Нет, вы только подумайте! — говорила она. — Какой сегодня день странный! А вчера все шло как обычно. Может, это я изменилась за ночь? Дайте-ка вспомнить: сегодня утром, когда я встала, я это была или не я! Кажется, уже не совсем я! Но если это так, то кто же я в таком случае? Все так сложно...

И она принялась перебирать в уме подружек, которые были с ней одного возраста. Может, она превратилась в одну из них?

— Во всяком случае, я не Ада! — сказала она решительно. — У нее волосы выются, а у меня нет. И уж, конечно, я не Мейбл! Я столько всего знаю, а она совсем ничего. И вообще, она это *она*, а я это *я*. Как все непонятно! А ну-ка, проверю, помню я то, что знала, или нет. Значит, так: четырежды пять — двенадцать, четырежды шесть — тринадцать, четырежды семь... Так я до двадцати никогда не дойду! Ну ладно, таблица умножения — это неважно. Попробую географию. Лондон — столица Парижа, а Париж — столица Рима, а Рим... Нет, все не так, все неверно. Должно быть, я превратилась в Мейбл... Попробую прочитать «Дом, который построил Джек...».

Она сложила руки на коленях, словно отвечала урок, и начала. Но голос ее зазвучал как-то странно, будто кто-то другой хрипло произносил за нее совсем другие слова:

Вот дом,
Который построил жук.
А это певица,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил жук.

А это веселая императрица,
Которая часто кусает певицу.
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил жук...

— Слова совсем не те, — сказала бедная Алиса, и глаза у нее снова наполнились слезами. — Значит, я все-таки Мейбл! Придется мне теперь жить в этом старом домишке. И игрушек у меня совсем не будет. Зато уроки надо будет учить без конца. Ну что ж, решено: если я Мейбл, останусь здесь навсегда. Пусть тогда попробуют прийти сюда за мной! Свесят головы вниз, станут звать: «Подымайся, милочка, к нам!» А я на них только посмотрю и отвечу: «Скажите мне сначала, кто я! Если мне это понравится, я поднимусь, а если нет — останусь здесь, пока не превращусь в кого-нибудь другого!»

Тут слезы брызнули у нее из глаз.

— Почему за мной никто не приходит? Как мне надоело сидеть здесь одной!

С этими словами Алиса глянула вниз и, к своему удивлению, заметила, что, пока говорила, натянула на одну руку крошечную перчатку Кролика.

«Как это мне удалось? — подумала она. — Видно, я опять уменьшаюсь».

Алиса встала и подошла к столику, чтобы выяснить, какого она теперь роста. Судя по всему, в ней было не больше двух футов, и она продолжала стремительно уменьшаться. Вскоре она поняла, что виной тому веер, который она держала в руках, и тут же швырнула его на пол. И хорошо сделала, а то могла бы и вовсе исчезнуть.

— Уф! Едва спаслась! — сказала Алиса, испуганная столь внезапной переменой, но радуясь, что уцелела. — А теперь — в сад!

И она подбежала к дверце. Но увы! Дверца опять была закрыта, а золотой ключик так и лежал на стеклянном столе.

«Час от часу не легче! — подумала бедная Алиса. — Такой крошкой я еще не была ни разу! Плохо мое дело! Хуже некуда...»

Тут она поскользнулась и — бух! — шлепнулась в воду. Вода была соленая на вкус и доходила ей до подбородка. Сначала она подумала, что каким-то образом упала в море.

«В таком случае, — подумала она, — можно уехать по железной дороге».

Алиса всего раз в жизни была на взморье, и потому ей казалось, что все там одинаково: в море — кабинки для купания, на берегу — малыши с деревянными лопатками строят замки из песка; потом — пансион, а за ним — станция.

Вскоре, однако, она поняла, что упала в лужу слез, которую сама же и наплакала, когда была ростом в девять футов.

«Ах, зачем я так редела! — подумала Алиса, плавая кругами и пытаясь понять, в какой стороне берег. — Вот глупо будет, если я утону в собственных слезах. И поделом мне! Конечно, это было бы очень странно. Впрочем, сегодня все странно».

Тут она услышала какой-то плеск неподалеку и поплыла туда, чтобы узнать, кто это там плещет. Сначала она решила, что это морж или гиппопотам, но потом вспомнила, какая она теперь крошка, и, взглядевшись, увидела всего лишь мышь, которая, видно, также упала в воду.

«Заговорить с ней или нет? — подумала Алиса. — Сегодня все так удивительно, что, возможно, и она умеет говорить. Во всяком случае, попытаться стоит».

И она начала:

— О Мышь! Не знаете ли вы, как выбраться из этой лужи? Мне так надоело здесь плавать, о Мышь!

Алиса считала, что именно так и следует обращаться к мышам. Опыта у нее никакого не было, но она вспомнила учебник латинской грамматики, принадлежащий ее брату.

«Именительный — Мышь,
Родительный — Мыши,
Дательный — Мыши,
Винительный — Мышь,
Звательный — О Мышь!»

Мышь взглянула на нее с недоумением и легонько ей подмигнула (так, во всяком случае, показалось Алисе), но не сказала в ответ ни слова.

«Может, она по-английски не понимает? — подумала Алиса. —

Вдруг она француженка родом? Приплыла сюда вместе с Вильгельмом Завоевателем...»

Хоть Алиса и гордилась своим знанием истории, она не очень ясно представляла себе, что когда происходило.

И она опять начала:

— *Où est ma chatte?*¹

В учебнике французского языка эта фраза стояла первой. Мышь рванулась из воды и вся затрепетала от ужаса.

— Простите! — быстро сказала Алиса, видя, что обидела бедного зверька. — Я забыла, что вы не любите кошек.

— Не люблю кошек! — вскричала пронзительно Мышь. — А ты бы их на моем месте любила?

— Наверно, нет, — попробовала успокоить ее Алиса. — Прощу вас, не сердитесь! Жаль, что я не могу показать вам нашу Дину. Если б вы только ее увидели, вы бы, мне кажется, полюбили кошек. Она такая милая, такая спокойная, — задумчиво продолжала Алиса, лениво плавая в соленой воде. — Сидит себе у камина, мурлычет и умывается. И такая мягкая, так и хочется погладить. А как она ловит мышей!.. Ах, простите! Простите, пожалуйста!

Шерстка у Мыши стала дыбом. Алиса поняла, что оскорбила ее до глубины души.

— Если вам неприятно, не будем больше об этом говорить! — сказала Алиса.

— Не будем? — вскричала Мышь, трепеща от головы до самого кончика хвоста. — Можно подумать, что я завела этот разговор! У нас в семье всегда ненавидели кошек. Низкие, гадкие, вульгарные твари! Слышать о них не желаю!

— Хорошо, хорошо! — сказала Алиса, торопясь перевести разговор. — А... собак... вы любите?

Мышь промолчала.

— Рядом с нами живет такой милый песик! — радостно продолжала Алиса. — Мне бы очень хотелось вас с ним познакомить! Маленький терьер. Глаза у него блестящие, а шерстка коричневая, длинная и волнистая! Бросишь ему что-нибудь, он тотчас несет назад, а потом сядет на задние лапки и просит, чтобы ему дали косточку. Чего только он не делает — всего не упомнишь! Хозяин у него фермер, он говорит: этому песику цены нет! Он всех крыс перебил в округе и всех мыш... Ах, боже мой! — грустно промолвила Алиса. — По-моему, я ее опять обидела!

Мышь изо всех сил плыла от нее прочь, по воде даже волны пошли.

— Мышка, милая! — ласково закричала ей вслед Алиса. —

¹ Где моя кошка? (франц.)

Прошу вас, вернитесь. Если кошки и собаки вам не по душе, я о них больше ни слова не скажу!

Услышав это, Мышь повернула и медленно поплыла назад. Она страшно побледнела. («От гнева!» — подумала Алиса.)

— Вылезем на берег, — сказала Мышь тихим, дрожащим голосом, — и я расскажу тебе мою историю. Тогда ты поймешь, за что я ненавижу кошек и собак.

И в самом деле надо было вылезать. В луже становилось все теснее от всяких птиц и зверей, упавших в нее. Там были Робин Гусь, Птица Додо, Попугайчик Лори, Орленок Эд и всякие другие удивительные существа. Алиса поплыла вперед, и все потянулись за ней к берегу.

БЕГ ПО КРУГУ И ДЛИННЫЙ РАССКАЗ

Общество, собравшееся на берегу, имело весьма неприглядный вид: перья у птиц были взъерошены, шерстка у зверьков промокла насквозь. Вода текла с них ручьями, всем было холодно и неуютно.

Прежде всего, конечно, нужно было решить, как поскорее высохнуть. Стали держать совет. Не прошло и нескольких минут, как Алиса уже чувствовала себя так, словно знала их всех целую жизнь. Она даже поспорила с Попугайчиком Лори, который надулся и только твердил:

— Я старше, чем ты, и лучше знаю, что к чему!

Алиса потребовала, чтобы он сказал, сколько ему лет, но По-

пугайчик решительно отказался. На том спор и кончился. Наконец Мышь, к которой все относились с почтением, закрычала:

— Садитесь, все садитесь и слушайте. Вы у меня вмиг высохнете!

Все послушно уселись в круг, а Мышь стала посредине. Алиса не отрывала от нее глаз, она знала, что если тут же не высохнет, ей грозит сильная простуда.

— Гхе-гхе!— откашлялась с важным видом Мышь.— Все готовы? Тогда начнем. Это вас мигом высушит! Тишина! «Вильгельм Завоеватель с благословения папы римского быстро добился полного подчинения англосаксов, которые нуждались в твердой власти и видели на своем веку немало несправедливых захватов трона и земель. Эдвин, граф Мерсии, и Моркар, граф Нортумбрии...»

— Д-да!— сказал Попугайчик и содрогнулся.

— Простите,— спросила, нахмурясь, Мышь с чрезмерной учтивостью,— вы, кажется, что-то сказали?

— Нет-нет,— поспешно ответил Попугайчик.

— Значит, мне показалось,— заметила Мышь.— Итак, я продолжаю. «Эдвин, граф Мерсии, и Моркар, граф Нортумбрии, поддержали

Вильгельма Завоевателя, и даже Стиганд, архиепископ Кентерберийский, нашел это благоразумным...»

— Что он нашел?— спросил Робин Гусь.

— ... нашел это,— отвечала Мышь.— Ты что, не знаешь, что такое «это»?

— Еще бы мне не знать,— отвечал Робин Гусь.— Когда я что-нибудь нахожу, это обычно бывает лягушка или червяк. Вопрос в том, что же нашел архиепископ?

Мышь не удостоила его ответом и торопливо продолжала:

— «... нашел это благоразумным и решил вместе с Эдгаром Этелингом отправиться к Вильгельму и предложить ему корону. Поначалу Вильгельм вел себя очень сдержанно, но наглость его воинов нормандцев...» Ну как, милочка, подсыхаешь? — спросила она Алису.

— С меня так и льет,— ответила Алиса печально.— Я и не думаю сохнуть!

— В таком случае,— провозгласил Додо,— я предлагаю принять резолюцию о немедленном роспуске собрания с целью принятия самых экстренных мер для скорейшего...

— Говорите по-человечески,— сказал Орленок Эд.— Я и половины этих слов не знаю! Да и сами вы, по-моему, их не понимаете.

И Орленок отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Птицы тихо захихикали.

— Я хотел сказать,— обиженно проговорил Додо,— что нужно устроить Бег по кругу. Тогда мы вмиг высохнем!

— А что это такое?— спросила Алиса.

Сказать по правде, ее это не очень интересовало, но Додо многозначительно молчал, видно, ждал вопроса. И так как все тоже молчали, спрашивать пришлось Алисе.

— Чем объяснять,— сказал Додо,— лучше показать!

(Может, и ты захочешь как-нибудь зимой сыграть в эту игру? В таком случае я расскажу тебе, что делал Додо.)

Сначала он нарисовал на земле круг. Правда, круг вышел не очень-то ровный, но Додо сказал:

— Правильность формы несущественна!

А потом расставил всех без всякого порядка по кругу. Никто не подавал команды — все побежали, когда захотели. Трудно было понять, как и когда должно кончиться это состязание. Через полчаса, когда все набегались и просохли, Додо вдруг закричал:

— Бег закончен!

Все столпились вокруг него и, тяжело дыша, стали спрашивать:

— Кто же победил?

На этот вопрос Додо не мог ответить, не подумав как следует. Он застыл на месте, приложив ко лбу палец (в такой позе обычно изображают Шекспира, помнишь?), и погрузился в размышления. А все стояли вокруг и молча ждали. Наконец Додо произнес:

— Победили все! И каждый получит награды!

— А кто же их будет раздавать?— спросили все хором.

— Она, конечно,— ответил Додо, ткнув пальцем в Алису. Все окружили Алису и наперебой закричали:

— Награды! Награды! Раздавай награды!

Алиса растерялась. В замешательстве она сунула руку в карман и вытащила оттуда пакетик цукатов. (К счастью, слезы их не размочили.) Она раздала их собравшимся — каждому по цукату, только-только хватило.

— Но она ведь тоже заслужила награду,— сказала Мышь.

— Конечно,— подхватил важно Додо.

И, повернувшись к Алисе, спросил:

— У тебя осталось что-нибудь в кармане?

— Нет, — отвечала Алиса грустно. — Только наперсток.

— Давай его сюда! — приказал Додо.

Тут все снова столпились вокруг Алисы, а Додо торжественно подал ей наперсток и сказал:

— Мы просим тебя принять в награду этот изящный наперсток!

Эта краткая речь была встречена общими рукоплесканиями.

Алисе вся эта церемония показалась очень смешной, но вид у всех был такой серьезный, что она не посмела засмеяться. Она хотела ответить на речь Додо, но не могла ничего придумать и только чинно поклонилась и взяла наперсток.

Все принялись за угощение. Поднялся страшный шум и переполох. Большие птицы мигом проглотили свои цукаты и начали жаловаться, что и распробовать их не успели. А у птичек поменьше цукаты застряли в горле — пришлось хлопать их по спине. Наконец все поели, уселись в круг и попросили Мышь рассказать им еще что-нибудь.

— Вы обещали рассказать нам свою историю, — сказала Алиса. — И почему вы ненавидите... К и С.

Последнюю фразу она произнесла шепотом, боясь, как бы не обидеть Мышь снова.

— Это очень длинная и грустная история, — начала Мышь со вздохом.

Помолчав, она вдруг взвизгнула:

— Прохвост!

— *Про хвост?* — повторила Алиса с недоумением и взглянула на ее хвост. — Грустная история *про хвост?*

Но Мышь ее не слушала — она вся ушла в свой рассказ. И пока она говорила, Алиса все никак не могла понять, какое это имеет отношение к мышиному хвосту. Поэтому история, которую рассказала Мышь, выглядела в ее воображении вот так:

ЦАП-ЦАРАП-
СКАЗАЛ МЫШ-
КЕ: - ВОТ-КА-
КИЕ ДЕЛУШ-
КИ, МЫ ПОЙ-
ДЕМ С ТО-
БОЙ В СУД,
И НЕ СМЕЙ
ОТТИРАТЬСЯ,
МЫ ДОЛЖНЫ
РАСКВИТАТЬСЯ,
ПОТОМУ ЧТО
ВСЕ УТРО
Я ВЕЗДЕ
ДА СИЖУ.
И НА ЭТО
НАХАЛУ
МЫШКА ТАК
ОТВЕЧАЛА -
БЕЗ СЛА-
ВТИЯ,
СУДЯРЬ ДЕЛ
НЕ ВЕДУТ.
- Я И СУД,
И СЛЕД-
СТВИЕ, -
ЦАП-ЦАРАП
ЕЙ ОТВЕТ-
СТВУЕТ. -
ПРИСУЖУ
ТЕБЕ
И КА-
ПУ-
Т.

— Ты не слушаешь! — строго сказала Алисе Мышь.

— Нет, почему же, — ответила скромно Алиса. — Вы дошли уже до пятого завитка, не так ли?

— Глупости! — рассердилась Мышь. — Вечно всякие глупости! Как я от них устала! Этого просто не вынести!

— А что нужно *вынести*? — спросила Алиса. (Она всегда готова была услужить.) — Разрешите, я помогу!

— И не подумаю! — сказала обиженно Мышь, встала и пошла прочь. — Болтаешь какой-то вздор! Ты, верно, хочешь меня оскорбить!

— Что вы! — возразила Алиса. — У меня этого и в мыслях не было! Просто вы все время обижаетесь.

Мышь в ответ только заворчала.

— Прошу вас, не уходите! — крикнула ей вслед Алиса. — Доскажите нам вашу историю!

И все хором поддержали ее:

— Да-да, не уходите!

Но Мышь только мотнула нетерпеливо головой и побежала быстрее.

— Как жаль, что она не пожелала остаться, — вздохнул Попугайчик Лори, как только она скрылась из виду.

А старая Медуза сказала своей дочери:

— Ах, дорогая, пусть это послужит тебе уроком. Нужно всегда держать себя в руках!

— Попридержите-ка лучше язык, маменька, — отвечала юная Медуза с легким раздражением. — Не вам об этом говорить. Вы даже устрицу выведете из терпения!

— Вот бы сюда нашу Дину! — сказала громко Алиса, не обращаясь ни к кому в отдельности. — Она бы вмиг притащила ее обратно!

— Позвольте вас спросить: кто эта Дина? — поинтересовался Лори.

Алиса всегда была рада поговорить о своей любимице.

— Это наша кошка, — отвечала она с готовностью. — Вы даже представить себе не можете, как она ловит мышей! А птиц как хватает! Раз — и проглотила, даже косточек не оставила!

Речь эта произвела на собравшихся глубокое впечатление. Птицы заторопились по домам. Старая сорока начала кутаться в шаль.

— Пойду-ка я домой, — сказала она. — Ночной воздух вреден моему горлу.

А Канарейка стала кликать дрожащим голоском своих детишек:

— Идемте-ка домой, мои дорогие! Вам давно пора в постель!

Вскоре под разными предлогами все разошлись по домам, и Алиса осталась одна.

«И зачем это я заговорила о Дине,— грустно подумала Алиса.— Никому она здесь не нравится. А ведь лучше кошки не сыщешь! Ах, Дина, милочка! Увижу я тебя когда-нибудь или нет?»

Тут бедная Алиса снова заплакала — ей было так грустно и одиноко.

Немного спустя снова послышался легкий звук шагов. Она оглянулась. Может, это Мышь перестала сердиться и пришла, чтобы закончить свой рассказ?

Глава четвертая

БИЛЛЬ ВЫЛЕТАЕТ В ТРУБУ

Но это был Белый Кролик. Он медленно трусил назад, с волнением глядя по сторонам, словно что-то искал. Алиса услышала, как он бормочет про себя:

— Ах, Герцогиня! Герцогиня! Бедные мои лапки! Бедные мои усики! Она же велит меня казнить! Как пить дать велит! Где же я их потерял?

Алиса тут же догадалась, что он ищет веер и белые перчатки, и принялась их искать, желая по доброте сердечной ему помочь. Но веера и перчаток нигде не было. Все вокруг изменилось, большой зал со стеклянным столиком и дверцей куда-то исчез, словно его и не бывало.

Вскоре Кролик заметил Алису.

— Эй, Мэри-Энн,— сердито крикнул он,— а ты что здесь делаешь? Беги-ка скорей домой и принеси мне пару перчаток и веер! Да поторопись!

Алиса так испугалась, что со всех ног бросилась исполнять поручение. Она даже не попыталась объяснить Кролику, что он ошибся.

«Он, верно, принял меня за горничную,— думала она на бегу.— Вот удивится, когда узнает, кто я такая! Все равно, отнесу ему перчатки и веер, если только найду, конечно!»

В эту минуту она увидела чистенький домик. На двери была прибитая медная дощечка, начищенная до блеска, а на дощечке было написано: «Б. Кролик».

Алиса без стука вошла и побежала по лестнице наверх. Она очень боялась встретить настоящую Мэри-Энн. Конечно, та просто выгнала бы ее из дому, и она не смогла бы тогда отнести Кролику веер и перчатки.

«Как странно, что я у Кролика на побегушках! — думала Алиса.— Не хватает еще, чтобы Дина давала мне поручения!»

И она принялась выдумывать, как бы это могло быть.

«Мисс Алиса! Идите скорее сюда! Пора на прогулку, а вы еще не одеты!»—«Сейчас, няня! Я должна последить за мышинной норкой, пока Дина не вернется. Она велела мне смотреть, чтобы мышка не убежала!» Впрочем, Дину, верно, выгонят, если она станет так распоряжаться!»

Размышляя таким образом, она пробралась в маленькую комнатку, сверкающую чистотой. У окна стоял стол, а на нем, как она и надеялась, лежал веер и несколько пар крошечных перчаток. Алиса взяла веер и пару перчаток и совсем уже собралась выйти из комнатки, как вдруг увидала у зеркала маленький пузырек. На нем не было написано: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!», но Алиса открыла его и поднесла к губам.

«Стоит мне что-нибудь проглотить,— подумала она,— как тут же происходит что-нибудь интересное. Посмотрим, что будет на этот раз! Мне бы очень хотелось опять подрасти. Надоело быть такой крошкой!»

Так оно и случилось — и гораздо быстрее, чем предполагала Алиса. Не успела она отпить и половины, как уперлась головой в потолок. Пришлось ей пригнуться, чтоб не сломать себе шею. Она быстро поставила пузырек на стол.

— Ну, хватит,— сказала она.— Надеюсь, на этом я остановлюсь. Я и так уже в дверь не пролезу. Зачем только я так много выпила!

Увы! было уже поздно, она все росла и росла. Пришлось ей встать на колени, а через минуту и этого оказалось мало. Она легла, согнув одну руку в локте (рука доходила до самой двери), а другой обхватив голову. Через минуту ей снова стало тесно — она

продолжала расти. Пришлось ей выставить одну руку в окно, а одну ногу засунуть в дымоход.

Дальше расти было некуда.

— Больше я ничего не смогу сделать, что бы там ни случилось,— сказала она про себя.— Что-то со мной будет?

Но, к счастью, действие волшебного напитка на этом кончилось. Больше она не росла. Правда, легче от этого ей не стало. Особых надежд на спасение не было, и не мудрено, что она загрустила.

«Как хорошо было дома!— думала бедная Алиса.— Там я всегда была одного роста! И всякие мышки и кролики мне были не указ. Зачем только я полезла в эту кроличью норку! И все же... все же... Такая жизнь мне по душе, все тут так необычно! Интересно, что же со мной произошло? Когда я читала сказки, я твердо знала, что такого на свете не бывает. А теперь я сама в них угодила. Обо мне надо написать книжку, большую, хорошую книжку. Вот вырасту и напишу...»

Тут Алиса замолчала и грустно прибавила:

— Да, но ведь я уже *выросла*... Во всяком случае здесь мне расти больше некуда!

«А вдруг я на этом не остановлюсь?— думала Алиса.— Пожалуй, это неплохо, я тогда не состарюсь! Правда, мне придется всю жизнь учить уроки. Нет, не хочу!»

— Ах, какая ты глупая, Алиса!— возразила она себе.— Как здесь учить уроки? Тебе самой-то места едва хватает... Куда же ты денешь учебники?

Так она разговаривала и спорила сама с собой, беря то одну сторону, то другую. Беседа получалась очень интересная, но тут под окнами послышался чей-то голос. Она замолчала и прислушалась.

— Мэри-Энн! Мэри-Энн!— кричал голос.— Неси-ка сюда перчатки! Да поторапливайся!

Вслед за тем на лестнице послышался топот маленьких ног. Алиса поняла, что это Кролик ее ищет, и забыв о том, что она теперь в тысячу раз его больше и бояться ей его нечего, так задрожала, что весь дом зашатался.

Кролик подошел к двери и толкнул в нее лапкой. Но дверь открывалась внутрь, а так как Алиса уперлась в нее локтем, она не поддавалась. Алиса услышала, как Кролик сказал:

— Что ж, обойду дом кругом и залезу в окно...

«Ну, нет!»— подумала Алиса.

Подождав, пока он, по ее расчетам, должен был подойти к окну, она наугад высунула руку и попробовала его схватить. Послы-

шался крик, что-то шлепнулось, зазвенело разбитое стекло. Видно, он упал в теплицы, в которых выращивал огурцы.

Потом раздался сердитый крик.

— Пат! Пат!— кричал Кролик.— Да где же ты?

А какой-то голос, которого Алиса раньше не слыхала, отвечал:

— Я тут! Яблочки копаю, ваша честь!

— Яблочки копаю!— рассердился Кролик.— Нашел время! Лучше помоги мне выбраться отсюда.

Снова зазвенело разбитое стекло.

— Скажи-ка, Пат, что это там в окне?

— Рука, конечно, ваша честь!

(Последние два слова он произносил в одно — получалось что-то вроде «вашчьсть!».)

— Дубина, какая ж это рука? Ты когда-нибудь видел такую руку? Она же в окно едва влезла!

— Оно, конечно, так, вашчьсть! Только это рука!

— Ей там во всяком случае не место! Иди и убери ее, Пат!

Наступило долгое молчание. Алиса с трудом различала тихий шепот:

— Вашчьсть, не лежит у меня сердце... Не надо, вашчьсть!

Прошу вас...

— Трус ты эдакий! Делай, что тебе говорят!

Тут Алиса снова пошевелила пальцами в воздухе. На этот раз послышался крик двух голосов. И снова посыпались стекла.

«Какие большие там теплицы! — подумала Алиса.— Интересно, что они теперь будут делать! «Убери ее, Пат!» Я бы и сама была рада отсюда убраться! Вот бы они мне помогли!»

Она еще немножко подождала, но все было тихо. Немного спустя послышался скрип колес и гул голосов. Их было много, и все говорили наперебой.

— А где вторая лестница?

— Я должен был привезти только одну. Вторую Билль привезет!

— Эй, Билль! Тащи-ка ее сюда!

— Ставьте их с этого угла!

— Надо сначала их связать! Они и до середины не достают!

— Достанут, не бойся!

— Эй, Билль! Лови веревку!

— А крыша выдержит?

— Осторожно! Эта черепица шатается...

— Сорвалась! Падает!

— Головы береги!

Послышался громкий треск.

— Ну вот, это кто же наделал?

— Сдается мне, что Билль!

— Кто полезет в трубу?

— Я не полезу! Сам полезай!

— Ну уж нет! Ни за какие коврижки!

— Пусть лезет Билль!

— Эй, Билль! Слышишь? Хозяин велит тебе лезть!

— Ах вот оно что! — сказала про себя Алиса. — Значит, лезть приходится Биллю? Все на него сваливают! Я бы ни за что не согласилась быть на его месте. Камин здесь, конечно, невелик, особенно не размахнешься, а все же лягнуть его я сумею!

Алиса просунула ногу подальше в камин и стала ждать. Наконец она услышала, что в дымоходе прямо над ней кто-то шуршит и скребется (что это был за зверек, она не могла догадаться).

— А вот и Билль! — сказала она про себя и из всех сил поддала ногой.

— Интересно, что теперь будет!

Сначала она услышала, как все закричали:

— Билль! Билль! Вон летит Билль!

Потом голос Кролика:

— Эй, там, у кустов! Ловите его!

Потом молчание и снова взволнованные голоса:

— Голову, голову держите!

— Дайте ему бренди!

— Не в то горло...

— Ну как, старина?

— Что это было, старина?

— Расскажи, что случилось, старина!

Наконец раздался тоненький, слабый голос. («Это и есть Билль»,— подумала Алиса.)

— Сам не знаю... Спасибо, больше не нужно. Мне уже легче... Вот только с мыслями никак не соберусь. Чувствую, что-то меня снизу поддало — и р-раз в небо, как шутиха!

— Вот уж точно, как шутиха!— подхватили остальные.

— Нужно сжечь дом!— сказал вдруг Кролик.

Алиса крикнула во весь голос:

— Попробуйте только, я натравлю на вас Дину!

Мгновенно наступила мертвая тишина.

«Интересно, что они теперь будут делать?— подумала Алиса.— Если бы они хоть что-нибудь соображали, они бы сняли крышу!»

Минуты через две внизу опять началось движение. Алиса услышала, как Кролик сказал:

— Для начала хватит одной тачки.

«Тачки чего?»— подумала Алиса.

Недоумевала она недолго. В следующую минуту в окно посыпался град мелких камешков. Некоторые попали ей прямо в лицо.

«Сейчас я это прекращу»,— подумала Алиса.

— Перестаньте!— крикнула она во весь голос.— А то худо будет!

Снова наступила мертвая тишина.

Алиса меж тем с удивлением заметила, что камешки, упав на пол, тотчас превращаются в пирожки. Тут Алису осенило.

«Если я съем пирожок,— подумала она,— со мной обязательно что-нибудь случится. Расти мне больше некуда, так что скорее всего я стану меньше!»

Она проглотила один пирожок и с радостью заметила, что росту в ней поубавилось. Как только она уменьшилась настолько, что смогла пройти в дверь, она тотчас выбежала из дому и увидала под окнами целую толпу птиц и зверюшек. В середине лежал на земле бедный Ящерка Билль, две морские свинки поддерживали ему голову и чем-то поили из бутылки. Увидев Алису, все бросились к ней, но она пустилась наутек и вскоре оказалась в дремучем лесу.

— Прежде всего нужно принять прежний вид,— сказала Алиса, пробираясь меж деревьев.— А потом найти дорогу в тот чудесный сад. Так и поступлю — лучше плана не придумаешь!

И вправду, план был замечательный — такой простой и ясный. Одно только плохо: Алиса не имела ни малейшего пред-

ставления о том, как все это осуществить. Она с тревогой вглядывалась в чашу, как вдруг прямо у нее над головой кто-то громко тьякнул. Она вздрогнула и подняла глаза.

Гигантский щенок смотрел на нее огромными круглыми глазами и тихонько протягивал лапу, стараясь коснуться ее.

— Бе-е-дненький, ма-а-ленький! — сказала заискивающе Алиса и попробовала посвистать ему, но губы у нее дрожали, и свист не получился. А что, если щенок голоден? Чего доброго, еще съест, как перед ним ни заискивай!

Алиса нагнулась, подняла с земли палочку и не отдавая себе отчета в том, что делает, протянула ее щенку. Щенок взвизгнул от счастья, подпрыгнул всеми лапами в воздух и ухватился за палку. Алиса увернулась и спряталась за куст чертополоха, испугавшись, как бы щенок на радостях ее не затоптал. Только она показалась из-за куста, как щенок снова бросился на палку, но не рассчитал силы и полетел кувырком. «Играть с ним, — подумала Алиса, — все равно, что играть с ломовой лошадей — того и гляди, погибнешь под копытами!» Алиса снова юркнула за чертополох. А щенок не мог оторваться от палки: отбегал подальше, с хриплым лаем бросался на нее, а потом снова отбегал. Наконец он устал и, тяжело дыша, уселся поодаль, высунув язык и полуприкрыв свои огромные глаза.

Время улизнуть было самое подходящее. Алиса не стала терять ни минуты. Она бежала, пока совсем не задохнулась от усталости и лай щенка не затих в отдалении. Тогда она остановилась и, прислонясь к стеблю лютика, стала обмахиваться его листом.

— А щенок-то какой чудесный! — сказала задумчиво Алиса. — Я бы могла его научить разным фокусам, если б... если б только я была нужного роста! Да, кстати, чуть не забыла, мне бы надо еще подрасти! Дайте-ка вспомнить, как это делается? Если не ошибаюсь, нужно что-то съесть или выпить. Только вот что?

И вправду, что? Алиса поглядела кругом на цветы и травы, но не увидела ничего подходящего. Неподалеку стоял гриб — большой, почти с нее ростом. Она заглянула за него, и под него, и по обе стороны от него. Тут ей пришло в голову, что, если уж на то пошло, можно посмотреть, нет ли у него чего-нибудь на шляпке?

Она поднялась на цыпочки, заглянула наверх — и встретила глазами с огромной синей гусеницей. Та сидела, скрестив на груди руки, и томно курила кальян, не обращая никакого внимания на то, что творится вокруг.

СИНЯЯ ГУСЕНИЦА ДАЕТ СОВЕТ

Алиса и Синяя Гусеница долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Наконец Гусеница вынула кальян изо рта и медленно, словно в полусне, заговорила:

— Ты... кто... такая?

Начало не очень-то располагало к беседе.

— Сейчас, право, не знаю, сударыня, — отвечала Алиса робко. — Я знаю, кем я была сегодня утром, когда проснулась, но с тех пор я уже несколько раз менялась.

— Что это ты выдумываешь? — строго спросила Гусеница. — Да ты в своем уме?

— Не знаю, — отвечала Алиса. — Должно быть, в чужом. Видите ли...

— Не вижу, — сказала Гусеница.

— Боюсь, что не сумею вам все это объяснить, — учтиво промолвила Алиса. — Я и сама ничего не понимаю. Столько превращений в один день хоть кого собьет с толку.

— Не собьет, — сказала Гусеница.

— Вы с этим, верно, еще не сталкивались, — пояснила Алиса. — Но когда вам придется превращаться в куколку, а потом в бабочку, вам это тоже покажется странным.

— Нисколько! — сказала Гусеница.

— Что ж, возможно, — проговорила Алиса. — Я только знаю, что мне бы это было странно.

— Тебе! — повторила Гусеница с презрением. — А кто ты такая?

Это вернуло их к началу беседы. Алиса немного рассердилась — уж очень неприветливо говорила с ней Гусеница. Она выпрямилась и произнесла, стараясь, чтобы голос ее звучал повнушительнее:

— По-моему, это вы должны мне сказать сначала, кто вы такая.

— Почему?— спросила Гусеница.

Вопрос поставил Алису в тупик. Она ничего не могла придумать, а Гусеница, видно, просто была не в духе, так что Алиса повернулась и пошла прочь.

— Вернись!— закричала Гусеница ей вслед.— Мне нужно сказать тебе что-то очень важное.

Это звучало заманчиво, и Алиса вернулась.

— Держи себя в руках!— сказала Гусеница.

— Это все?— спросила Алиса, стараясь не сердиться.

— Нет,— отвечала Гусеница.

Алиса решила подождать, все равно делать ей было нечего, а вдруг все же Гусеница скажет что-нибудь стоящее? Сначала та долго сосала кальян, но наконец вынула мундштук из рта и сказала:

— Значит, по-твоему, ты изменилась?

— Да, сударыня,— отвечала Алиса,— и это очень грустно. То одного становлюсь роста, то другого и ничего не помню.

— Ничего не помнишь?— спросила Гусеница.

— Ничего!— сказала с тоской Алиса.— Я пробовала прочитать «Дом, который построил Джек», а получилось что-то совсем другое.

— Попробуй «Папу Вильяма»,— предложила Гусеница.— Это мое любимое стихотворение.

И, не дожидаясь, пока Алиса начнет, Гусеница стала читать сама:

— Папа Вильям,— сказал любознательный сын,—
Голова твоя вся поседела,
Но здоров ты и крепок, дожив до седин,
Как ты думаешь, в чем же тут дело?

— В ранней юности,— старец промолвил в ответ,—
Знал я: наша весна быстротечна.
И берег я здоровье с младенческих лет,
Не растрачивал силы беспечно...

— Как там дальше?— спросила Гусеница.

— Не знаю,— отвечала грустно Алиса.— Я могу читать только с начала.

— Что ж, читай с начала,— сказала Гусеница.— Хорошие стихи всегда приятно послушать.

Алиса сложила руки и начала:

— Папа Вильям,— сказал любопытный малыш,—
Голова твоя белого цвета.
Между тем ты всегда вверх ногами стоишь.
Как ты думаешь, правильно это?

— В ранней юности,— старец промолвил в ответ,—
Я боялся раскинуть мозгами,
Но узнав, что мозгов в голове моей нет,
Я спокойно стою вверх ногами.

— Ты старик,— продолжал любопытный юнец,—
Этот факт я отметил вначале.
Почему ж ты так ловко проделал, отец,
Троекратное сальто-мортале?

— В ранней юности,— сыну ответил старик,—
Натирался я мазью особой,
На два шиллинга банка — один золотник,
Вот, не купишь ли банку на пробу?

— Ты немолод,— сказал любознательный сын,—
Сотню лет ты без малого прожил.
Между тем двух гусей за обедом один
Ты от клюва до лап уничтожил.

— В ранней юности мышцы своих челюстей
Я развил изучением права,
И так часто я спорил с женою своей,
Что жевать научился на славу!

— Мой отец, ты простишь ли меня, несмотря
На неловкость такого вопроса:
Как сумел удержать ты живого угря
В равновесье на кончике носа?

— Нет, довольно!— сказал возмущенный отец.—
Есть границы любому терпенью.
Если пятый вопрос ты задашь, наконец,
Сосчитаешь ступень за ступенью!

— Все неверно,— сказала Гусеница.

— Да, не *совсем* верно,— робко согласилась Алиса.— Некоторые слова не те.

— Все не так, от самого начала и до самого конца,— строго проговорила Гусеница.

Наступило молчание.

— А какого роста ты хочешь быть?— спросила наконец Гусеница.

— Ах, все равно,— быстро сказала Алиса.— Только, знаете, так неприятно все время меняться...

— Не знаю,— отрезала Гусеница.

Алиса молчала: никогда в жизни ей столько не перечили, и она чувствовала, что теряет терпение.

— А теперь ты довольна?— спросила Гусеница.

— Если вы не возражаете, сударыня,— отвечала Алиса,— мне бы хотелось хоть капельку подрасти. Три дюйма — такой ужасный рост!

— Это прекрасный рост!— сердито закричала Гусеница и вытянулась во всю длину. (В ней было ровно три дюйма.)

— Но я к нему не привыкла!— жалобно протянула бедная Алиса. А про себя подумала: «До чего они тут все обидчивые!»

— Со временем привыкнешь,— возразила Гусеница, сунула мундштук в рот и пустила дым в воздух.

Алиса терпеливо ждала, пока Гусеница не соизволит снова обратить на нее внимание. Минуты через две Гусеница вынула кальян изо рта, зевнула раз-другой и потянулась. Потом она сползла с гриба и скрылась в траве, бросив Алисе на прощанье:

— Откусишь с одной стороны — подрастешь, а с другой — уменьшишься!

«С одной стороны чего? — подумала Алиса.— С другой стороны чего?»

— Гриба,— ответила Гусеница, словно услышала вопрос, и исчезла из виду.

С минуту Алиса задумчиво смотрела на гриб, пытаясь определить, где у него одна сторона, а где — другая; гриб был круглый, и это совсем сбilo ее с толку. Наконец она решилась: обхватила гриб руками и отломилась с каждой стороны по кусочку.

«Интересно, какой из них какой?»— подумала она и откусила немножко от того, который держала в правой руке. В ту же минуту она почувствовала сильный удар снизу в подбородок: он стукнулся о ноги!

Столь внезапная перемена очень ее напугала; нельзя было терять ни минуты, ибо она стремительно уменьшалась. Алиса взялась за другой кусок, но подбородок ее так прочно прижало к ногам, что она никак не могла открыть рот. Наконец ей это удалось, и она откусила немного из левой руки.

* * * * *

— Ну вот, голова наконец освободилась!— радостно воскликнула Алиса. Впрочем, радость ее тут же сменилась тревогой: куда-то пропали плечи. Она взглянула вниз, но увидела только шею невероятной длины, которая возвышалась, словно огромный шест, над зеленым морем листвы.

— Что это за зелень?— промолвила Алиса.— И куда девались мои плечи? Бедные мои ручки, где вы? Почему я вас не вижу?

С этими словами она пошевелила руками, но увидеть их все равно не смогла, только по листве далеко внизу прошел шелест.

Убедившись, что поднять руки к голове не удастся, Алиса решила нагнуть к ним голову и с восторгом убедилась, что шея у нее, словно змея, гнется в любом направлении. Алиса выгнула шею изящным зигзагом, готовясь нырнуть в листву (ей уже стало ясно, что это верхушки деревьев, под которыми она только что стояла), как вдруг послышалось громкое шипение. Она вздрогнула и отступила. Прямо в лицо ей, яростно бия крыльями, кинулась горлица.

— Змея!— кричала Горлица.

— Никакая я не змея!— возмутилась Алиса.— Оставьте меня в покое!

— А я говорю — змея!— повторила Горлица несколько сдержаннее.

И, всхлипнув, прибавила:

— Я все испробовала — и все без толку! Им ничего не подходит!

— Понятия не имею, о чем вы говорите!— сказала Алиса.

— Корни деревьев, речные берега, кусты,— продолжала Горлица, не слушая.— Ох, эти змеи! На них не угодишь!

Алиса недоумевала все больше и больше. Впрочем, она понимала, что, пока Горлица не кончит, задавать ей вопросы бессмысленно.

— Мало того, что я высиживаю птенцов, еще сторожи их день и ночь от змей! Вот уже три недели, как я глаз не сомкнула ни на минутку!

— Мне очень жаль, что вас так тревожат,— сказала Алиса.

Она начала понимать, в чем дело.

— И стоило мне устроиться на самом высоком дереве,— продолжала Горлица все громче и громче и наконец срываясь на крик,— стоило мне подумать, что я наконец-то от них избавилась, как нет! Они тут как тут! Лезут на меня прямо с неба! У-у! Змея подколотная!

— Никакая я не змея! — сказала Алиса.— Я просто... просто...

— Ну скажи, скажи, кто ты такая?— подхватила Горлица.— Сразу видно, хочешь что-то выдумать.

— Я... я... маленькая девочка,— сказала Алиса не очень уверенно, вспомнив, сколько раз она менялась за этот день.

— Ну уж, конечно,— ответила Горлица с величайшим презрением.— Видала я на своем веку много маленьких девочек, но с такой шеей — ни одной! Нет, меня не проведешь! Самая настоящая змея — вот ты кто! Ты мне еще скажешь, что ни разу не пробовала яйца.

— Нет, почему же, пробовала,— отвечала Алиса. (Она всегда говорила правду.) — Девочки, знаете, тоже едят яйца.

— Я этому не верю,— сказала Горлица.— Но если это так, тогда они тоже змеи! Больше мне нечего сказать.

Мысль эта так поразила Алису, что она замолчала. А Горлица прибавила:

— Знаю, знаю, ты яйца ищешь! А девочка ты или змея — мне это безразлично.

— Но мне это совсем не безразлично,— поспешила возразить Алиса.— И, по правде сказать, яйца я не ищу! А если даже и искала б, то ваши мне все равно бы не понадобились. Я сырые не люблю!

— Ну, тогда убирайся! — сказала хмуро Горлица и снова усеялась на свое гнездо.

А Алиса стала спускаться на землю, что оказалось совсем не просто: шея то и дело запутывалась среди ветвей, так что приходилось останавливаться и вытаскивать ее оттуда. Немного спустя Алиса вспомнила, что все еще держит в руках кусочки гриба, и принялась понемножку откусывать сначала от одного, а потом от другого, то вырастая, то уменьшаясь, пока наконец не приняла прежнего своего вида.

Поначалу это показалось ей очень странным, так как она успела уже отвыкнуть от собственного роста, но вскоре она освоилась и начала опять беседовать сама с собой.

— Ну вот, половина задуманного сделана! Как удивительны все эти перемены! Не знаешь, что с тобой будет в следующий миг... Ну ничего, сейчас у меня рост опять прежний. А теперь надо попасть в тот сад. Хотела бы я знать, как это сделать?

Тут она вышла на полянку, где стоял маленький домик, не более четырех футов вышиной.

«Интересно, кто там живет?— подумала Алиса.— Но мне нельзя туда идти, я слишком большая. Перепугаю их до смерти!»

Она принялась за гриб и не подходила к дому до тех пор, пока не уменьшилась до девяти дюймов.

ПОРОСЕНОК И ПЕРЕЦ

С минуту она стояла и смотрела в раздумье на дом. Вдруг из лесу выбежал ливрейный лакей и забарабанил в дверь. (Что это лакей, она решила по ливрее; если же судить по его внешности, это был простой лещ.) Ему открыл другой ливрейный лакей с круглой физиономией и выпученными глазами, очень похожий на лягушонка. Алиса заметила, что у обоих на голове пудренные парики с длинными локонами. Ей захотелось узнать, что здесь происходит, она спряталась за дерево и стала слушать.

Лакей-Лещ вынул из-под мышки огромное письмо (величиной с него самого, не меньше) и передал его Лягушонку.

— Герцогине, — произнес он с необычной важностью. — От Королевы. Приглашение на крокет.

Лягушонок принял письмо и так же важно повторил его слова, лишь слегка изменив их порядок:

— От Королевы. Герцогине. Приглашение на крокет.

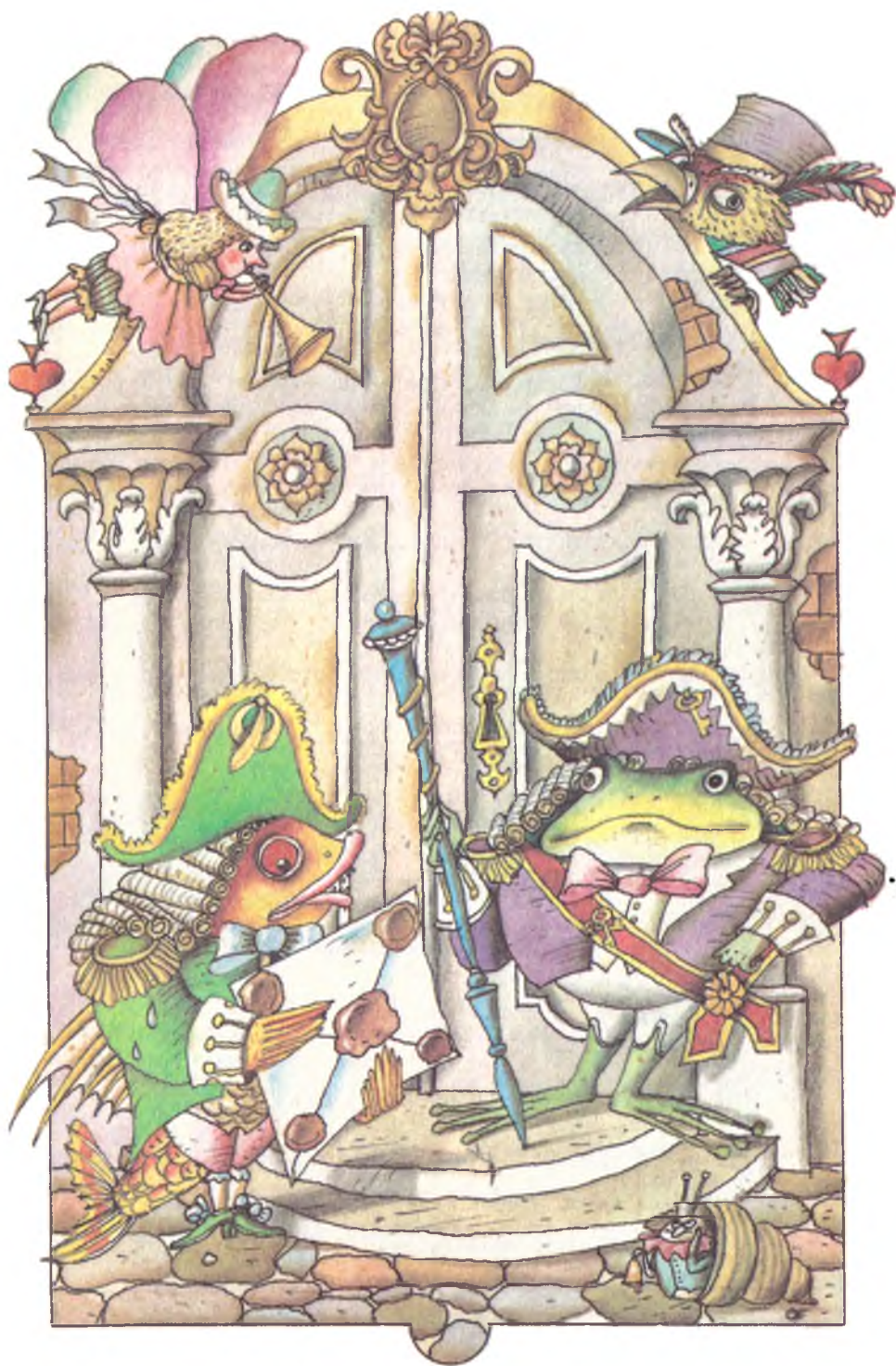
Затем они поклонились друг другу так низко, что кудри их смешались.

Алису такой смех разобрал, что ей пришлось убежать подальше в лес, чтобы они не услышали; когда же она вернулась и выглянула из-за дерева, Лакея-Леща уже не было, а Лягушонок сидел возле двери на земле, бессмысленно уставившись в небо.

Алиса робко подошла к двери и постучала.

— Ни к чему стучать, — сказал Лакей. — По двум причинам ни к чему. Во-первых, я с той же стороны двери, что и ты. А во-вторых, они там так шумят, что никто тебя все равно не услышит.

И правда, в доме стоял страшный шум: кто-то визжал, кто-то чихал, а временами слышался оглушительный звон, будто там били посуду.

— Скажите, пожалуйста,— спросила Алиса,— как мне попасть в дом?

— Ты бы еще могла стучать,— продолжал Лягушонок, не отвечая на вопрос,— если б между нами была дверь. Например, если б ты была там, ты бы постучала, и я бы тогда тебя выпустил.

Все это время он не отрываясь смотрел в небо. Это показалось Алисе чрезвычайно невежливым.

«Возможно, он в этом не виноват,— подумала она.— Просто у него глаза на макушке. Но на вопросы, конечно, он мог бы и отвечать».

— Как мне попасть в дом?— повторила она громко.

— Буду здесь сидеть,— сказал Лягушонок,— хоть до завтра.

В эту минуту дверь распахнулась, и в голову Лягушонка полетело огромное блюдо. Но Лягушонок и глазом не моргнул. Блюдо пролетело мимо, слегка задев его по носу, и разбилось о дерево у него за спиной.

— ...или до послезавтра,— продолжал он как ни в чем не бывало.

— Как мне попасть в дом?— повторила Алиса громче.

— А стоит ли туда попадать?— сказал Лягушонок.— Вот в чем вопрос.

Может быть, так оно и было, но Алисе это совсем не понравилось.

«Как они любят спорить, эти зверюшки!— подумала она.— С ума сведут своими разговорами!»

А лягушонок, видно, решил, что сейчас самое время повторить свои замечания с небольшими вариациями.

— Так и буду здесь сидеть,— сказал он,— день за днем, месяц за месяцем...

— Что же мне делать?— спросила Алиса.

— Что хочешь,— ответил Лягушонок и засвистал.

«Нечего с ним разговаривать,— с досадой подумала Алиса.— Он такой глупый!»

Она толкнула дверь и вошла.

В просторной кухне стоял густой дым; посредине на колчено-

гом табурете сидела Герцогиня и качала младенца; кухарка у печи склонилась над огромным котлом, до краев наполненным супом.

«В этом супе слишком много перцу!» — подумала Алиса. Она расчихалась и никак не могла остановиться.

Во всяком случае в воздухе перцу было слишком много. Даже Герцогиня время от времени чихала, а младенец чихал и визжал без передышки. Только кухарка не чихала, да еще огромный кот, что сидел у печи и улыбался до ушей.

— Скажите, пожалуйста, почему это ваш кот так улыбается? — спросила Алиса робко. Она не знала, хорошо ли ей заговаривать первой, но не могла удержаться.

— Потому, — сказала Герцогиня. — Это Чеширский Кот — вот почему! Ах ты поросенок!

Последние слова она произнесла с такой яростью, что Алиса прямо подпрыгнула. Но она тут же поняла, что это относится не к ней, а к младенцу, и с решимостью продолжала:

— Я и не знала, что Чеширские Коты всегда улыбаются. По правде говоря, я вообще не знала, что коты умеют улыбаться.

— Умеют, — отвечала Герцогиня. — И почти все улыбаются.

— Я ни одного такого кота не видала, — учтиво заметила Алиса, очень довольная, что беседа идет так хорошо.

— Ты многого не видала, — отрезала Герцогиня. — Это уж точно!

Алисе совсем не понравился ее тон, и она подумала, что лучше бы перевести разговор на что-нибудь другое. Пока она размышляла, о чем бы еще поговорить, кухарка сняла котел с печи и, не тратя попусту слов, принялась швырять все, что попадало ей под руку, в Герцогиню и младенца. Совок, кочерга, щипцы для угля полетели им в головы, за ними последовали чашки, тарелки и блюда. Но Герцогиня и бровью не повела, хоть кое-что в нее и попало, а младенец и раньше так заливался, что невозможно было понять, больно ему или нет.

— Осторожней, прошу вас, — закричала Алиса, подскочив от страха. — Ой, прямо в нос! Бедный носик!

(В эту минуту прямо мимо младенца пролетело огромное блюдо и чуть не отхватило ему нос.)

— Если бы кое-кто не совался в чужие дела, — хрипло проворчала Герцогиня, — земля бы вертелась быстрее!

— Ничего хорошего из этого бы не вышло, — сказала Алиса, радуясь случаю показать свои знания. — Только представьте себе, что бы случилось с днем и ночью. Ведь земля совершает оборот за двадцать четыре часа...

— *Оборот?* — повторила Герцогиня задумчиво.

И, повернувшись к кухарке, прибавила:

— Возьми-ка ее в *оборот*! Для начала оттяпай ей голову!

Алиса с тревогой взглянула на кухарку, но та не обратила на этот намек никакого внимания и продолжала мешать свой суп.

— Кажется, за двадцать четыре,— продолжала задумчиво Алиса,— а может, за двенадцать?

— Оставь меня в покое,— сказала Герцогиня.— С числами я никогда не ладила!

Тут она запела колыбельную и принялась качать младенца, яростно встряхивая его в конце каждого куплета.

Дерите своего сынка
За то, что он чихает.
Он дразнит вас наверняка,
Нарочно раздражает!

Припев

(Его подхватили младенец и кухарка.)

Гав! Гав! Гав!

Герцогиня запела второй куплет. Она подбрасывала младенца к потолку и ловила его, а тот так визжал, что Алиса едва разбирала слова.

Дерет сынка любая мать
За то, что он чихает.
Он мог бы перец обожать,
Да только не желает!

Припев

Гав! Гав! Гав!

— Держи!— крикнула вдруг Герцогиня и швырнула Алисе младенца.— Можешь покачать его немного, если это тебе так нравится. А мне надо пойти и переодеться к крокету у Королевы.

С этими словами она выбежала из кухни. Кухарка швырнула ей вдогонку кастрюлю, но промахнулась.

Алиса чуть-чуть не выронила младенца из рук. Вид у него был какой-то странный, а руки и ноги торчали в разные стороны, как у морской звезды. Бедняжка пыхтел, словно паровоз, и весь изгибался, так что Алиса с трудом удерживала его.

Наконец она поняла, как надо с ним обращаться: взяла его одной рукой за правое ухо, а другой — за левую ногу, скрутила в узел и держала, не выпуская ни на минуту. Так ей удалось вынести его из дома.

«Если я не возьму малыша с собой, — подумала Алиса, — они через денек-другой его прикончат. Оставить его здесь — просто преступление!»

Последние слова она произнесла вслух, и младенец тихонько хрюкнул в знак согласия (чихать он уже перестал).

— Не хрюкай, — сказала Алиса. — Выражай свои мысли как-нибудь по-другому!

Младенец снова хрюкнул. Алиса с тревогой взглянула ему в лицо. Оно показалось ей очень подозрительным: нос такой вздернутый, что походил скорее на пятачок, а глаза для младенца слишком маленькие. В целом вид его Алисе совсем не понравился.

«Может, он просто всхлипнул», — подумала она и посмотрела ему в глаза, нет ли там слез.

Слез не было и в помине.

— Вот что, мой милый, — сказала Алиса серьезно, — если ты собираешься превратиться в поросенка, я с тобой возиться не буду. Так и знай!

Бедняжка снова всхлипнул (или всхрюкнул, трудно сказать!), и они продолжали свой путь в молчании.

Алиса уже начала подумывать о том, что с ним делать, когда она вернется домой, как вдруг он опять захрюкал, да так громко, что она перепугалась. Она взглядела ему в лицо и ясно увидела — это был самый настоящий поросенок! Глупо было бы нести его дальше.

Алиса опустила его на землю и очень обрадовалась, увидев, как весело он затрусил прочь.

«Если б он немного подрос, — подумала она, — из него бы вышел весьма неприятный ребенок. А как поросенок он очень мил!»

И она принялась вспоминать других детей, из которых вышли бы отличные поросята.

«Если б знать только, как их превращать», — подумала она и вздрогнула. В нескольких шагах от нее сидел на ветке Чеширский Кот.

Завидев Алису, Кот только улыбнулся. Вид у него был добродушный, но когти длинные, а зубов так много, что Алиса сразу поняла, что с ним шутки плохи.

— Котик! Чешик! — робко начала Алиса. Она не знала, понравится ли ему это имя, но он только шире улыбнулся в ответ.

«Ничего,— подумала Алиса,— кажется, доволен».

Вслух же она спросила:

— Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

— А куда ты хочешь попасть?— ответил Кот.

— Мне все равно...— сказала Алиса.

— Тогда все равно, куда и идти,— заметил Кот.

— ...только бы попасть куда-нибудь,— пояснила Алиса.

— Куда-нибудь ты обязательно попадешь,— сказал Кот.—

Нужно только достаточно долго идти.

С этим нельзя было не согласиться. Алиса решила перевести разговор.

— А что здесь за люди живут?— спросила она.

— Вон там,— сказал Кот и махнул правой лапой,— живет Шляпных Дел Мастер. А там,— и он махнул левой,— живет Мартовский Заяц. Все равно, к кому ты пойдешь. Оба не в своем уме.

— Почему?— спросила Алиса.

— Мастер столько возился с болванками для шляп, что совсем оболванился. Теперь все зовут его просто Болванщик. Ну, а Мартовский Заяц вконец окосел от весеннего мартовского солнца...

— На что мне безумцы?— сказала Алиса.

— Ничего не поделаешь,— возразил Кот.— Все мы здесь не в своем уме — и ты, и я!

— Откуда вы знаете, что я не в своем уме? — спросила Алиса.

— Конечно, не в своем,— ответил Кот.— Иначе как бы ты здесь оказалась?

Довод этот показался Алисе совсем неубедительным, но она не стала спорить, а только спросила:

— А откуда вы знаете, что вы не в своем уме?

— Начнем с того, что пес в своем уме. Согласна?

— Допустим,— согласилась Алиса.

— Дальше,— сказал Кот.— Пес ворчит, когда сердится, а когда доволен, виляет хвостом. Ну а я ворчу, когда я доволен, и виляю хвостом, когда сержусь. Следовательно, я не в своем уме.

— По-моему, вы не ворчите, а мурлыкаете,— возразила Алиса.— Во всяком случае, я это так называю!

— Называй как хочешь,— ответил Кот.— Суть от этого не меняется. Ты играешь сегодня в крокет у Королевы?

— Мне бы очень хотелось,— сказала Алиса,— но меня еще не пригласили.

— Тогда до вечера,— сказал Кот и исчез.

Алиса не очень этому удивилась, она уже начала привыкать ко всяким странностям. Она стояла и смотрела на ветку, где только что сидел Кот, как вдруг он снова возник на том же месте.

— Кстати, что случилось с ребенком?— сказал Кот.— Совсем забыл тебя спросить.

— Он превратился в поросенка,— отвечала Алиса и глазом не моргнув.

— Я так и думал,— сказал Кот и снова исчез.

Алиса подождала немножко, не появится ли он опять, но он не появлялся, и она пошла туда, где, по его словам, жил Мартовский Заяц.

— Шляпных Дел Мастера я уже видела,— говорила она про себя.— Мартовский Заяц, по-моему, куда интереснее. К тому же сейчас май — возможно, он уже пришел немножко в себя.

Тут она подняла глаза и снова увидела Кота.

— Как ты сказала, в поросенка или в гусенка? — спросил Кот.

— Я сказала — в поросенка,— ответила Алиса.— А можете вы исчезать и появляться не так внезапно? А то у меня голова идет кругом.

— Хорошо,— сказал Кот и исчез, на этот раз очень медленно. Первым исчез его кончик хвоста, а последней — улыбка: она долго еще парила в воздухе, когда все остальное уже пропало.

«Д-да!— подумала Алиса.— Видала я котов без улыбок, но улыбка без кота! Такого я в жизни еще не встречала».

Пройдя немного дальше, она увидела домик Мартовского Зайца. Ошибиться было невозможно — на крыше из заячьего меха торчали две трубы, удивительно похожие на заячьи уши. Дом был такой большой, что Алиса решила сначала съесть немного гриба, который она держала в левой руке. Подождав, пока не вырастет до двух футов, она неуверенно двинулась к дому.

«А вдруг он все-таки буйный?— думала она.— Пошла бы я лучше к Болванщику!»

БЕЗУМНОЕ ЧАЕПИТИЕ

Около дома под деревом стоял накрытый стол, а за столом пили чай Мартовский Заяц и Болванщик; между ними крепко спала Мышь-Соня. Болванщик и Заяц облокотились на нее, словно на подушку, и разговаривали через ее голову.

«Бедная Соня,— подумала Алиса.— Ей, наверно, неудобно? Впрочем, она спит, значит, ей все равно».

Стол был большой, но чаевники сидели с одного края, на уголке. Завидев Алису, они закричали:

— Занято! Занято! Мест нет!

— Как это нет?!— возмутилась Алиса и уселась в большое кресло во главе стола.

— Выпей вина,— бодро предложил Мартовский Заяц.

Алиса посмотрела на стол, но не увидела ни бутылки, ни рюмок.

— Я что-то его не вижу,— сказала она.

— Еще бы! Его здесь и нет!— отвечал Мартовский Заяц.

— Зачем же вы мне его предлагаете?— рассердилась Алиса.— Это не очень-то вежливо.

— А зачем ты уселась без приглашения?— ответил Мартовский Заяц.— Это тоже невежливо!

— Я не знала, что это стол на троих,— сказала Алиса.— Приборов здесь гораздо больше.

— Что-то ты слишком обросла! — заговорил вдруг Болванщик. До сих пор он молчал и только с любопытством разглядывал Алису.— Не мешало бы постричься.

— Потрудитесь не переходить на личности,— строго ответила Алиса.— Это очень грубо.

Болванщик оторопел.

— Чем ворон похож на конторку? — спросил он, помолчав.

«Так-то лучше,— подумала Алиса.— Загадки — это гораздо веселее...»

— По-моему, это я могу отгадать,— сказала она вслух.

— Ты хочешь сказать, что думаешь, будто знаешь ответ на эту загадку?— спросил Мартовский Заяц.

— Совершенно верно,— согласилась Алиса.

— Так бы и сказала,— заметил Мартовский Заяц.— Нужно всегда говорить то, что думаешь.

— Я так и делаю,— поспешила объяснить Алиса.— По крайней мере... По крайней мере я всегда думаю то, что говорю... а это одно и то же...

— Совсем не одно и то же,— возразил Болванщик.— Так ты еще, чего доброго, скажешь, будто «Я вижу то, что ем» и «Я ем то, что вижу» одно и то же!

— Так ты еще скажешь, будто «Что имею, то люблю» и «Что люблю, то имею» одно и то же! — подхватил Мартовский Заяц.

— Так ты еще скажешь,— проговорила, не открывая глаз, Соня,— будто «Я дышу, пока сплю» и «Я сплю, пока дышу» одно и то же!

— Для тебя-то это во всяком случае одно и то же! — сказал Болванщик, и на этом разговор оборвался.

С минуту все сидели молча. Алиса пыталась вспомнить то небольшое, что она знала про воронов и конторки.

Первым заговорил Болванщик.

— Какое сегодня число?— спросил он, поворачиваясь к Алисе и вынимая из кармана часы. Он с тревогой поглядел на них, потряс и приложил к уху.

Алиса подумала и ответила:

— Четвертое.

— Отстают на два дня,— вздохнул Болванщик.— Я же говорил: нельзя их смазывать сливочным маслом! — прибавил он сердито, поворачиваясь к Мартовскому Зайцу.

— Масло было самое свежее,— робко возразил Заяц.

— Да, но туда, верно, попали крошки,— проворчал Болванщик.— Не надо было мазать хлебным ножом.

Мартовский Заяц взял часы и уныло посмотрел на них, потом окунул их в чашку с чаем и снова посмотрел.

— Уверяю тебя, масло было самое свежее,— повторил он. Видно, больше ничего не мог придумать.

Алиса с любопытством выглянула из-за его плеча.

— Какие смешные часы!— заметила она.— Они показывают число, а не час!

— А что тут такого?— пробормотал Болванщик.— Разве твои часы показывают год?

— Конечно, нет,— отвечала с готовностью Алиса.— Ведь год тянется очень долго!

— Ну и у меня *то же самое!* — сказал Болванщик.

Алиса растерялась. В словах Болванщика как будто не было смысла, хоть каждое слово в отдельности и было понятно.

— Я не совсем вас понимаю, — сказала она учтиво.

— Соня опять спит, — заметил Болванщик и плеснул ей на нос горячего чаю.

Соня с досадой помотала головой и, не открывая глаз, проговорила:

— Конечно, конечно, я как раз собиралась сказать то же самое.

— Отгадала загадку? — спросил Болванщик, снова поворачиваясь к Алисе.

— Нет, — ответила Алиса. — Сдаюсь. Какой же ответ?

— Понятия не имею, — сказал Болванщик.

— И я тоже, — подхватил Мартовский Заяц.

Алиса вздохнула.

— Если вам нечего делать, — сказала она с досадой, — придумали бы что-нибудь получше загадок без ответа. А так только попусту теряете время.

— Если бы ты знала *Время* так же хорошо, как я, — сказал Болванщик, — ты бы этого не сказала. *Его* не потеряешь! Не на такого напали!

— Не понимаю, — сказала Алиса.

— Еще бы! — презрительно встряхнул головой Болванщик. — Ты с ним небось никогда и не разговаривала!

— Может, и не разговаривала, — осторожно отвечала Алиса. — Зато не раз думала о том, как бы убить время.

— А-а! тогда все понятно, — сказал Болванщик. — *Убить Время!* Разве такое ему может понравиться! Если б ты с ним не ссорилась, могла бы просить у него все, что хочешь. Допустим, сейчас девять часов утра — пора идти на урок. А ты шепнула ему словечко, и — р-раз! — стрелки побежали вперед. Половина второго — обед!

— Вот бы хорошо! — тихонько вздохнул Мартовский Заяц.

— Конечно, это было бы прекрасно, — задумчиво сказала Алиса, — но ведь я не успею проголодаться.

— Сначала, возможно, и нет, — ответил Болванщик. — Но ведь ты можешь сколько угодно держать стрелки на половине второго.

— Вы так и поступили, да? — спросила Алиса.

Болванщик мрачно покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Мы с ним поссорились в марте — как раз перед тем, как *этот* (он показал ложечкой на Мартовского Зайца) спятил. Червонная Королева давала большой концерт, и я должен был петь «Вечерний слон». Знаешь ты эту песню?

Вечерний слон, вечерний слон!
Как много дум наводит он...

- Что-то такое я слышала,— сказала Алиса.
— А дальше вот как,— продолжал Болванщик,—
О юных пнях в краю родном,
Где я любил, где общий дом!

Тут Соня встрепелулась и запела во сне:

...ший дом... дом... дом!

Она никак не могла остановиться. Пришлось Зайцу и Болванщику ушипнуть ее с двух сторон, чтобы она замолчала.

— Только я кончил первый куплет, как кто-то сказал: «Конечно, лучше б он помолчал, но надо же как-то убить время!» Королева как закричит: «Убить Время! Он хочет убить Время! Рубите ему голову!»

— Какая жестокость!— воскликнула Алиса.

— С тех пор,— продолжал грустно Болванщик,— Время для меня палец о палец не ударит! И на часах все шесть...

Тут Алису осенило.

— Поэтому здесь и накрыто к чаю?— спросила она.

— Да,— отвечал Болванщик со вздохом.— Здесь всегда пора пить чай. Мы не успеваем даже посуду вымыть!

— И просто пересаживаетесь, да?— догадалась Алиса.

— Совершенно верно,— сказал Болванщик.— Выпьем чашку и пересядем к следующей.

— А когда дойдете до конца, тогда что?— рискнула спросить Алиса.

— А что, если мы переменяем тему?— спросил Мартовский Заяц и широко зевнул.— Надоели мне эти разговоры. Я предлагаю: пусть барышня расскажет нам сказку.

— Боюсь, что я ничего не знаю,— испугалась Алиса.

— Тогда пусть рассказывает Соня,— закричали Болванщик и Заяц.— Соня, проснись!

Соня медленно открыла глаза.

— Я и не думала спать,— прошептала она хрипло.— Я слышала все, что вы говорили.

— Рассказывай сказку!— потребовал Мартовский Заяц.

— Да, пожалуйста, расскажите,— подхватила Алиса.

— И поторапливайся,— прибавил Болванщик.— А то опять заснешь!

— Жили-были три сестрички,— быстро начала Соня.— Звали их Элси, Лэси и Тилли, а жили они на дне колодца...

— А что они ели?— спросила Алиса. Ее всегда интересовало, что люди едят и пьют.

— Кисель,— ответила, немного подумав, Соня.

— Все время один кисель? Это невозможно,— мягко возразила Алиса.— Они бы тогда заболели.

— Они и заболели,— сказала Соня.— И очень серьезно.

Алиса пыталась понять, как это можно всю жизнь есть один кисель, но это было так странно и удивительно, что она только спросила:

— А почему они жили на дне колодца?

— Выпей еще чаю,— сказал Мартовский Заяц, наклоняясь к Алисе.

— Еще?— переспросила Алиса с обидой.— Я пока ничего не пила.

— Больше чаю она не желает,— произнес Мартовский Заяц в пространство.

— Ты, верно, хочешь сказать, что *меньше* чаю она не желает: гораздо легче выпить *больше*, а не *меньше*, чем ничего,— сказал Болванщик.

— Вашего мнения никто не спрашивал,— сказала Алиса.

— А теперь кто переходит на личности?— спросил Болванщик с торжеством.

Алиса не знала, что на это ответить. Она налила себе чаю и намазала хлеб маслом, а потом повернулась к Соне и повторила свой вопрос:

— Так почему же они жили на дне колодца?

Соня опять задумалась и наконец сказала:

— Потому что в колодце был кисель.

— Таких колодцев не бывает,— возмущенно закричала Алиса.

Но Болванщик и Мартовский Заяц на нее зашикали, а Соня угрюмо пробормотала:

— Если ты не умеешь себя вести, досказывай сама!

— Простите,— покорно сказала Алиса.— Пожалуйста, продолжайте. Я больше не буду перебивать. Может, где-нибудь и есть *один* такой колодец.

— Тоже сказала —«*один*»!— фыркнула Соня.

Впрочем, она согласилась продолжить рассказ.

— И надо вам сказать, что эти три сестрички жили *припеваючи*...

— *Припеваючи?* — переспросила Алиса.— А что они *пели*?

— Не *пели*, а *пили*,— ответила Соня.— Кисель, конечно.

— Мне нужна чистая чашка,— перебил ее Болванщик.— Давайте подвинемся.

И он пересел на соседний стул. Соня села на его место, Мартовский Заяц — на место Сони, а Алиса крепя сердце — на место Зайца. Выиграл при этом один Болванщик; Алиса, напротив, сильно проиграла, потому что Мартовский Заяц только что опрокинул себе в тарелку молочник.

Алисе не хотелось опять обижать Соню, и она осторожно спросила:

— Я не понимаю... Как же они там жили?

— Чего там не понимать,— сказал Болванщик.— Живут же рыбы в воде. А эти сестрички жили в киселе!

— Но почему?— спросила Алиса Соню, сделав вид, что не слышала Болванщика.

— Потому что они были *кисельные барышни*.

Этот ответ так смутил бедную Алису, что она замолчала.

— Так они и жили,— продолжала Соня сонным голосом, зевая и протирая глаза,— как рыбы в киселе. А еще они рисовали... всякую всячину... все, что начинается на М.

— Почему на М? — спросила Алиса.

— А почему бы и нет? — спросил Мартовский Заяц.

Алиса промолчала.

— Мне бы тоже хотелось порисовать,— сказала она наконец.— У колодца.

— Порисовать и *уколоться*? — переспросил Заяц.

Соня меж тем закрыла глаза и задремала. Но тут Болванщик ее ущипнул, она взвизгнула и проснулась.

— ...начинается на М,— продолжала она.— Они рисовали мышеловки, месяц, математику, множество... Ты когда-нибудь видела, как рисуют множество?

— Множество *чего*? — спросила Алиса.

— *Ничего*,— отвечала Соня.— Просто *множество*!

— Не знаю,— начала Алиса,— может...

— А не знаешь — молчи,— оборвал ее Болванщик.

Такой грубости Алиса стерпеть не могла: она молча встала и пошла прочь. Соня тут же заснула, а Заяц и Болванщик не обратили на Алисин уход никакого внимания, хоть она и обернулась раза два, надеясь, что они одумаются и позовут ее обратно.

Оглянувшись в последний раз, она увидела, что они засовывают Соню в чайник.

— Больше я туда ни за что не пойду! — твердила про себя Алиса, пробираясь по лесу.— В жизни не видала такого глупого чаепития!

Тут она заметила в одном дереве дверцу.

«Как странно! — подумала Алиса.— Впрочем, сегодня все странно. Войду-ка я в эту дверцу».

Так она и сделала.

И снова она оказалась в длинном зале возле стеклянного столика.

— Ну теперь-то я буду умнее,— сказала она про себя, взяла ключик и перво-наперво отперла дверцу, ведущую в сад.

А потом вынула кусочки гриба, которые лежали у нее в кармане, и ела, пока не стала с фут ростом. Тогда она пробралась по узкому коридорчику и наконец очутилась в чудесном саду среди ярких цветов и прохладных фонтанов.

Глава восьмая

КОРОЛЕВСКИЙ КРОКЕТ

У входа в сад рос большой розовый куст, розы на нем были белые, но возле стояли три садовника и усердно красили их в красный цвет. Алиса удивилась и подошла поближе, чтобы узнать, что там происходит. Подходя, она услышала, как один из садовников сказал другому:

— Поосторожней, Пятерка! Опять ты меня забрызгал!

— Я не виноват! — отвечал Пятерка хмуро. — Это Семерка толкнул меня под локоть!

Семерка посмотрел на него и сказал:

— Правильно, Пятерка! Всегда сваливай на другого!

— Ты бы лучше помалкивал, — сказал Пятерка. — Вчера я своими ушами слышал, как Королева сказала, что тебе давно пора отрубить голову!

— За что? — спросил первый садовник.

— Тебя, Двойка, это не касается! — отрезал Семерка.

— Нет, касается, — возразил Пятерка. — И я ему скажу, за что. За то, что он принес кухарке луковицы тюльпанов вместо лука.

Семерка швырнул кисть.

— Ну, знаете, такой несправедливости... — начал он, но тут взгляд его упал на Алису, и он умолк. Двое других оглянулись, и все трое склонились в низком поклоне.

— Скажите, пожалуйста, — робко спросила Алиса, — зачем вы красите эти розы?

Пятерка с Семеркой ничего не сказали, но посмотрели на Двойку; тот оглянулся и тихо сказал:

— Понимаете, барышня, нужно было посадить красные розы, а мы, дураки, посадили белые. Если Королева узнает, плакали наши головы. Так что, понимаете, барышня, мы тут стараемся, пока она не пришла...

В эту минуту Пятерка (он все это время вглядывался в сад) крикнул:

— Королева!

Садовники пали ниц. Послышались шаги. Алиса обернулась — ей не терпелось увидеть Королеву.

Впереди выступали десять солдат с пиками наперевес; они были очень похожи на садовников — такие же плоские и четырехугольные, с руками и ногами по углам. За ними — десять придворных; их одежды были расшиты крестами, а шли они по двое, как солдаты. За придворными бежали парами королевские дети. Их было тоже десять. Милые крошки держались за руки и весело подпрыгивали на ходу, а одежда у них так и сверкала червонным золотом. За ними шествовали гости, все больше Короли и Королевы. Был там и Белый Кролик; он что-то быстро и нервно говорил и всем улыбался. Он прошел мимо Алисы и не заметил ее. За гостями шел Валет Червей, на алой подушке он нес королевскую корону. А замыкали это великолепное шествие Червонные Король и Королева.

Алиса за-
колебалась: мо-
жет, и ей надо
броситься ниц при виде
столь блистательного
шествия? Однако никаких пра-
вил на этот счет она не помнила.

И вообще, к чему устраивать шествия, если все будут падать ниц? Никто тогда ничего не увидит... И она осталась стоять.

Едва шествие поравнялось с Алисой, как все остановились и уставились на нее, а Королева сурово спросила:

— Это еще кто?

Она обращалась к Валету, но тот лишь улыбнулся и поклонился в ответ.

— Глупец! — бросила Королева, раздраженно мотнув головой. Потом она обернулась к Алисе и спросила: — Как тебя зовут, дитя?

— Меня зовут Алисой, с позволения Вашего Величества, — ответила Алиса учтиво.

Про себя же она добавила:

«Да это всего-навсего колода карт! Чего ж мне их бояться?»

— А это кто такие? — спросила Королева, указывая на валявшихся вокруг куста садовников. Они лежали лицом вниз, а так как рубашки у всех в колоде были одинаковые, она не могла разобрать, садовники это, или придворные, или, может, собственные ее дети.

— Откуда мне знать, — ответила Алиса, удивляясь собственной смелости. — Это не мое дело.

Королева побагровела от ярости и, сверкнув, словно дикий зверь, на нее глазами, завопила во весь голос:

— Отрубить ей голову! Отрубить...

— Чепуха! — сказала Алиса очень громко и решительно.

Королева умолкла.

А Король положил ей руку на плечо и робко произнес:

— Одумайся, дружок! Она ведь совсем ребенок!

Королева сердито отвернулась от него и приказала Валету:

— Переверни их!

Валет осторожно перевернул садовников носком сапога.

— Встать! — крикнула Королева громким, пронзительным голосом.

Садовники вскочили и принялись кланяться Королеве, Королю, королевским детям и всем остальным.

— Сию же минуту перестаньте! — завопила Королева. — У меня от ваших поклонов голова закружилась! — И, взглянув на куст роз прибавила: — А что это вы тут делали?

— С позволения Вашего Величества, — смиренно начал Двойка, опускаясь на одно колено, — мы хотели...

— Все ясно! — произнесла Королева, которая тем временем внимательно разглядывала розы. — Отрубить им головы!

И шестие двинулось дальше. Только три солдата задержались, чтобы привести приговор в исполнение. Несчастные садовники бросились к Алисе за помощью.

— Не бойтесь, — сказала Алиса. — Я вас в обиду не дам.

И она сунула их в цветочный горшок, который стоял поблизости. Солдаты походили вокруг, поискали и зашагали прочь.

— Ну что, отрубили им головы?— крикнула Королева.

— Пропали их головы, Ваше Величество,— гаркнули солдаты.

— Отлично!— завопила Королева.— Сыграем в крокет?

Солдаты молча взглянули на Алису: видно, Королева обращалась к ней.

— Сыграем! — крикнула Алиса.

— Пошли!— взревела Королева.

И Алиса вошла в толпу гостей, с недоумением спрашивая себя, что же будет дальше.

— Какая... какая прекрасная сегодня погода, не правда ли? — робко произнес кто-то. Она подняла глаза и увидела, что рядом идет Белый Кролик и беспокожно на нее поглядывает.

— Да, погода чудесная,— согласилась Алиса.— А где же Герцогиня?

— Ш-ш-ш,— зашипел Кролик, тревожно оглядываясь. Он поднялся на цыпочки и шепнул ей прямо в ухо:

— Ее приговорили к казни.

— За что?— спросила Алиса.

— Ты, кажется, сказала: «Как жаль»? — спросил Кролик.

— И не думала,— отвечала Алиса.— Совсем мне ее не жаль! Я сказала: «За что?»

— Она дала Королеве пощечину,— проговорил Кролик.

Алиса радостно фыркнула.

— Тише!— испугался Кролик.— Вдруг Королева услышит! Понимаешь, Герцогиня опоздала, а Королева говорит...

— Все по местам! — закричала Королева громовым голосом.

И все побежали, натываясь друг на друга, падая и вскакивая. Однако через минуту все уже стояли на своих местах. Игра началась.

Алиса подумала, что в жизни не видала такой странной площадки для игры в крокет: сплошные рытвины и борозды. Шарами служили ежи, молотками — фламинго, а воротцами — солдаты. Они делали мостик — да так и стояли, пока шла игра.

Поначалу Алиса никак не могла справиться со своим фламинго: только сунет его вниз головой под мышку, ответит ему ноги назад, нацелится и соберется ударить им по ежу, как он изогнет шею и поглядит ей прямо в глаза, да так удивленно, что она начинает смеяться; а когда ей удастся снова опустить его вниз головой, глядь!— ежа уже нет, он развернулся и тихонько трусит себе прочь. К тому же все ежи у нее попадали в рытвины, а сол-

даты-воротца разгибались и уходили на другой конец площадки. Словом, Алиса скоро решила, что это очень трудная игра.

Игроки били все сразу, не дожидаясь своей очереди, и все время ссорились и дрались из-за ежей; в скором времени Королева пришла в бешенство, топала ногами и то и дело кричала:

— Отрубить ей голову! Голову ему долой!

Алиса забеспокоилась; правда, у нее с Королевой пока еще не было ни из-за чего спора, но он мог возникнуть в любую минуту.

«Что со мной тогда будет?— думала Алиса.— Здесь так любят рубить людям головы. Странно, что кто-то еще вообще уцелел!»

Она огляделась и принялась думать о том, как бы незаметно улизнуть, как вдруг над головой у нее появилось что-то непонятное. Сначала Алиса никак не могла понять, что же это такое, но через минуту сообразила, что в воздухе одиноко парит улыбка.

— Это Чеширский Кот,— сказала она про себя.— Вот хорошо! Будет с кем поговорить, по крайней мере!

— Ну, как дела?— спросил Кот, как только рот его обозначился в воздухе.

Алиса подождала, пока не появятся глаза, и кивнула.

«Отвечать сейчас все равно бесполезно,— подумала она.— Подожду, пока появятся уши — или хотя бы одно!»

Через минуту показалась уже вся голова; Алиса поставила фламинго на землю и начала свой рассказ, радуясь, что у нее есть собеседник. Кот, очевидно, решил, что головы вполне достаточно, и дальше возникать не стал.

— По-моему, они играют совсем не так,— говорила Алиса.— Справедливости никакой, и все так кричат, что собственного голоса не слышно. Правил нет, а если есть, то никто их не соблюдает. Вы себе не представляете, как трудно играть, когда все живое. Например, воротца, через которые мне надо сейчас проходить, пошли гулять на ту сторону площадки! Я бы отогнала сейчас ежа Королевы, да только он убежал, едва завидел моего!

— А как тебе нравится Королева?— спросил Кот тихо.

— Совсем не нравится,— отвечала Алиса.— Она так...

В эту минуту она заметила, что Королева стоит у нее за спиной и подслушивает.

— ...так хорошо играет,— быстро сказала Алиса,— что хоть сразу сдавайся.

Королева улыбнулась и отошла.

— С кем это ты разговариваешь?— спросил Король, подходя к Алисе и с любопытством глядя на парящую голову.

— Это мой друг, Чеширский Кот,— отвечала Алиса.— Разрешите представить...

— Он мне совсем не нравится,— заметил Король.— Впрочем, пусть поцелует мне руку, если хочет.

— Особого желания не имею,— сказал Кот.

— Не смей говорить дерзости,— пробормотал Король.— И не смотри так на меня.

И он спрятался у Алисы за спиной.

— Котам на королей смотреть не возбраняется,— сказала Алиса.— Я это где-то читала, не помню только где.

— Нет, его надо убрать,— сказал Король решительно.

Увидев проходившую мимо Королеву, он крикнул:

— Душенька, вели убрать этого кота!

У Королевы на все был один ответ.

— Отрубить ему голову!— крикнула она, не глядя.

— Я сам приведу палача!— сказал радостно Король и убежал.

Алиса услышала, как Королева что-то громко кричит вдалеке, и пошла посмотреть, что там происходит. Она уже слышала, как Королева приказала отрубить головы трем игрокам за то, что они пропустили свою очередь. В целом, всё это очень не понравилось Алисе: вокруг царила такая путаница, что она никак не могла понять, кому играть. И она побрела обратно, высматривая в рытвинах своего ежа.

Она его тут же увидела — он дрался с другим ежом. Вот бы и ударить по ним, но Алисин фламинго забрел на другой конец сада; Алиса увидела, как он безуспешно пытается взлететь на дерево.

Когда Алиса, наконец, поймала его и принесла обратно, ежи уже перестали драться и разбежались.

«Ну и пусть,— подумала Алиса.— Все равно воротца тоже ушли».

Она сунула фламинго под мышку, чтобы он снова не убежал, и вернулась к Коту; ей хотелось еще с ним поговорить.

Подойдя к тому месту, где в воздухе парила его голова, она с удивлением увидела, что вокруг образовалась большая толпа. Палач, Король и Королева шумно спорили; каждый кричал свое,

не слушая другого, а остальные молчали и только смущенно переминались с ноги на ногу.

Завидев Алису, все трое бросились к ней, чтобы она разрешила их спор. Они громко повторяли свои доводы, но так как все говорили разом, она никак не могла понять, в чем дело.

Палач говорил, что нельзя отрубить голову, если, кроме головы, ничего больше нет. Он такого никогда не делал и делать не собирается. Стар он для этого, вот что!

Король говорил, что раз есть голова, то ее можно отрубить. И нечего нести вздор!

А Королева говорила, что если сию же минуту они не перестанут болтать и не примутся за дело, она велит отрубить головы всем подряд!

(Эти-то слова и повергли общество в уныние.)

Алиса не нашла ничего лучшего, как сказать:

— Кот принадлежит Герцогине. Надо бы с ней посоветоваться.

— Она в тюрьме, — сказала Королева и повернулась к палачу. — Веди ее сюда!

Палач со всех ног бросился исполнять приказ.

Как только он убежал, голова Кота начала медленно таять в воздухе, так что к тому времени, когда палач привел Герцогиню, ее уже не было видно. Король и палач замесались по крокетной площадке, а гости вернулись к игре.

ЧЕРЕПАХА КАК БЫ И ЕЕ ПОВЕСТЬ

— Ах, милая, ты и представить себе не можешь, как я рада тебя видеть,— нежно сказала Герцогиня, взяла Алису под руку и повела в сторону.

Алиса приятно удивилась, увидев Герцогиню в столь отличном расположении духа, и подумала, что это, должно быть, от перца она была такой вспылчивой.

— Когда я буду Герцогиней,— сказала она про себя (без особой, правда, надежды),— у меня в кухне совсем не будет перца. Суп и без него вкусный! От *перца*, верно, и начинают всем *перечить*...

Алиса очень обрадовалась, что открыла новое правило.

— От *уксуса* — *куксятся*,— продолжала она задумчиво,— от *горчицы* — *огорчаются*, от *лука* — *лукавят*, от *вина* — *винятся*, а от *сдобы* — *добрееют*. Как жалко, что никто об этом не знает... Все было бы так просто! Ели бы сдобу и добрели!

Она совсем забыла о Герцогине и вздрогнула, когда та сказала ей прямо в ухо:

— Ты о чем-то задумалась, милочка, и не говоришь ни слова. А мораль отсюда такова... Нет, что-то не соображу! Ничего, потом вспомню...

— А может, здесь и нет никакой морали,— заметила Алиса.

— Как это нет!— возразила Герцогиня.— Во всем есть своя мораль, нужно только уметь ее найти!

И с этими словами она прижалась к Алисе.

Алисе это совсем не понравилось: во-первых, Герцогиня была такая безобразная, а во-вторых, подбородок ее приходился как раз на уровне Алисиного плеча, и подбородок этот был очень острый. Но делать было нечего — не могла же Алиса попросить Герцогиню отодвинуться!

— Игра, кажется, пошла веселее, — заметила она, чтобы как-то поддержать разговор.

— Я совершенно с тобой согласна, — сказала Герцогиня. — А мораль тут такова: любовь, любовь, ты движешь миром...

— А мне казалось, кто-то говорил, будто самое главное — не соваться в чужие дела, — шепнула Алиса.

— Так это одно и то же, — промолвила Герцогиня, вонзая подбородок в Алисино плечо. — А мораль отсюда такова: думай о смысле, а слова придут сами!

«Как она любит всюду находить мораль», — подумала Алиса.

— Ты, конечно, удивляешься, — сказала Герцогиня, — почему я не обниму тебя за талию. Сказать по правде, я не совсем уверена в твоём фламинго. Или все же рискнуть?

— Он может и укусить, — сказала благоразумная Алиса, которой совсем не хотелось, чтобы Герцогиня ее обнимала.

— Совершенно верно, — согласилась Герцогиня. — Фламинго кусаются не хуже горчицы. А мораль отсюда такова: это птицы одного полета!

— Только горчица совсем не птица, — заметила Алиса.

— Ты, как всегда, совершенно права, — сказала Герцогиня. — Какая ясность мысли!

— По-моему, горчица — минерал, — продолжала Алиса задумчиво.

— Конечно, минерал, — подтвердила Герцогиня. Она готова была соглашаться со всем, что скажет Алиса. — Минерал огромной взрывчатой силы. Из нее делают *мины* и закладывают при подкопах... А мораль отсюда такова: хорошая *мина* при плохой игре — это самое главное!

— Вспомнила, — сказала вдруг Алиса, пропустившая мимо ушей последние слова Герцогини. — Горчица это овощ. Правда, на овощ она не похожа — и все-таки это овощ.

— Я совершенно с тобой согласна, — сказала Герцогиня. — А мораль отсюда такова: всякому овощу свое время. Или, хочешь, я это сформулирую попроще: никогда не думай, что ты иная, чем могла бы быть иначе, чем будучи иной в тех случаях, когда иначе нельзя не быть.

— Мне кажется, я бы лучше поняла, — учтиво проговорила Алиса, — если б я могла это записать. А так я не очень разобралась.

— Это все чепуха по сравнению с тем, что я могла бы сказать, если бы захотела, — ответила польщенная Герцогиня.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — сказала Алиса.

— Ну что ты, разве это беспокойство, — возразила Герцогиня. — Дарю тебе все, что успела сказать.

«Пустяковый подарок,— подумала про себя Алиса.— Хорошо, что на дни рождения таких не дарят!»

Однако вслух она этого сказать не рискнула.

— Опять о чем-то думаешь?— спросила Герцогиня и снова вонзила свой подбородок в Алисино плечо.

— А почему бы мне и не думать?— отвечала Алиса. Ей было как-то не по себе.

— А почему бы свинье не летать?— сказала Герцогиня.— А мораль...

Тут, к великому удивлению Алисы, Герцогиня умолкла и задрожала. Алиса подняла глаза и увидала, что перед ними, скрестив на груди руки и грозно нахмурясь, стоит Королева.

— Прекрасная погода, Ваше Величество,— слабо прошептала Герцогиня.

— Я тебя честно предупреждаю,— закричала Королева и топнула ногой.— Либо мы лишимся твоего общества, либо ты лишишься головы. Решай сейчас же, нет— в два раза быстрее!

Герцогиня решила и тотчас исчезла.

— Вернемся к нашей игре,— сказала Алисе Королева.

Алиса так была напугана, что, не говоря ни слова, побрела за ней следом к площадке.

Гости между тем воспользовались отсутствием Королевы и отдыхали в тени, однако, увидев, что Королева возвращается, поспешили к своим местам. А Королева, подойдя, просто объявила, что минута промедления будет стоить им всем жизни.

Пока шла игра, Королева беспрестанно ссорилась с игроками и кричала:

— Отрубить ему голову! Голову ей с плеч!

Солдаты вставали с земли и брали несчастных под стражу. Воротцев в результате становилось все меньше и меньше. Не прошло и получаса, как их и вовсе не осталось, а все игроки с трепетом ждали казни.

Наконец Королева бросила игру и, переводя дыхание, спросила Алису:

— А видела ты Черепаху Как бы?

— Нет,— сказала Алиса.— Я даже не знаю, что это такое.

— Как же,— сказала Королева.— Это такой зверь. Из него еще варят *как бы* черепаховый суп.

— Никогда не слыхала,— сказала Алиса.

— Пошли,— сказала Королева.— Он тебе сам все расскажет.

И они пошли. Уходя, Алиса услышала, как Король тихо сказал, обращаясь к гостям:

— Мы всех вас прощаем.

«Вот хорошо!»— обрадовалась Алиса. (Она очень горевала, думая о назначенных казнях.)

Вскоре они увидели Грифона, крепко спящего на солнце-пеке. (Если ты не знаешь, как выглядит Грифон, посмотри на картинку.)

— Вставай, бездельник,— сказала Королева,— отведи эту барышню к Черепахе Как бы. Пусть он расскажет ей свою историю. А мне надо возвращаться: я там приказала кое-кого казнить, надо присмотреть, чтобы все было как следует.

И она ушла, оставив Алису с Грифоном. Алисе он не внушил особого доверия, но подумав, что с ним, верно, все же спокойнее, чем с Королевой, она осталась.

— Смех, да и только!— пробормотал он не то про себя, не то обращаясь к Алисе.

— Смех?— переспросила Алиса растерянно.

— Ну да,— ответил Грифон.— Все это выдумки. Казнить! Скажет тоже! У них такого отродясь не было. Ладно, пошли!

«Все здесь только и говорят что «пошли!»,— подумала Алиса, покорно плетясь за Грифоном.— Никогда в жизни еще мною так не помыкали!»

Пройдя совсем немного, они увидели вдалеке Как бы; он лежал на скалистом уступе и вздыхал с такой тоской, словно сердце у него разрывалось. Алиса от души пожалела его.

— Почему он так грустит?— спросила она Грифона.

И он ответил ей почти теми же словами:

— Все это выдумки. Грустит! Скажешь тоже! Не о чем ему грустить. Ладно, пошли!

И они подошли к Черепахе Как бы. Тот взглянул на них большими, полными слез глазами, но ничего не сказал.

— Эта барышня,— начал Грифон,— хочет послушать твою историю. Вынь да положь ей эту историю! Вот оно что!

— Что ж, я расскажу,— проговорил Как бы глухим голосом.— Садитесь и не открывайте рта, пока я не кончу.

Грифон и Алиса уселись. Наступило молчание.

«Не знаю, как это он собирается кончить, если никак не может начать»,— подумала про себя Алиса.

Но делать было нечего — она терпеливо ждала.

— Однажды,— произнес наконец Как бы с глубоким вздохом,— я был настоящей Черепахой.

И снова воцарилось молчание. Только Грифон изредка откашливался, да неумолчно всхлипывал Как бы. Алиса совсем уже собралась подняться и сказать: «Благодарю вас, сэр, за очень

увлекательный рассказ». Но потом решила еще подождать. Наконец Как бы немного успокоился и, тяжело вздыхая, заговорил:

— Когда мы были маленькие, мы ходили в школу на дне моря. Учителем у нас был старик Черепаха. Мы звали его Спрутиком.

— Зачем же вы звали его *Спрутиком*,— спросила Алиса,— если на самом деле он был Черепахой?

— Мы его звали *Спрутиком*, потому что он всегда ходил *с прутиком*,— ответил сердито Как бы.— Ты не очень-то догадлива!

— Стыдилась бы о таких простых вещах спрашивать,— подхватил Грифон.

Оба они замолчали и уставились на бедную Алису. Она готова была провалиться сквозь землю. Наконец Грифон повернулся к Черепахе Как бы и сказал:

— Давай, старина, поторапливайся! Нельзя же весь день здесь сидеть...

И Как бы продолжал:

— Да, ходили мы в школу, а школа наша была на дне морском, хоть ты, может, этому и не поверишь...

— Почему же?— возразила Алиса.— Я ни звука не сказала.

— Нет, сказала,— настаивал Как бы.

— Не возражай! — прикрикнул Грифон.

Но Алиса и не думала возражать.

— Образование мы получили самое хорошее,— продолжал Как бы.— И не мудрено — ведь мы ходили в школу каждый день...

— Я тоже ходила в школу каждый день,— сказала Алиса.— Ничего особенного в этом нет.

— А дополнительно тебя чему-нибудь учили?— спросил Как бы с тревогой.

— Да,— ответила Алиса.— Музыке и французскому.

— А стирке?— быстро сказал Как бы.

— Нет, конечно,— с негодованием отвечала Алиса.

— Ну, значит, школа у тебя была неважная,— произнес с облегчением Как бы.— А у нас в школе к счету всегда приписывали: «Плата за французский, музыку и *стирку* дополнительно».

— Зачем вам стирка?— спросила Алиса.— Ведь вы жили на дне морском.

— Все равно я не мог заниматься стиркой,— вздохнул Как бы.— Мне она была не по карману. Я изучал только обязательные предметы.

— Какие?— спросила Алиса.

— Сначала мы, как полагается, *чихали и пищали*,— отвечал Как бы.— А потом принялись за четыре действия арифметики: *скольжение, причитание, умиление и изнеможение*.

— Я о *причитании* никогда не слыхала,— рискнула заметить Алиса.

— Никогда не слыхала о *причитании*!— воскликнул Грифон, воздевая лапы к небу.— Что такое «читать», надеюсь, ты знаешь?

— Да,— отвечала Алиса неуверенно,— смотреть, что написано в книжке, и... *читать*.

— Ну да,— подхватил Грифон,— а если ты читаешь то, чего нет в книжке, это и значит «*причитать*».

— А когда мы усвоили правила арифметики, мы перешли к *мать-и-мачехе*.

— А это что такое?— спросила Алиса.

— Ну, если ты не знаешь, что такое *мать-и-мачеха*,— сказал Грифон,— значит, ты совсем дурочка.

У Алисы пропала всякая охота выяснять, что такое *мать-и-мачеха*. Она повернулась к Черепашке Как бы и сказала:

— А что еще вы учили?

— У нас было много всяких предметов: *грязнописание, тригонометрия, анатомия и физиономия*... А раз в неделю мы запирались в *мимическом* кабинете и делали *мимические* опыты...

— А что это такое?— спросила Алиса.

— Я тебе показать не могу,— грустно отвечал Как бы.— Стар я уже для этого. А Грифон ими не занимался.

— Времени у меня не было,— подтвердил Грифон.— Зато я получил *классическое* образование.

— Как это?— спросила Алиса.

— А вот как,— отвечал Грифон.— Мы с моим учителем уходили на улицу и целый день играли в *классики*. Какой был учитель! Сейчас таких уже нет.

— Настоящий *классик*! — со вздохом сказал Как бы.— Но я к нему не попал... Говорят, он хорошо знал *латунь, драматику и мексику*...

— Это точно,— согласился Грифон.

И оба вздохнули.

— А помнишь, какую книгу мы читали?— спросил, помолчав, Грифон.

— Как не помнить,— вздохнул Как бы.— «Рифы Древней Греции»! Какая была книга!

— А долго у вас шли занятия?— спросила Алиса, стремясь перевести разговор.

— Это зависело от нас,— отвечал Как бы.— Как все *займем*, так и кончим.

— *Займете?* — удивилась Алиса.

— *Занятия* почему так называются?— пояснил Грифон.— Потому что на *занятиях* мы у нашего учителя ум *занимаем*... А как все *займем* и ничего ему не оставим, тут же и кончим. В таких случаях еще говорят: «Ему ума не *занимать*...» Поняла?

Это было настолько ново для Алисы, что она невольно задумалась.

— А что же тогда с учителем происходит?— спросила она немного спустя.

— Может, хватит про уроки,— вмешался Грифон.— Расскажи-ка ей про наши игры...

МОРСКАЯ КАДРИЛЬ

Как бы глубоко вздохнул и вытер глаза. Он взглянул на Алису, видно, хотел что-то сказать, но его душили рыдания.

— Ну, прямо словно кость у него в горле застряла,— сказал Грифон, подождав немного.

И принялся трясти Как бы и бить его по спине. Наконец Как бы обрел голос и, обливаясь слезами, заговорил:

— Ты, верно, не живала подолгу на дне морском...

— Не жила,— сказала Алиса.

— И, должно быть, никогда не видала живого омара...

— Зато я его пробова...— начала Алиса, но спохватилась и покачала головой.— Нет, не видала.

— Значит, ты не имеешь понятия, как приятно танцевать морскую кадрили с омарами.

— Нет, не имею,— вздохнула Алиса.— А что это за танец?

— Прежде всего,— начал Грифон,— все выстраиваются в ряд на морском берегу...

— В два ряда! — закричал Как бы.— Тюлени, лососи, морские черепахи и все остальные. И как только очистишь берег от медуз...

— А это не так-то просто,— вставил Грифон.

— Делаешь сначала два шага вперед...— продолжал Как бы.

— Взяв под ручку омара! — закричал Грифон.

— Конечно,— подтвердил Как бы.— Делаешь два прохода вперед, кидаешься на партнеров...

— Меняешь омаров и возвращаешься назад тем же порядком,— закончил Грифон.

— А потом,— продолжал Как бы,— швыряешь...

— Омаров! — крикнул Грифон, подпрыгивая в воздух.

— Подальше в море...

— Плывешь за ними! — радостно завопил Грифон.

— Кувыркаешься разок в море! — воскликнул Как бы и прошелся колесом по песку.

— Снова меняешь омаров! — вопил во весь голос Грифон.

— И возвращаешься на берег! Вот и вся первая фигура,— сказал Как бы внезапно упавшим голосом. И два друга, только что, как безумные, прыгавшие по песку, загрузили, сели и с тоской взглянули на Алису.

— Это, должно быть, очень красивый танец,— робко заметила Алиса.

— Хочешь посмотреть? — спросил Как бы.

— Очень,— сказала Алиса.

— Вставай,— приказал Грифону Как бы.— Покажем ей первую фигуру. Ничего, что тут нет омаров... Мы и без них обойдемся. Кто будет петь?

— Пой ты,— сказал Грифон.— Я не помню слов.

И они важно заплясали вокруг Алисы, размахивая в такт лапами и не замечая, что то и дело наступают ей на ноги. Как бы затянул грустную песню.

Говорит треска улитке: «Побыстрей, дружок, иди!
Мне на хвост дельфин наступит — он плетется позади.

Видишь, крабы, черепахи мчатся к морю мимо нас.
Ныне бал у нас на взморье, ты пойдешь ли с нами в пляс?
Хочешь, можешь, можешь, хочешь ты пуститься с нами в пляс?
Можешь, хочешь, хочешь, можешь ты пуститься с нами в пляс?

Ты не знаешь, как приятно, как занятно быть треской,
Если нас забросят в море и умчит нас вал морской!»
— Ох! — улитка пропищала. — Далеко забросят нас!
Не хочу я, не могу я, не хочу я с вами в пляс.
Не могу я, не хочу я, не могу пуститься в пляс!

— Ах! что такое далеко? — ответила треска. —
Где далеко от Англии, там Франция близка.
За много миль от берегов есть берега опять.
Не робей, моя улитка, и пойдем со мной плясать.
Хочешь, можешь, можешь, хочешь ты со мной пойти плясать?
Можешь, хочешь, хочешь, можешь ты пойти со мной плясать?
— Большое спасибо, — сказала Алиса, радуясь, что танец наконец кончился. — Очень интересно было посмотреть. А песня про треску мне очень понравилась. Такая забавная...
— Кстати, о треске, — заметил Как бы. — Ты, конечно, ее видала?

— Да, — сказала Алиса. — Она иногда бывала у нас на обед.
Она испуганно замолчала, но Как бы не смутился.
— Ты, видно, хочешь сказать, что она бывала у вас на обедах, — поправил он Алису. — Ну, раз вы так часто встречались, ты, конечно, знаешь, как она выглядит...
— Да, — сказала задумчиво Алиса. — Хвост во рту, и вся в сухарях.

— Это ты зря, — сказал Как бы. — Треска — дама аккуратная и никогда ничего на себя не просыпает. К тому же сухари все равно смылись бы в море. Ну а хвост у нее, правда, во рту. Дело в том, что...

Тут Как бы широко зевнул и закрыл глаза.

— Объясни ей про хвост, — сказал он Грифону.

— Дело в том, — сказал Грифон, — что она очень любит танцевать с омарами. Вот они и швыряют ее в море. Вот она и летит далеко-далеко. Вот хвост у нее и застревает во рту — да так крепко, что не вытащишь. Все.

— Большое спасибо, — сказала Алиса. — Это очень интересно. Я всего этого и не подозревала.

— Это что, — сказал Грифон. — Я тебе такое могу про треску рассказать! Если хочешь, конечно... Знаешь, например, почему ее называют *треской*?

— Я никогда об этом не думала,— ответила Алиса.— Почему?

— *Треску* много,— сказал значительно Грифон.

Алиса растерялась.

— Много *треску*?— переспросила она с недоумением.

— Ну да,— подтвердил Грифон.— Рыба она так себе, толку от нее мало, а *треску* много.

Алиса молчала и только смотрела на Грифона широко раскрытыми глазами.

— Очень любит поговорить,— продолжал Грифон.— Другой такой трещотки не сыщешь! Зайдешь к ней на минутку, а она как начнет трещать, хоть вон беги. И друзей себе таких же подобрала. Ходит к ней один старичок *Судачок*. С утра до ночи *судачит*. А еще *Щука* забегает — так она всех *щучит*. Бывает и *Сом* — этот во всем *сомневается*... А как соберутся все вместе, такой подымут шум, что голова кругом идет... *Белугу* знаешь?

Алиса кивнула.

— Так это они ее довели. Никак, бедная, прийти в себя не может. Все ревет и ревет...

— Поэтому и говорят: «*Ревет как белуга*»? — робко спросила Алиса.

— Ну да,— сказал Грифон.— Поэтому.

Тут Как бы открыл глаза.

— Ну, хватит об этом,— проговорил он.— Расскажи теперь ты про свои приключения.

— Я с удовольствием расскажу все, что случилось со мной сегодня с утра,— сказала неуверенно Алиса.— А про вчера я рассказывать не буду, потому что тогда я была совсем другая.

— Объясни, какая,— сказал Как бы.

— Нет, сначала приключения,— нетерпеливо перебил его Грифон.— Объяснять очень долго.

И Алиса начала рассказывать все, что с нею случилось с той минуты, как она увидела Белого Кролика. Сначала ей было немножко не по себе: Грифон и Как бы придвинулись к ней так близко и так широко раскрыли глаза и рты. Но потом она осмелела. Грифон и Как бы молчали, пока она не дошла до встречи с Синей Гусеницей и попытки прочитать ей «Папу Вильяма». Тут Как бы глубоко вздохнул и сказал:

— Очень странно!

— Страннее некуда!— подхватил Грифон.

— Все слова не те,— задумчиво произнес Как бы.— Хорошо бы она нам что-нибудь почитала. Вели ей начать.

И он посмотрел на Грифона, словно тот имел над Алисой власть.

— Встань и читай «Это голос Лентяя»,— приказал Алисе Грифон.

«Как все здесь любят распоряжаться,— подумала Алиса.— Только и делают, что заставляют читать. Можно подумать, что я в школе».

Все же она послушно встала и начала читать. Но мысли ее были так заняты омарами и морскою кадрилию, что она и сама не знала, что говорит. Слова получились, действительно, очень странные.

Это голос Омара. Вы слышите крик?

— Вы меня разварили! Ах, где мой парик?

И поправивши носом жилетку и бант,

Он идет на носочках, как лондонский франт.

Если отмель пустынна и тихо кругом,

Он кричит, что акулы ему нипочем,

Но лишь только вдали заприметит акул,

Он забьется в песок и кричит караул!

— Совсем не похоже на то, что я ребенком читал в школе,— заметил Грифон.

— Я никогда этих стихов не слышал,— сказал Как бы.— Но, по правде говоря,— это ужасный вздор!

Алиса ничего не сказала; она села на песок и закрыла лицо руками; ей уж и не верилось, что все еще может снова стать как прежде.

— Она ничего объяснить не может,— торопливо сказал Грифон.

И, повернувшись к Алисе, прибавил:

— Читай дальше.

— А почему он идет на носочках?— спросил Как бы.— Объясни мне хоть это.

— В балет готовится, должно быть,— сказала Алиса.

Она и сама ничего не понимала. Ей не хотелось больше об этом говорить.

— Читай же дальше,— торопил ее Грифон.— «Шел я садом однажды...»

Алиса не посмела послушаться, хоть и была уверена, что все опять получится не так, и дрожащим голосом продолжала:

Шел я садом однажды и вдруг увидал,

Как делили коврижку Сова и Шакал.

И коврижку Шакал проглотил целиком,
А Сове только блюдечко дал с ободком.

А потом предложил ей: «Закончим дележ —
Ты возьми себе ложку, я — вилку и нож».
И, наевшись, улегся Шакал на траву,
Но сперва на десерт проглотил он...

— Зачем читать всю эту ерунду, — прервал ее Как бы, — если ты все равно не можешь ничего объяснить? Такой тарабарщины я в своей жизни еще не слыхал!

— Да, пожалуй, хватит, — сказал Грифон к великой радости Алисы.

— Хочешь, мы еще станцуем? — продолжал Грифон. — Или пусть лучше Как бы споет тебе песню?

— Пожалуйста, песню, если можно, — отвечала Алиса с таким жаром, что Грифон только пожал плечами.

— О вкусах не спорят, — заметил он обиженно. — Спой ей «Вечернюю еду», старина.

Как бы глубоко вздохнул и, всхлипывая, запел.

Еда вечерняя, любимый суп морской!
Когда сияешь ты, зеленый и густой,
Кто не вздохнет, кто не поймет тебя тогда,
Еда вечерняя, блаженная еда!
Еда вечерняя, блаженная еда!
Блаже-э-нная е-да-а!
Блаже-э-нная е-да-а!
Еда вече-е-рная,
Блаженная, блаженная еда!

Еда вечерняя! Кто сердцу вопреки
Попросит сёмги и потребует трески?
Мы все забудем для тебя, почти за-
дом данная блаженная еда!
Задаром данная блаженная еда!

Блаже-э-нная е-да-а!
Блаже-э-нная е-да-а!
Еда вече-е-рная,
Блаженная, блаже-ННАЯ ЕДА!

— Повтори припев! — сказал Грифон.

Как бы открыл было рот, но в эту минуту вдалеке послышалось:

— Суд идет!

— Побежали! — сказал Грифон, схватил Алису за руку и потащил за собой, так и не дослушав песню до конца.

— А кого судят? — спросила, задыхаясь, Алиса.

Но Грифон только повторял:

— Побежали, побежали!

И прибавлял шаг.

А ветерок с моря доносил грустный напев:

Еда вече-е-рняя,

Блаженная, блаженная еда!

Он звучал все тише и тише и, наконец, совсем смолк.

КТО УКРАЛ КРЕНДЕЛИ?

Червонный Король и Королева сидели на троне, а вокруг толпились остальные карты и множество всяких птиц и зверюшек. Перед троном стоял между двумя солдатами Валет в цепях. Возле Короля вертелся Белый Кролик — в одной руке он держал трубу, а в другой — длинный пергаментный свиток. Посередине стоял стол, а на столе — большое блюдо с кренделями. Вид у них был такой аппетитный, что у Алисы прямо слюнки потекли.

«Скорее бы кончили судить, — подумала она, — и подали угощение».

Особых надежд на это, однако, не было, и она начала смотреть по сторонам, чтобы как-то скоротать время.

Раньше Алиса никогда не бывала в суде, хотя и читала о них в книжках. Ей было очень приятно, что все почти здесь ей знакомо.

— Вон судья,— сказала она про себя.— Раз в парике, значит, судья.

Судьей, кстати, был сам Король, а так как корону ему пришлось надеть на парик (посмотри на картинку, если хочешь узнать, как он это сделал), он чувствовал себя не слишком уверенно. К тому же это было не очень красиво.

«Это места для присяжных,— подумала Алиса.— А эти двенадцать существ (ей пришлось упот-

ребить это слово, потому что там были и зверюшки, и птицы), видно, и есть присяжные».

Последнее слово она повторила про себя раза два или три — она очень гордилась тем, что знает такое трудное слово: немного найдется девочек ее возраста, думала Алиса (и в этом она была права), понимающих, что оно значит. Впрочем, называть их «присяжными заседателями» также было бы верно.

Присяжные меж тем что-то строчили на грифельных досках.

— Что это они пишут? — шепотом спросила Алиса у Грифона.— Ведь суд еще не начался...

— Они записывают свои имена,— прошептал Грифон в ответ.— Боятся, как бы их не забыть до конца суда.

— Вот глупые! — громко произнесла Алиса негодующим тоном, но в ту же минуту Белый Кролик закричал:

— Не шуметь в зале суда!

А Король надел очки и с тревогой посмотрел в зал; видно, хотел узнать, кто шумит. Алиса замолчала.

Со своего места она видела — так ясно, как будто стояла у них за плечами,— что присяжные тут же стали писать: «Вот глупые!» Она даже заметила, что кто-то из них не знал, как пишется «глупые», и вынужден был справиться у соседа.

«Воображаю, что они там понапишут до конца суда!» — подумала Алиса.

У одного из присяжных грифель все время скрипел. Этого, ко-

нечно, Алиса не могла вынести: она подошла и стала у него за спиной; улучив удобный момент, она ловко выхватила грифель. Все это она проделала так быстро, что бедный присяжный (это был крошка Билль) не понял, что произошло; поискав грифель, он решил писать пальцем. Толку от этого не было никакого, так как палец не оставлял следа на грифельной доске.

— Глашатай, читай обвинение!— сказал Король.

Белый Кролик трижды протрубил в трубу, развернул пергаментный свиток и прочитал:

Дама Червей испекла кренделей
В летний погожий денек.
Валет Червей был всех умней
И семь кренделей улолок.

— Обдумайте свое решение!— сказал Король присяжным.

— Нет, нет,— торопливо прервал его Кролик.— Еще рано. Надо, чтобы все было по правилам.

— Вызвать первого свидетеля,— приказал Король.

Белый Кролик трижды протрубил в трубу и закричал:

— Первый свидетель!

Первым свидетелем оказался Болванщик. Он подошел к трону, держа в одной руке чашку с чаем, а в другой бутерброд.

— Прошу прощения, Ваше Величество,— начал он,— что я сюда явился с чашкой. Но я как раз чай пил, когда за мной пришли. Не успел кончить...

— Мог бы и успеть,— сказал Король.— Ты когда начал?

Болванщик взглянул на Мартовского Зайца, который шел за ним следом рука об руку с Соней.

— Четырнадцатого марта, кажется,— проговорил он.

— Пятнадцатого,— сказал Мартовский Заяц.

— Шестнадцатого,— пробормотала Соня.

— Запишите,— велел Король присяжным, и они быстро записали все три даты на грифельных досках, а потом сложили их и перевели в шиллинги и пенсы.

— Сними свою шляпу,— сказал Король Болванщику.

— Она не моя,— ответил Болванщик.

— Украдена!— закричал Король с торжеством и повернулся к присяжным, которые тут же взялись за грифели.

— Я их держу для продажи,— объяснил Болванщик.— У меня своих нет, ведь я Шляпных Дел Мастер.

Тут Королева надела очки и в упор посмотрела на Болванщика — тот побледнел и переступил с ноги на ногу.

— Давай показания, — сказал Король, — и не нервничай, а не то я велю тебя казнить на месте.

Это не очень-то подбодрило Болванщика: он затоптался на месте, испуганно поглядывая на Королеву, и в смятении откусил вместо бутерброда кусок чашки.

В этот миг Алиса почувствовала себя как-то странно. Она никак не могла понять, что с ней происходит, но наконец ее осенило: она опять росла! Сначала она хотела встать и уйти из зала суда, но, поразмыслив, решила остаться и сидеть до тех пор, пока для нее хватит места.

— А ты не можешь не так напирать? — спросила сидевшая рядом с ней Соня. — Я едва дышу.

— Ничего не могу поделать, — виновато сказала Алиса. — Я расту.

— Не имеешь права здесь расти, — заметила Соня.

— Ерунда, — отвечала, осмелев, Алиса. — Вы же прекрасно знаете, что и сами растете.

— Да, но я расту с приличной скоростью, — возразила Соня, — не то что некоторые... Это же просто смешно так расти!

Она надулась, встала и перешла на другую сторону зала.

А Королева меж тем все смотрела в упор на Болванщика, и не успела Соня усесться, как Королева нахмурилась и приказала:

— Подать сюда список тех, кто пел на последнем концерте!

Тут бедный Болванщик так задрожал, что с обеих ног у него слетели башмаки.

— Давай свои показания, — повторил Король гневно, — а не то я велю тебя казнить. Мне все равно, нервничаешь ты или нет!

— Я человек маленький, — произнес Болванщик дрожащим голосом, — и не успел я напиться чаю... прошла всего неделя, как я начал... хлеба с маслом у меня уже почти не осталось... а я все думал о юных пнях в краю родном, как вдруг Мартовский Заяц и говорит...

— Ничего я не говорил, — торопливо прервал его Мартовский Заяц.

— Нет, говорил, — возразил Болванщик.

— И не думал, — сказал Мартовский Заяц. — Я все отрицаю!

— Он все отрицает, — сказал Король. — Не вносите в протокол!

— Ну тогда, значит, Соня сказала,— продолжал Болванщик, с тревогой взглянув на Соню. Но Соня ничего не отрицала — она крепко спала.

— Тогда я отрезал себе еще хлеба,— продолжал Болванщик,— и намазал его маслом...

— Но что же сказала Соня? — спросил кто-то из присяжных.

— Не помню,— сказал Болванщик.

— Постарайся вспомнить,— заметил Король,— а не то я велю тебя казнить.

Несчастный Болванщик выронил из рук чашку и бутерброд и опустил на одно колено.

— Я человек маленький,— повторил он.— И я все думал о пнях.

— Глуп как пень,— заметил Король и гордо огляделся.

Тут одна из морских свинок громко зааплодировала и была *подавлена*. (Так как это довольно трудное слово, я объясню тебе, что оно значит. Служители взяли большой мешок, сунули туда свинку вниз головой, завязали мешок и сели на него.)

«Я очень рада, что увидела, как это делается,— подумала Алиса.— А то я часто читала в газетах: «Попытки к сопротивлению были *подавлены*...» Теперь-то я знаю, что это такое!»

— Ну, хватит,— сказал Король Болванщику.— Закругляйся!

— А я и так весь круглый,— радостно возразил Болванщик.— Шляпы у меня круглые, болванки тоже...

— Круглый ты болван, вот ты кто! — закричал вдруг Король.

Тут другая свинка зааплодировала и была *подавлена*.

«Ну вот, со свинками покончено,— подумала Алиса.— Теперь дело пойдет веселее».

— Ты свободен,— сказал Король Болванщику.

И Болванщик выбежал из зала суда, даже не позаботившись надеть башмаки.

— И отрубите ему там на улице голову,— прибавила Королева, повернувшись к одному из служителей.

Но Болванщик был уже далеко.

— Вызвать свидетельницу,— приказал Король.

Свидетельницей оказалась Кухарка. В руках она держала перечницу. Она еще не вошла в зал суда, а задние ряды уже все чихали. Алиса сразу догадалась, кто сейчас войдет.

— Давай сюда свои показания,— сказал Король.

— И не подумаю,— отвечала Кухарка.

Король озадаченно посмотрел на Белого Кролика.

— Придется Вашему Величеству подвергнуть ее перекрестному допросу,— прошептал Кролик.

— Что ж, перекрестному, так перекрестному,— вздохнул Король, скрестив на груди руки и скосив глаза к переносице.

Грозно нахмурив брови, Король взглянул на Кухарку и глухо спросил:

— Крендели из чего делают?

— Из перца в основном,— отвечала Кухарка.

— Из киселя,— проговорил у нее за спиной сонный голос.

— Схватите эту Соню!— завопила Королева.— Рубите ей голову! Гоните ее в шею! Подавите ее! Ущипните ее! Отрежьте ей усы!

Все кинулись ловить Соню. Поднялся переполох, а когда наконец все снова уселись на свои места, Кухарка исчезла.

— Вот и хорошо,— сказал Король с облегчением.— Вызвать следующую свидетельницу!

И, повернувшись к Королеве, он вполголоса произнес:

— Теперь, душечка, ты сама подвергай ее перекрестному допросу. А то у меня голова разболелась.

Белый Кролик зашуршал списком.

«Интересно, кого они сейчас вызовут,— подумала Алиса.— Пока что улик у них нет никаких...»

Представьте себе ее удивление, когда Белый Кролик пронзительно закричал своим тоненьким голоском:

— Алиса!

АЛИСА ДАЕТ ПОКАЗАНИЯ

— Здесь!— крикнула Алиса, забыв в своем волнении о том, как она выросла за последние несколько минут, и так быстро вскочила со своего места, что задела краем юбки скамью, на которой сидели присяжные. Скамья опрокинулась, и все присяжные посыпались вниз, на головы сидящей публики. Там они и лежали, напоминая Алисе рыбок, так же беспомощно лежавших на полу с неделю назад, когда она случайно опрокинула аквариум.

— Простите, пожалуйста!— огорченно вскрикнула Алиса и принялась торопливо подбирать присяжных. Случай с аквариумом не шел у нее из ума, и ей почему-то казалось, что, если не подобрать присяжных как можно скорее и не посадить их обратно на скамью, они непременно погибнут.

— Суд продолжит работу только после того, как все присяжные вернутся на места,— сказал Король строго.

— Я повторяю: все! Все до единого!— произнес он с расстановкой, не сводя глаз с Алисы.

Алиса взглянула на присяжных и обнаружила, что второпях посадила Ящерку Билля на скамью вверх ногами; бедняга грустно махал хвостом, но перевернуться никак не мог. Она быстро взяла его и посадила как следует.

Про себя же она подумала: «Конечно, это совсем неважно. Что вверх головой, что вниз, пользы от него на суде никакой».

Как только присяжные немного пришли в себя и получили обратно потерянные при падении грифели и доски, они принялись усердно писать историю этого происшествия. Один только Билль сидел неподвижно, широко открыв рот и уставившись в небо: видно, никак не мог опомниться.

— Что ты знаешь об этом деле?— спросил Король.
— Ничего,— ответила Алиса.
— Решительно ничего? — настойчиво допытывался Король.
— Решительно ничего,— повторила Алиса.
— Это очень важно,— произнес Король, поворачиваясь к присяжным.

Они кинулись писать, но тут вмешался Белый Кролик.

— Ваше Величество хочет, конечно, сказать: *неважно*,— произнес он почтительно. Однако при этом он хмурился и подавал Королю знаки.

— Ну да,— поспешно сказал Король.— Я именно это и хотел сказать. *Неважно!* Конечно, *неважно!*

И забормотал вполголоса, словно примериваясь, что лучше звучит:

— *Важно — неважно...неважно — важно...*

Некоторые присяжные записали: «Важно!», а другие — «Неважно!». Алиса стояла так близко, что ей все было отлично видно.

«Это не имеет никакого значения»,— подумала она.

В эту минуту Король, который что-то быстро писал у себя в записной книжке, крикнул:

— Тихо!

Посмотрел в книжку и прочитал:

— «Правило 42. Всем, в ком больше мили росту, следует немедленно покинуть зал».

И все уставились на Алису.

— Во мне нет мили,— сказала Алиса.

— Нет, есть,— возразил Король.

— В тебе мили две, не меньше,— прибавила Королева.

— Никуда я не уйду,— сказала Алиса.— И вообще, это не настоящее правило. Вы его только что выдумали.

— Это самое старое правило в книжке! — возразил Король.

— Почему же оно тогда 42-е?— спросила Алиса.— Оно должно быть первым.

Король побледнел и торопливо закрыл книжку.

— Обдумайте свое решение,— сказал он присяжным тихим дрожащим голосом.

Белый Кролик поспешно вскочил со своего места.

— С позволения Вашего Величества,— сказал он,— тут есть еще улики. Только что был найден один документ.

— А что в нем?— спросила Королева.

— Я его еще не читал,— ответил Белый Кролик,— но, по-моему, это письмо от обвиняемого... кому-то...

— Конечно, кому-то,— сказал Король.— Вряд ли он писал письмо никому. Такое обычно не делается.

— Кому оно адресовано? — спросил кто-то из присяжных.

— Никому,— ответил Белый Кролик.— Во всяком случае, на обороте ничего не написано.

С этими словами он развернул письмо и прибавил:

— Это даже и не письмо, а стихи.

— Почерк обвиняемого? — спросил другой присяжный.

— Нет,— отвечал Белый Кролик.— И это всего подозрительней. (Присяжные растерялись.)

— Значит, подделал почерк,— заметил Король. (Присяжные просветлели.)

— С позволения Вашего Величества,— сказал Валет,— я этого письма не писал, и они этого не докажут. Там нет подписи.

— Тем хуже,— сказал Король.— Значит, ты что-то дурное задумал, а не то подписался бы, как все честные люди.

Все заплодировали: впервые за весь день Король сказал что-то действительно умное.

— Вина доказана,— произнесла Королева.— Рубите ему...

— Ничего подобного! — возразила Алиса.— Вы даже не знаете, о чем стихи.

— Читай их! — сказал Король Кролику.

Кролик надел очки.

— С чего начинать, Ваше Величество? — спросил он.

— Начни с начала,— важно ответил Король,— и продолжай, пока не дойдешь до конца. Как дойдешь — кончай!

Воцарилось мертвое молчание. Вот что прочитал Белый Кролик:

Я знаю, с ней ты говорил
И с ним, конечно, тоже.
Она сказала: «Очень мил,
Но плавать он не может».

Там побывали та и тот
(Что знают все на свете),
Но если б делу дали ход,
Вы были бы в ответе.

Я дал им три, они нам — пять,
Вы шесть им посулили.
Но все вернулись к вам опять,
Хотя моими были.

Она, конечно, горяча,
Не спорь со мной напрасно.
Да, видишь ли, рубить сплеча
Не так уж безопасно.

Но он не должен знать о том
(Не выболтай случайно),
Все остальные ни при чем,
И это наша тайна.

— Это очень важная улика,— проговорил Король, потирая руки.— Все, что мы сегодня слышали, по сравнению с ней бледнеет. А теперь пусть присяжные обдумают свое...

Но Алиса не дала ему кончить.

— Если кто-нибудь из них сумеет объяснить мне эти стихи,— сказала Алиса,— я дам ему шесть пенсов. (За последние несколько минут она еще выросла, и теперь ей никто уже не был страшен.) — Я уверена, что в них нет никакого смысла!

Присяжные записали: «Она уверена, что в них нет никакого смысла», но никто из них не сделал попытки объяснить стихи.

— Если в них нет никакого смысла,— сказал Король,— тем лучше. Можно не пытаться их объяснить. Впрочем...

Тут он положил стихи себе на колени, взглянул на них одним глазом и произнес:

— Впрочем, кое-что я, кажется, объяснить могу, «...но плавать он не может...»

И, повернувшись к Валету, Король спросил:

— Ты ведь не можешь плавать?

Валет грустно покачал головой.

— Куда мне!— сказал он. (Это было верно — ведь он был бумажный.)

— Так,— сказал Король и снова склонился над стихами,— «...Знают все на свете»,— это он, конечно, о присяжных. «Я дал им три, они нам — пять...» Так вот что он сделал с кренделями!

— Но там сказано, что «все вернулись к вам опять»,— заметила Алиса.

— Конечно, вернулись,— закричал Король, с торжеством указывая на блюдо с кренделями, стоящее на столе.— Это очевидно! «Она, конечно, горяча...» — пробормотал он и взглянул на Королеву.— Ты разве горяча, душечка?

— Ну что ты, я необычайно сдержанна, — ответила

Королева и швырнула чернильницу в Крошку Билля. (Бедняга было бросил писать по доске пальцем, обнаружив, что не оставляет на доске никакого следа, однако теперь поспешил начать писать снова, обмакнув палец в чернила, стекавшие у него с лица.)

— «Рубить сплеча...», — прочитал Король и снова взглянул на Королеву. — Разве ты когда-нибудь рубишь с плеча, душечка?

— Никогда, — сказала Королева.

И, отвернувшись, закричала, указывая пальцем на бедного Билля:

— Рубите ему голову! Голову с плеч!

— А-а, понимаю, — произнес Король. — Ты у нас рубишь с плеч, а не с плеча!

И он с улыбкой огляделся.

Все молчали.

— Это каламбур! — закричал сердито Король.

И все засмеялись.

— Пусть присяжные решают, виновен он или нет, — произнес Король в двадцатый раз за этот день.

— Нет! — сказала Королева. — Пусть выносят приговор! А виновен он или нет — потом разберемся!

— Чепуха! — сказала громко Алиса. — Как только такое в голову может прийти!

— Молчать! — крикнула Королева, багровея.

— И не подумаю! — отвечала Алиса.

— Рубите ей голову! — крикнула Королева во весь голос.

Никто не двинулся с места.

— Кому вы страшны? — сказала Алиса. (Она уже выросла до своего обычного роста.) — Вы ведь всего-навсего колода карт!

Тут все карты поднялись в воздух и полетели Алисе в лицо. Она вскрикнула полуниспуганно, полугневно, принялась от них отбиваться... и обнаружила, что лежит на берегу, головой у сестры на

коленях, а та тихо смахивает у нее с лица сухие листья, упавшие с дерева.

— Алиса, милая, проснись, — сказала сестра. — Как ты долго спала!

— Какой мне странный сон приснился! — сказала Алиса и рассказала сестре все, что запомнила о своих удивительных приключениях, про которые вы только что читали.

А когда она кончила, сестра поцеловала ее и сказала:

— Правда, сон был очень странный! А теперь беги домой, не то опоздаешь к чаю.

Алиса вскочила на ноги и побежала. А пока бежала, все время думала, что это был за чудесный сон.

А сестра ее осталась сидеть на берегу. Подпершись рукой, смотрела она на заходящее солнце и думала о маленькой Алисе и ее чудесных приключениях, пока не погрузилась в полудрему. И вот что ей привиделось.

Сначала она увидела Алису — снова маленькие руки обвились вокруг ее колен, снова на нее смотрели снизу вверх большие блестящие глаза. Она слышала ее голос и видела, как Алиса встряхивает головой, чтобы откинуть со лба волосы, которые вечно лезут ей на глаза. Она прислушалась: все вокруг ожило, и странные существа, которые снились Алисе, казалось, окружили ее.

Длинная трава у ее ног зашуршала — это пробежал мимо Белый Кролик; в пруду неподалеку с плеском проплыла испуганная Мышь; слышался звон посуды — это Мартовский Заяц поил своих друзей бесконечным чаем; Королева пронзительно кричала: «Рубите ему голову!» Снова на коленях у Герцогини расчихался младенец, а вокруг так и свистели тарелки и блюдца; снова в воздухе слышался крик Грифона, скрип грифеля по доске, визг подавленной свинки и далекое рыданье несчастного Как бы.

Так она и сидела, закрыв

глаза, воображая, что и она попала в Страну Чудес, хотя знала, что стоит ей открыть их, как все вокруг станет привычным и обыденным; только ветер зашуршит травой, погонит по пруду рябь и зашатает камыши; звон посуды превратится в треньканье колокольчика на шее у овцы, пронзительный голос Королевы — в окрик пастуха, плач младенца и крик Грифона — в шум скотного двора, а стенанья Как бы (она это знала) сольются с отдаленным мычаньем коров.

И наконец она представила себе, как ее маленькая сестра вырастет и, сохранив в свои зрелые годы простое и любящее детское сердце, станет собирать вокруг себя других детей, и как глаза их заблестят от дивных сказок. Быть может, она поведаст им и о Стране Чудес и, разделив с ними их нехитрые горести и нехитрые радости, вспомнит свое детство и счастливые летние дни.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Расстановка перед началом игры

Б Е Л Ы Е

ФИГУРЫ	ПЕШКИ
Труляля	Маргаритка
Единорог	Зай Атс
Овца	Устрица
Белая Королева	Крошка Лили
Белый Король	Лань
Старичок	Устрица
Белый Рыцарь	Болванс Чик
Траляля	Маргаритка

Расстановка перед началом игры

ЧЕРНЫЕ

ПЕШКИ

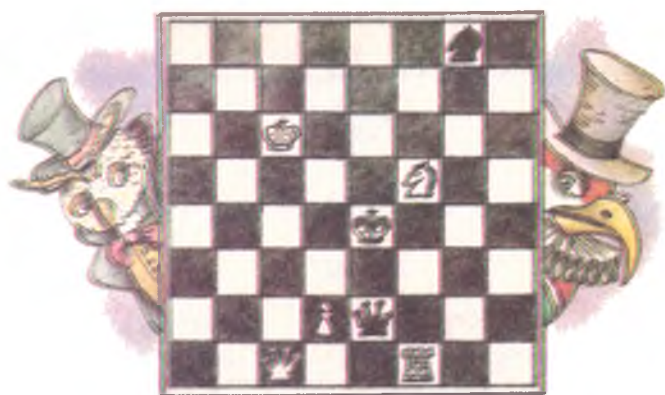
Маргаритка
Чужестранец
Устрица
Тигровая Лилия

Роза
Устрица
Лягушонок
Маргаритка

ФИГУРЫ

Шалтай-Болтай
Плотник
Морж
Черная Коро-
лева
Черный Король
Ворон
Черный Рыцарь
Лев

*Белая Пешка (Алиса) начинает и выигрывает
в одиннадцать ходов.*

	Стр.		Стр.
1. Алиса встречает Черную Королеву	112	1. Черная Королева уходит на h5	117
2. Алиса через d3 (железная дорога)	118	2. Белая Королева идет на c4 (ловит шаль)	139
идет на d4 (Траляля и Труляля)	127	3. Белая Королева идет на c5 (становится Овцой)	143
3. Алиса встречает Белую Королеву (с шалью)	139	4. Белая Королева уходит на f8 (оставляет на полке яйцо)	148
4. Алиса идет на d5 (лавка, река, лавка)	144	5. Белая Королева идет на c8 (спасаясь от Черного Коня)	165
5. Алиса идет на d6 (Шалтай-Болтай)	149	6. Черный Конь идет на e7	169
6. Алиса идет на d7 (лес)	168	7. Белый Конь идет на f5	169
7. Белый Конь берет Черного Коня	170	8. Черная Королева идет на e8 (экзамен)	181
8. Алиса идет на d8 (коронация)	180	9. Королевы «рокируются»	186
9. Алиса становится Королевой	186	10. Белая Королева идет на a6 (суп)	192
10. Алиса «рокируется» (пир)	189		
11. Алиса берет Черную Королеву и выигрывает партию	192		

Предисловие автора

Так как шахматная задача, приведенная на предыдущей странице, поставила в тупик некоторых читателей, мне следует, очевидно, объяснить, что она составлена в соответствии с правилами — насколько это касается самих ходов.

Правда, очередность черных и белых не всегда соблюдается с надлежащей строгостью, а «рокировка» трех Королев просто означает, что все три попадают во дворец. Однако всякий, кто возьмет на себя труд расставить фигуры и проделать указанные ходы, убедится, что «шах» Белому Королю на 6-м ходу, потеря черными Коня на 7-м и финальный «мат» Черному Королю не противоречат законам игры.

Новые слова в стихотворении «Бармаглот» вызвали известные разногласия относительно их произношения; мне следует, очевидно, дать разъяснения и по этому пункту. «Хливкие» следует произносить с ударением на первом слоге; «хрюкотали» — на третьем; а «зелюки» — на последнем.

Рождество, 1896 г.

Дитя с безоблачным челом
И удивленным взглядом,
Пусть изменилось все кругом
И мы с тобой не рядом,
Пусть годы разлучили нас,
Прими в подарок мой рассказ.

Тебя я вижу лишь во сне,
Не слышен смех твой милый,
Ты выросла, и обо мне,
Наверное, забыла.
С меня довольно, что сейчас
Ты выслушаешь мой рассказ.

Он начат много лет назад
Июльским утром ранним,
Скользила наша лодка в лад
С моим повествованьем.
Я помню этот синий путь,
Хоть годы говорят: забудь!

Мой милый друг, промчатся дни,
Раздастся голос грозный.
И он велит тебе: «Усни!»,
И спорить будет поздно.
Мы так похожи на ребят,
Что спать ложиться не хотят.

Вокруг — мороз, слепящий снег,
И пусто, как в пустыне,
У нас же — радость, детский смех,
Горит огонь в камине.
Спасает сказка от невзгод,—
Пускай тебя она спасет.

Хоть легкая витает грусть
В моей волшебной сказке,
Хоть лето кончилось, но пусть
Его не блекнут краски,
Дыханью зла и в этот раз
Не опечалить мой рассказ.

ЗАЗЕРКАЛЬНЫЙ ДОМ

Одно было совершенно ясно: Снежинка тут ни при чем, во всем виновата Китти и никто другой. Вот уже полчаса, как мама-кошка мыла Снежинке мордочку (а та стойко сносила эту муку), так что при всем желании Снежинка ничего не могла сделать.

А знаешь, как Дина умывала своих котят? Одной лапой она хватала бедняжку за ухо и прижимала к полу, а другой терла ей всю мордочку, начиная с носа, против шерсти. Как я уже сказал, все это время она трудилась над Снежинкой, а та лежала смирно, не сопротивлялась, да еще пыталась мурлыкать, видно, понимала, что все это делается для ее же блага.

С черненькой Китти Дина покончила раньше, и теперь, пока

Алиса сидела, свернувшись калачиком, в уголке просторного кресла, что-то бормоча про себя в полудреме, Китти от души забавлялась, играя с клубком шерсти, которую Алиса мотала поутру; она весело гоняла его по полу и, конечно, размотала и запутала вкоонец. Нитки валялись теперь на коврике перед камином, до того спутанные, что на них страшно было смотреть, а Китти прыгала по ним, пытаясь поймать собственный хвост.

— Ах, Китти, до чего же ты противная! — сказала Алиса, поймав ее и легонько целуя в мордочку для того, видно, чтобы она получше поняла, что хозяйка на нее сердится. — Неужели Дина тебе не объясняла, как себя нужно вести?

Она взглянула с укоризной на Дину и как можно строже добавила:

— Нехорошо, Дина, плохо!

А потом она опять забралась в кресло, прихватив с собой шерсть и котенка, и снова принялась за клубок. Но дело у Алисы шло медленно, потому что она все время отвлекалась, — то беседовала с Китти, а то бормотала что-то себе под нос. Китти смирно сидела у нее на коленях, притворяясь, что внимательно следит за тем, как Алиса мотает шерсть; время от времени она протягивала лапку и тихонько трогала клубок, словно желая сказать, что с удовольствием помогла бы, если б умела.

— А знаешь, что будет завтра? — говорила Алиса. — Ты бы и сама догадалась, если б сидела со мной утром на окошке. Только ты была занята — Дина тебя умывала. А я смотрела, как мальчишки собирают щепки на костер. Для костра надо много щепок, Китти. Было ужасно холодно, а тут еще снег пошел, пришлось им разойтись по домам! Но не горюй, Китти! Завтра мы пойдем смотреть на костер!

Тут Алиса намотала немножко шерсти Китти на шею — просто так, чтобы посмотреть, пойдет ли ей это; Китти стала вырываться, клубок скатился на пол и опять размотался.

— Знаешь, — продолжала Алиса, когда они снова устроились в кресле, — я так на тебя рассердилась, Китти, когда увидела, что ты наделала. Я чуть не открыла окошко и не посадила тебя на снег! Ты это заслужила, шалунья! Что ты можешь сказать в свое оправдание? А теперь слушай и не прерывай меня! (Тут она погрозила Китти пальцем.) Я тебе все скажу! Во-первых, ты пищала, когда тебя мыли сегодня утром. Да, возражать тебе нечего, я слышала своими собственными ушами! Что ты там говоришь? (Алиса замолчала, сделав вид, что слушает Китти.) Она попала тебе лапой в глаз? Сама виновата, незачем было открывать глаза! Если б ты зажмурилась крепче, этого бы не случилось!

Не оправдывайся, пожалуйста! Лучше послушай! Во-вторых, ты оттащила Снежинку за хвост от блюдечка, когда я налила ей молока. Ах, тебе пить захотелось? А про нее ты не думала? И в-третьих, стоило мне отвернуться, как ты размотала всю шерсть. Целых три проступка, Китти, а ты еще ни за один не заплатилась. Ну, подожди, накажу я тебя за все сразу — через неделю!

«А что было бы, если бы меня тоже стали наказывать за все разом? (Она размышляла вслух, обращаясь скорее к самой себе, а не к Китти.) Что бы тогда было в конце года? Сидеть бы мне в тюрьме, не иначе! А если б меня оставляли без обеда за каждый проступок? Тогда бы в один прекрасный день я осталась бы сразу без ста обедов! Ну, это еще не так страшно! Хуже, если б нужно было съесть все сто обедов разом!»

— Слышишь, как снег шуршит о стекла, Китти? Какой он пушистый и мягкий! Как он ласкается к окнам! Снег, верно, любит поля и деревья, раз он так нежен с ними! Он укрывает их белой периной, чтобы им было тепло и уютно, и говорит: «Спите, дорогие, спите, пока не наступит лето». А когда они встанут от зимнего сна, Китти, они наденут зеленый наряд и пустятся в пляс на ветру. Ах, как это красиво! — Тут Алиса захлопала в ладоши и опять уронила клубок. — Хорошо бы все это и вправду так было! Ведь осенью лес и в самом деле такой сонный. Листья деревьев желтеют, и он погружается в сон. Послушай, Китти, а в шахматы играть ты умеешь? Не смейся, милая, я тебя серьезно спрашиваю. Когда мы сегодня играли, ты так смотрела на доску, как будто понимала все ходы, а когда я сказала «Шах!», ты замурлыкала! Ах, Китти, какой это был хороший ход! И я бы, конечно, выиграла, если б не этот противный конь! Как это он подобрался к моим фигурам! Китти, милая, давай играть, как будто мы...

Я даже сказать тебе не могу, как часто Алиса повторяла эту фразу! Не далее, как вчера, у нее вышел долгий спор с сестрой; Алиса ей сказала: «Давай играть, как будто мы — короли и королевы», а сестра, которая во всем любит точность, заявила, что это невозможно, потому что их только двое. В конце концов Алисе пришлось уступить. «Ну, хорошо, — сказала она, — ты будешь одним королем-и-королевой, а я всеми остальными королями и королевами сразу!» А однажды она до смерти испугала свою старую няньку, крикнув ей прямо в ухо: «Нянь, давай играть, как будто я голодная гиена, а ты — кость!»

Но мы отвлеклись. Итак, Алиса сказала Китти:

— Китти, миленькая, давай играть, как будто ты Черная Королева! Знаешь, если ты сядешь на задние лапки, а передние

сложишь на груди, ты будешь совсем как Черная Королева. Ну-ка, попробуй, душечка!

И Алиса сняла со стола Черную Королеву и поставила ее перед Китти, чтобы та видела, кому подражать. Но из этой затеи ничего не вышло, в основном потому, что, если верить Алисе, Китти ни за что не желала сложить как следует лапки. Тогда в наказание Алиса поднесла ее к Зеркалу над камином — пусть видит, какой у нее хмурый вид.

— Если ты сию же минуту не справишься, я тебя посажу туда, в Зазеркальный дом. Ну, что ты на это скажешь?

— Знаешь, Китти, если ты помолчишь хоть минутку, — продолжала Алиса, — и послушаешь меня, я тебе расскажу все, что знаю про Зазеркальный дом. Во-первых, там есть вот эта комната, которая начинается прямо за стеклом. Она совсем такая же, как наша гостиная, Китти, только все там наоборот! Когда я залезаю на стул и смотрю в Зеркало, она видна мне вся, кроме камина. Ах, как бы мне хотелось его увидеть! Мне так интересно узнать, топят они зимой камин или нет. Но в это Зеркало как ни гляди, камина не увидишь, разве что наш камин задымит — тогда и там появится дымок. Только это, верно, они нарочно — чтобы мы подумали, будто и у них в камине огонь. А книжки там очень похожи на наши, только слова написаны задом наперед. Я это точно знаю, потому что однажды я показала им нашу книжку, а они показали мне свою!

— Ну как, Китти, хочешь жить в Зазеркальном доме? Интересно, дадут тебе там молока? Впрочем, не знаю, можно ли пить зазеркальное молоко? Не повредит ли оно тебе, Китти?.. А дальше идет коридор. Если распахнуть дверь в нашей гостиной пошире, можно увидеть кусочек коридора в том доме, он совсем такой же, как у нас. Но, кто знает, вдруг там, где его не видно, он совсем другой? Ах, Китти, как бы мне хотелось попасть в Зазеркалье! Там, должно быть, столько всяких чудес! Давай играть, будто мы туда можем пройти! Вдруг стекло станет тонким, как паутинка, и мы шагнем сквозь него! Посмотри-ка, оно, и правда, тает, как туман. Пройти сквозь него теперь совсем не трудно...

Тут Алиса оказалась на каминной полке, хоть и сама не заметила, как она туда попала. А зеркало, и точно, стало таять, словно серебристый туман поутру.

Мгновение — и Алиса прошла сквозь Зеркало и легко спрыгнула в Зазеркалье.

Прежде всего она заглянула в камин и очень обрадовалась, увидев, что в нем жарко пылают дрова; огонь был настоящий, совсем такой же, как дома!

«Значит, здесь мне будет так же тепло, как и там, — подумала

Алиса.— И даже, наверно, теплее! Здесь никто не станет меня гнать от камина. А вот будет смешно, когда наши увидят меня здесь, им ведь меня не достать!»

Она осмотрелась и тут же заметила, что комната на деле совсем не такая обыкновенная и скучная, какой казалась из-за Зеркала. Портреты на стене возле камина были живые и о чем-то шептались, а круглые часы, стоявшие на каминной полке (раньше Алиса видела их только в затылок), улыбнулись ей.

«Здесь, право, не такой порядок, как у нас»,— подумала Алиса, заметив в каминной золе несколько шахматных фигур. Вдруг она охнула и присела на корточки: фигуры важно разгуливали по коврику парами!

— Вот Черный Король и Черная Королева,— сказала Алиса шепотом, чтобы не спугнуть их.— А вот Белый Король и Белая Королева уселись на краешке совка и болтают ногами. А вот две Туры взялись под ручки и шепчутся о чем-то. По-моему, они меня не слышат...

Алиса наклонилась к камину.

— Они меня, верно, и не видят. Похоже, что я стала вдруг невидимкой...

Тут на столе у нее за спиной что-то покатилося и запищало; Алиса обернулась и увидала, что это упала Белая Пешка. Она лежала на спине и изо всех сил брыкалась, сиюсь подняться на ноги. Алиса с любопытством ждала, что будет дальше.

— Это моя малютка!— закричала Белая Королева и бросилась к Пешке, оттолкнув Короля с такой силой, что он упал прямо в золу.— Лили, кисочка! Котенок ты мой ненаглядный! Детка моя королевская!

И она стала карабкаться вверх по каменной решетке.

— Королевские бредни!— пробормотал Король, потирая ушибленный при падении нос.

Не мудрено, что он немного рассердился на Королеву, ведь он с головы до пят выпачкался в золе.

Алиса решила прийти им на помощь, и так как крошка Лили вопила во весь голос, она нагнулась, схватила Королеву и быстро поставила ее на стол, рядом с громко плачущей дочкой.

Королева судорожно вздохнула и села: у нее захватило дух от такого головокружительного взлета; с минуту она лишь молча сжимала свою дочку в объятиях. Немножко отдышавшись, она крикнула Королю, угрюмо сидевшему в золе:

— Берегись вулкана!

— Какого вулкана?— спросил Король и с тревогой взглянул

в камин, видно, полагая, что это для вулкана самое подходящее место.

— Который... швырнул... меня наверх!— проговорила с расстановкой Королева, которая все никак не могла отдышаться.— Подымайся наверх обычным путем! А то взлетишь на воздух!

Алиса долго смотрела, как Король с трудом лезет вверх по каминной решетке, осторожно перебираясь с перекладины на перекладинку, наконец не выдержала и сказала:

— Так ты пролазишь весь день! Дай-ка я тебе помогу, хо-рошо?

Но Король в ответ промолчал: он, конечно, ее просто не слышал и не видел.

Алиса осторожно взяла его в руку и подняла — медленно-медленно, чтобы у него не перехватило дыхание, как у Королевы. Но прежде чем поставить на стол, она решила его слегка почистить: он был весь в пепле.

Алиса потом рассказывала, что в жизни не видела такой физиономии, какую скорчил Король, почувствовав, что невидимая рука остановилась на полпути в воздухе и кто-то начал сдувать с него пепел: он так удивился, что не мог даже закричать; глаза и рот у него округлились и открывались все шире, хоть дальше, казалось, уж было некуда. Алиса так расхохоталась, что рука у нее затряслась от смеха, и она чуть не выронила бедного Короля.

— Прошу тебя, милый, не строй таких рож! — взмолилась Алиса, совсем позабыв, что Король ее не слышит.— Ты так меня рассмешил, что я тебя чуть не уронила! Закрой же рот! А не то наглотаешься пеплу! Ну вот, теперь ты, по-моему, чистый!

Она пригладила ему волосы и поставила его на стол рядом с Королевой.

Король тотчас же повалился навзничь и замер, так что Алиса забеспокоилась и пошла поискать воды, чтобы привести его в чувство. Однако, как она ни искала, воды нигде не было; ей попался только пузырек чернил, но когда она вернулась с ним к столу, оказалось, что Король уже пришел в себя и испуганно шепчется о чем-то с Королевой — так тихо, что Алиса с трудом разобрала слова.

— Уверю тебя, милочка,— шептал Король,— я так испугался, что похолодел до самых кончиков бакенбард.

— Но у тебя нет бакенбард!— возразила Королева.

— Этой ужасной минуты я не забуду никогда в жизни!— сказал Король.

— Забудешь,— заметила Королева,— если не запишешь в записную книжку.

Алиса с любопытством смотрела, как Король вытащил из кармана огромную записную книжку и начал что-то писать в ней. Тут Алисе пришла в голову неожиданная мысль — она ухватила за кончик огромного карандаша, который торчал у Короля за плечом, и начала писать сама.

Бедный Король совсем растерялся; с минуту он молча боролся с карандашом, но, как ни бился, карандаш писал свое, так что наконец Король произнес, задыхаясь:

— Знаешь, милочка, мне надо достать карандаш потоньше. Этот вырывается у меня из пальцев, пишет всякую чепуху, какой у меня и в мыслях не было...

— Какую чепуху?— спросила Королева, заглядывая в книжку. (Алиса между тем написала: «Белый Конь едет вниз по кочерге. Того и гляди, упадет».)

— Но ты же совсем не то хотел записать!— вскричала Королева.

На столе лежала какая-то книга; Алиса взяла ее и стала листать, поглядывая время от времени на Белого Короля. (Она все еще волновалась за него и держала чернила наготове — на случай, если ему снова станет плохо.) Она надеялась, что сумеет прочитать в книге хоть одну страничку, но все было написано на каком-то непонятном языке.

Вот как это выглядело.

топльмдвБ
нжарш энжнлХ хливкие шорьки
,эван оп П
,нжюкзе нлзюкохх Н
эвом в нжнемом жвК

Алиса ломала себе голову над этими строчками, как вдруг ее осенило.

— Ну конечно,— воскликнула она,— это же Зазеркальная Книга! Если я поднесу ее к Зеркалу, я смогу ее прочитать.

Так она и сделала. И вот что она прочитала:

Бармаглот
Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

О, бойся Бармаглота, сын!
Он так свирлеп и дик,
А в глуше рымит исполин —
Злопастный Брандашмыг!

Но взял он меч, и взял он щит,
Высоких полон дум.
В глушобу путь его лежит
Под дерево Тумтум.

Он стал под дерево и ждет,
И вдруг граахнул гром —
Летит ужасный Бармаглот
И пылкает огнем!

Раз-два, раз-два! Горит трава,
Взы-взы — стрижает меч,
Ува! Ува! И голова
Барабардает с плеч!

О светозарный мальчик мой!
Ты победил в бою!
О храброславленный герой,
Хвалу тебе пою!

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве.
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

— Очень милые стишки, — сказала Алиса задумчиво, — но понять их не так-то легко.

(Знаешь, ей даже самой себе не хотелось признаться, что она ничего не поняла.)

— Наводят на всякие мысли — хоть я и не знаю, на какие... Одно ясно: кто-то кого-то здесь убил... А впрочем, может, и нет...

Тут она опомнилась и вскочила на ноги.

«Что это я сижу? — подумала она. — Мне надо торопиться, а то не успею осмотреть все, что здесь есть! Начнем с сада!»

С этими словами Алиса бросилась из комнаты и побежала вниз по лестнице... собственно, не побежала, а... как бы это объяснить? «Это новый способ легко и свободно спускаться по лестнице», — подумала Алиса. Она только положила руку на перила — и тихонько

поплыла вниз по ступенькам, даже не задевая их ногами; так она пронеслась через прихожую и вылетела бы прямо в дверь, если б не ухватилась за косяк. От полета у нее закружилась голова, и она рада была снова ступить на землю.

САД, ГДЕ ЦВЕТЫ ГОВОРИЛИ

«Если я поднимусь на тот холмик, я увижу сразу весь сад,— подумала Алиса.— А вот и тропинка, она ведет прямо наверх... Нет, совсем не прямо...»

(Она сделала всего несколько шагов, но ей уже стало ясно, что тропинка все время петляет.)

— Надеюсь,— сказала про себя Алиса,— она приведет меня все же наверх. Как она кружит! Прямо штопор, а не тропинка! Поворот — сейчас будем наверху! Ах, нет, опять она повернула вниз! Так я снова попаду прямо к дому! Пойду-ка я назад.

И она повернула назад. Но куда бы она ни шла, где бы ни сворачивала, всякий раз, хоть убей, она выходила снова к дому. А раз, сделав крутой поворот, она уперлась носом прямо в стену.

— Нечего меня уговаривать,— сказала Алиса, обращаясь к дому, словно он с нею спорил.— Мне еще рано возвращаться. Я знаю, что в конце концов мне придется снова уйти домой через Зеркало, и тогда все мои приключения кончатся.

Тут она решительно повернулась к дому спиной и снова пошла по тропинке, дав себе слово никуда не сворачивать, пока не доберется до вершины холма. Сначала все было хорошо, и она уже думала, что на этот раз ей удастся все же подняться наверх, как

вдруг тропинка изогнулась, вздыбилась (именно так рассказывала потом об этом Алиса) — и в тот же миг Алиса оказалась прямо на пороге дома.

— Опять этот дом! Как он мне надоед!— вскричала Алиса.— Так и лезет под ноги!

А холм был совсем рядом — ну прямо рукой подать. Делать нечего. Алиса вздохнула и снова отправилась в путь. Не прошла она и нескольких шагов, как набрела на большую клумбу с цветами.

— Ах, Лилия,— сказала Алиса, глядя на Тигровую Лилию, легонько покачивающуюся на ветру.— Как жалко, что вы не умеете говорить!

— Говорить-то мы умеем,— ответила Лилия.— Было бы с кем.

Алиса так удивилась, что в ответ не могла вымолвить ни слова,— у нее прямо дух захватило от изумления. Но наконец, видя, что Лилия спокойно качается на ветру, Алиса опомнилась и робко прошептала:

— Неужели здесь все цветы говорят?

— Не хуже тебя,— отвечала Лилия,— только гораздо громче.

— Просто мы считаем, что нехорошо заговаривать первыми,— вмешалась Роза.— А я как раз стою себе и думаю: догадаешься ты с нами заговорить или нет? «У этой, по крайней мере, лицо не вовсе бессмысленное,— говорю я про себя.— Правда, умом оно не блещет, но что подделаешь. Зато цвет у нее правильный, а это уже кое-что!»

— Меня цвет не беспокоит,— заметила Лилия.— Вот если бы лепестки у нее побольше завивались, тогда она была бы очень мила.

Алисе было неприятно слышать все эти критические замечания, и она поспешила спросить:

— А вам никогда не бывает страшно? Вы здесь совсем одни, и никто вас не охраняет...

— Как это «одни»? — сказала Роза.— А Дуб на что?

— Но разве он может что-нибудь сделать? — удивилась Алиса.

— Он хоть кого может *отдубасить*,— сказала Роза.— Что-что, а *дубасить* он умеет!

— Поэтому он и называется дуб,— пропищала Маргаритка.

— А ты этого и не знала?— подхватила ее подружка, и тут все они так завопили, что воздух зазвенел от их пронзительных голосов.

— А ну, замолчите! — зарычала Тигровая Лилия. яростно раскачиваясь и вся дрожа от негодования.

— Знают, что мне до них не добраться! — проговорила она, задыхаясь, повернув свою дрожащую от гнева головку к Алисе. — Распустились, негодницы!

— Не волнуйтесь! — сказала Алиса и, наклонясь к Маргариткам, шепнула:

— Если вы сейчас же не замолчите, я всех вас сорву!

Тотчас же воцарилась тишина, а несколько розовых маргариток побегали как полотно.

— Правильно! — сказала Лилия. — Маргаритки из всех цветов самые несносные. Стоит одной из них *распуститься*, как все тут же *распускаются* за ней следом! Такой поднимают крик! Послушать их, так прямо завянешь.

— А как это вы все научились так хорошо говорить? — спросила Алиса, надеясь немного смягчить ее похвалой. — Я во многих садах бывала, но никогда не слышала, чтобы цветы говорили!

— Опусть руку, — сказала Лилия, — и пощупай клумбу. Тогда тебе все станет ясно.

Алиса присела и потрогала землю.

— Твердая как камень, — сказала она. — Только при чем тут это?

— В других садах, — ответила Лилия, — клумбы то и дело рыхлят. Они там мягкие, словно перины, — цветы и спят все дни напролет!

Тут Алисе все стало ясно.

— Так вот в чем дело, — обрадовалась она. — Я об этом не подумала!

— А ты хоть когда-нибудь о чем-нибудь думаешь? — сурово спросила Роза.

— В жизни не видела такой дурочки, — сказала Фиалка.

Алиса прямо подпрыгнула от неожиданности: Фиалка все это время молчала, словно и не умела говорить.

— А ты помолчала бы! — крикнула Лилия. — Можно подумать, что ты хоть что-нибудь видела в жизни! Вечно ты прячешься под листом и храпишь там в свое удовольствие, а о том, что происходит на свете, знаешь не больше, чем бутон!

— А есть в саду еще люди, кроме меня? — спросила Алиса, решив пропустить мимо ушей замечание Розы.

— Есть тут еще один цветок, который умеет ходить, как ты, — сказала Роза. — Не понимаю, как это тебе удастся?..

— Ты никогда ничего не понимаешь, — заметила Лилия.

— Только он пораскидистее, чем ты, — продолжала как ни в чем не бывало Роза.

— А в остальном — как я? — спросила с волнением Алиса. («Тут в саду есть еще одна девочка!» — подумала она.)

— Такой же странной формы, как и ты, — сказала Роза. — Немножко темнее, пожалуй, и лепестки покороче...

— Гладкие, как у Георгина, — подхватила Тигровая Лилия, поворачиваясь к Алисе, — а не такие растрепанные, как у тебя.

— Не огорчайся, ты в этом не виновата, — сказала снисходительно Роза. — Просто ты уже вянешь, и лепестки у тебя обтрепались, тут уж ничего не поделаешь...

Алисе это совсем не понравилось, и, чтобы переменить разговор, она спросила:

— А сюда она когда-нибудь приходит?

— Не волнуйся, ты ее скоро увидишь, — сказала Роза. — Она из тех, у кого девять шипов, знаешь?

— А где у нее шипы? — спросила Алиса с удивлением.

— На голове, конечно,— ответила Роза.— А я-то все время думала, почему у тебя их нет. Мне казалось, что у вас все с шипами.

— Вон она идет! — закричал молоденький Шпорник.— Я слышу ее шаги. Топ-топ! Только она так топает, когда идет по дорожке.

Алиса радостно оглянулась и увидела Черную Королеву. «Как она выросла!»— невольно подумалось Алисе.

И вправду, когда Алиса нашла ее в золе, она была ростом дюйма в три, не больше, а теперь — на полголовы выше самой Алисы.

— Это от свежего воздуха,— заметила Роза,— здесь у нас чудесный воздух!

— Пойду-ка я к ней навстречу,— сказала Алиса.

Конечно, ей интересно было поболтать с цветами, но разве их сравнишь с настоящей Королевой!

— Навстречу?— переспросила Роза.— Так ты ее никогда не встретишь. Я бы тебе посоветовала идти в обратную сторону.

«Какая чепуха!»— подумала Алиса.

Впрочем, вслух она ничего не сказала и направилась прямо к Королеве. К своему удивлению, она тут же потеряла ее из виду и снова оказалась у порога дома.

В сердцах она отступила назад, огляделась по сторонам в поисках Королевы, которую наконец увидела вдали, и подумала: «Не пойти ли на этот раз в противоположном направлении?»

Все вышло как нельзя лучше. Не прошло и минуты, как она столкнулась с Королевой у подножия холма, куда раньше никак не могла подойти.

— А ты здесь откуда?— спросила Королева.— И куда это ты направляешься? Смотри мне в глаза! Отвечай вежливо! И не верти пальцами!

Алиса послушно посмотрела ей в глаза и постаралась объяснить, что сбилась с дороги, но теперь понимает свою ошибку и собирается продолжить свой путь.

— Твой путь?— переспросила Королева.— Не знаю, что ты хочешь этим сказать. Здесь все пути мои!

Внезапно смягчившись, она прибавила:

— Но скажи мне, зачем ты сюда пришла? Пока думаешь, что сказать, делай реверанс! Это экономит время.

Алиса немного удивилась, но Королева внушала ей такое почтение, что возражать она не посмела.

«Вернусь домой,— подумала она,— и попробую делать реверансы, когда буду опаздывать к обеду».

— Ну вот, теперь отвечай!— сказала Королева, посмотрев на часы.— Когда говоришь, открывай рот немного шире и не забывай прибавлять: «Ваше Величество!»

— Я просто хотела взглянуть на сад, Ваше Величество...

— Понятно,— сказала Королева и погладила Алису по голове, что не доставило той ни малейшего удовольствия. Оглядевшись, Королева прибавила:

— Разве это сад? Видала я такие сады, рядом с которыми этот — просто заброшенный пустырь!

Алиса не осмелилась ей перечить и продолжала:

— А еще я хотела подняться на вершину холма...

— Разве это холм?— перебила ее Королева.— Видала я такие холмы, рядом с которыми этот — просто равнина!

— Ну нет!— сказала вдруг Алиса и сама удивилась, как это она решается возражать Королеве.— Холм никак не может быть равниной. Это уж совсем чепуха!

— Разве это чепуха?— сказала Королева и затрясла головой.— Слышала я такую чепуху, рядом с которой эта разумна, как толковый словарь!

Тут Алиса снова сделала реверанс, потому что по голосу Королевы ей показалось, что та все-таки немного обиделась. Они молча пошли дальше и наконец поднялись на вершину холма.

Несколько минут Алиса стояла не говоря ни слова, только глядела на раскинувшуюся у ее ног страну. Это была удивительная страна. Поперек бежали прямые ручейки, а аккуратные живые изгороди делили пространство между ручейками на равные квадраты.

— По-моему, Зазеркалье страшно похоже на шахматную доску,— сказала наконец Алиса.— Только фигур почему-то не видно... А, впрочем, вот и они!— радостно закричала она, и сердце громко забило у нее в груди.

— Здесь играют в шахматы! Весь этот мир — шахматы (если только, конечно, это можно назвать миром). Это одна большая-пребольшая партия. Ой, как интересно! И как бы мне хотелось, чтобы меня приняли в эту игру! Я даже согласна быть Пешкой, только бы меня взяли... Хотя, конечно, больше всего мне бы хотелось быть Королевой!

Она робко покосилась на настоящую Королеву, но та только милостиво улыбнулась и сказала:

— Это легко можно устроить. Если хочешь, становись Белой Королевской Пешкой. Крошка Лили еще слишком мала для игры.

К тому же ты сейчас стоишь как раз на второй линии. Доберешься до восьмой, станешь Королевой...

Тут почему-то Алиса и Королева бросились бежать.

Позже, когда Алиса размышляла об этом дне, она никак не могла понять, как это случилось; она только помнила, что они бежали, крепко взявшись за руки, и Королева так неслась вперед, что Алиса едва за ней поспевала, но Королева все время кричала:

— Быстрее! Быстрее!

Алиса чувствовала, что быстрее бежать она не может, но она задыхалась и не могла этого сказать.

Самое удивительное было то, что деревья не бежали, как следовало ожидать, им навстречу; как ни стремительно неслись Алиса и Королева, они не оставляли их позади.

Королева, видно, прочла ее мысли.

— Быстрее! Быстрее!— закричала она.— Не разговаривай!

Но Алиса и не думала разговаривать. Ей уже казалось, что она никогда в жизни не сможет больше произнести ни слова,— так она задыхалась, а Королева все кричала:

— Быстрее! Быстрее!

И тянула ее за руку.

— Далеко еще?— с трудом вымолвила наконец Алиса.

— Не *еще*, а *уже*!— ответила Королева.— Мы пробежали мимо десять минут назад! Быстрее!

И снова они неслись со всех ног — так что только ветер свистел у Алисы в ушах. «Того и гляди, сорвет с головы все волосы»,— подумалось Алисе.

— А ну, давай!— кричала Королева.— Еще быстрее!

И они помчались так быстро, что, казалось, скользили по воздуху, вовсе не касаясь земли ногами, пока наконец, когда Алиса совсем уже выбилась из сил, они внезапно не остановились, и Алиса увидела, что сидит на земле и никак не может отдышаться.

Королева прислонила ее к дереву и сказала ласково:

— А теперь можешь немного отдохнуть.

Алиса в изумлении огляделась.

— Что это?— спросила она.— Мы так и остались под этим деревом? Неужели мы не стронулись с места ни на шаг?

— Ну, конечно, нет,— ответила Королева.— А ты чего хотела?

— У нас,— сказала Алиса, с трудом переводя дух,— когда долго бежишь со всех ног, непременно попадешь в другое место.

— Какая медлительная страна!— сказала Королева.— Ну, а

здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте! Ну, а если хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать, по меньшей мере, вдвое быстрее!

— Ах нет, я никуда не хочу попасть!— сказала Алиса.— Мне и здесь хорошо. Очень хорошо! Только ужасно жарко и пить хочется!

— Этому горю помочь нетрудно,— сказала Королева и вынула из кармана небольшую коробку.— Хочешь сухарик?

Алиса подумала, что отказаться будет невежливо, хотя сухарь ей был совсем ни к чему. Она взяла сухарь и стала его жевать; сухарь был страшно сухой, и она чуть не подавилась.

— Пока ты утоляешь жажду,— сказала Королева,— я размечу площадку.

Она вынула из кармана ленту с делениями и принялась отмечать на земле расстояния и вбивать в землю колышки.

— Вот вобью еще два колышка,— сказала она,— и покажу тебе, куда ты пойдешь. Хочешь еще сухарик?

— Нет, нет, благодарю вас,— ответила Алиса.— Одного вполне достаточно.

— Надеюсь, ты больше не хочешь пить?— спросила Королева.

Алиса растерялась, но, к счастью, Королева продолжала, не дожидаясь ее ответа:

— На третьей линии я повторю тебе свои указания, чтобы ты их не забыла. На четвертой — я с тобой распрощаюсь. На пятой — я тебя покину.

Между тем она закончила свою работу. Алиса с интересом смотрела, как она вернулась к дереву, а потом медленно пошла вдоль ряда колышков. Около второго она остановилась, повернулась и сказала:

— Пешка, как ты знаешь, в первом ходу прыгает через клетку. Так что третью клетку ты проскочишь на всех парах — на паровозе, должно быть,— и тут же окажешься на четвертой. Там ты повстречаешь Труляля и Траляля... Пятая клетка залита водой, а в шестой расположился Шалтай-Болтай... Но ты молчишь?

— Разве... я должна... что-то сказать?— запинаясь, спросила Алиса.

— Тебе бы следовало поблагодарить меня за любезные пояснения,— отвечала Королева с укоризной.— Что ж, предположим, что ты так и сделала. Значит, так: седьмая клетка вся заросла лесом, но ты не беспокойся: один из Рыцарей на Коне проведет тебя через лес. Ну, а на восьмой линии мы встретимся как равные — ты будешь Королевой, и мы устроим по этому случаю пир!

Алиса встала, сделала реверанс и снова села.

У следующего колышка Королева опять повернулась.

— Если не знаешь, что сказать, говори по-французски! — заметила она. — Когда идешь, носки ставь врозь! И помни, кто ты такая!

С этими словами она повернулась, на этот раз не дожидаясь, пока Алиса сделает реверанс, подбежала к четвертому колышку, оглянулась, сказала:

— Прощай!

И бросилась к последнему.

Как это произошло, Алиса не поняла, но стоило Королеве добежать до последнего колышка, как она тут же исчезла. То ли она растаяла в воздухе, то ли скрылась в лесу («Она ведь так быстро бежит!» — думала Алиса), трудно сказать, только она исчезла. А Алиса принялась размышлять о том, что она теперь Пешка и что скоро ей ходить.

ЗАЗЕРКАЛЬНЫЕ НАСЕКОМЫЕ

Прежде всего, конечно, нужно было оглядеться и познакомиться со страной, по которой ей предстояло путешествовать.

«Совсем как на уроке географии, — подумала Алиса, поднимаясь на цыпочки, чтобы заглянуть подальше. — Главные реки? Никаких. Главные горы? Всего одна — и я на ней стою. Как она называется? По-моему, никак. Главные города?.. Ой, кто это там? Выются, словно пчелиный рой... Только, конечно, пчел на таком расстоянии не увидишь...»

Она замолчала и стала смотреть на загадочных насекомых, которые кружили над цветами, погружая в них хоботки.

«Совсем как настоящие пчелы», — подумала Алиса.

Конечно, это были совсем не пчелы; по правде говоря, это были слоны, в чем Алиса очень скоро убедилась. У нее прямо дух захватило от этого открытия.

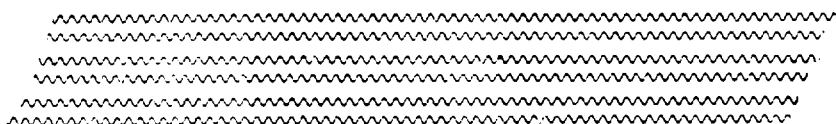
«А какие там огромные, должно быть, цветы! — размышляла Алиса. — Словно дом, только без крыши и на стебле! А сколько меду! Подойду-ка я поближе... Нет, лучше подожду...»

Она начала было спускаться с холма, но вдруг оробела и остановилась.

«Прежде чем туда идти, нужно запастись хорошей веткой, чтобы отмахиваться от слонов, — оправдывалась она перед собой. — А как будет смешно, когда меня спросят дома, как мне здесь понравилось, и я скажу: «Очень приятная была прогулка, только... — тут она тряхнула головой (такая уж была у нее привычка!), — только было жарко и пыльно и слоны докучали!»

— Спущусь-ка я в другую сторону, — проговорила она, помолчав, — а к слонам пойду попозже. Мне ведь нужно поскорее попасть на третью линию!

С этими словами она сбежала с холма и перепрыгнула через первый из шести ручейков.

— Ваши билеты! — сказал Контролер, всовывая голову в окошко.

Все тут же предъявили билеты: размером билеты были не меньше пассажиров, и в вагоне поэтому сразу стало очень тесно.

— Та-ак, — протянул Контролер и сердито взглянул на Алису. — А где твой билет, девочка?

И все хором закричали («Словно припев в песне», — промелькнуло у Алисы в голове):

— Не задерживай его, девочка! Ты знаешь, сколько стоит время? Тысячу фунтов — одна минута!

— К сожалению, у меня нет билета, — испуганно сказала Алиса. — Там, где я села, не было кассы...

И хор голосов подхватил:

— Там не было места для кассы! Знаешь, сколько стоит там земля? Тысячу фунтов — один дюйм!

— Не оправдывайся, девочка!— сказал Контролер.— Надо было купить билет у машиниста.

И снова хор голосов подхватил:

— У человека, который ведет паровоз! Знаешь, сколько стоит дым от паровоза? Тысячу фунтов — одно колечко!

«Лучше мне промолчать»,— подумала Алиса.

На этот раз, так как она не произнесла ни слова, никто ничего не сказал, но, к величайшему ее удивлению, все хором подумали (надеюсь, ты понимаешь, что значит «думать хором», потому что мне, по правде говоря, это неясно):

— Лучше промолчи! Знаешь, сколько стоит разговор? Тысячу фунтов — одно слово!

«Сегодня мне всю ночь будет сниться тысяча фунтов!»— подумала Алиса.

А Контролер все это время внимательно ее разглядывал — сначала в телескоп, потом в микроскоп и наконец в театральный бинокль. Наконец он сказал:

— И вообще ты едешь не в ту сторону!

Опустил окно и ушел.

Господин, сидевший напротив (одет он был в белую бумагу), произнес:

— Такая маленькая девочка должна знать, в какую сторону она едет, даже если она не знает, как ее зовут!

Козел, сидевший рядом с господином в белом, закрыл глаза и громко сказал:

— Она должна бы знать, как пройти в кассу, даже если она не умеет читать!

Рядом с Козлом сидел Жук (это был очень странный вагон, битком набитый пассажирами), и так как говорить здесь, судя по всему, полагалось по очереди, он сказал:

— Придется отправить ее обратно багажом.

Алисе не видно было, кто сидит за Жуком, она только услышала хриплый голос:

— Пусть переседет на другой...

Тут голос закашлялся и замолк.

«Что это у него? Грипп?»— подумала Алиса.

И тотчас же тоненький голосок прошептал ей прямо в ухо:

— Из этого вышла бы неплохая шутка: «Коль хрип — так грипп...» Или еще что-нибудь в таком же духе...

В самом конце вагона кто-то ласково пропел:

— На ней надо написать: «Хрупкая девочка! На кантовать!»

А голоса продолжали выкрикивать («Сколько их здесь!» — подумала Алиса):

— Надо отправить ее почтой! Налепить ей справа марку и отправить!

— Нет, лучше телеграфом!

— Пусть тянет поезд вместо паровоза!

Но господин в белой бумаге наклонился к Алисе и прошептал:

— Не слушай их, детка! Просто на каждой остановке покупай по обратному билету!

— И не подумаю! — воскликнула, потеряв терпение, Алиса. — Эта поездка мне совсем не нужна! Хочу в лес! В чашу!

— И из этого вышла бы неплохая шуточка, — проговорил тоненький голосок прямо у нее над ухом. — «Хочу почаще бродить по чаще»... Или еще что-нибудь в этом же духе...

— Ах, оставьте меня наконец в покое! — сказала Алиса, оглядываясь. (Она никак не могла понять, кто это с ней говорит тоненьким голоском.) — Если вам так хочется шутить, шутите, пожалуйста, сами!

Тоненький голосок в ответ глубоко вздохнул. Он был, видно, очень несчастлив.

«Надо бы его утешить, — подумала Алиса. — Но только почему он не вздыхает, как люди?»

Понимаешь, вздох был такой легонький, что она бы его ни за что не услышала, если бы он не раздался у нее прямо над ухом. От этого в ухе у нее защекотало, и она перестала думать о горестях своего невидимого собеседника.

— Я знаю, что ты мне друг, — продолжал голосок. — Старый друг... верный друг... Ты меня не обидишь, даром, что я насекомое...

— Какое насекомое? — забеспокоилась Алиса.

На самом деле она хотела узнать, кусается ее собеседник или нет, но задать такой вопрос прямо было бы, конечно, невежливо.

— Неужели ты не догада... — начал тоненький голосок, но его заглушил пронзительный свисток паровоза. Алиса и все остальные в тревоге повскакивали со своих мест.

Лошадь, высунувшая голову в окно, оглянулась и спокойно сказала:

— Ничего страшного! Здесь ручеек, который нам надо перепрыгнуть.

Все тут же успокоились, только Алисе было как-то не по себе при мысли о том, что поезда здесь прыгают.

«Зато я сразу попаду на четвертую линию, — подумала она. — А это уже неплохо!»

В тот же миг она почувствовала, как поезд поднялся в воздух.

От страха она вцепилась во что-то, оказавшееся у нее под рукой. Это была козлиная борода.

Не успела Алиса схватиться за нее, как борода словно растаяла в воздухе. Алиса оказалась под деревом, а над головой у нее на сучке устроился Комар (так вот кто был ее невидимым собеседником!) и обмахивал Алису крылышками.

Это был огромный Комар.

«Не меньше гуся!»— подумала Алиса.

Но она ничуть не испугалась: чего ей было бояться после столь долгой и дружественной беседы?

— Значит, ты не всех насекомых любишь?— продолжал как ни в чем не бывало Комар.

— Я люблю тех, которые умеют говорить,— отвечала Алиса.— У нас насекомые не разговаривают.

— А каким насекомым у вас радуются?— спросил Комар.

— Я никаким насекомым не радуюсь, потому что я их боюсь,— призналась Алиса.— По крайней мере, больших. Но я могу вам сказать, как их зовут.

— А они, конечно, идут, когда их зовут?— небрежно заметил Комар.

— Нет, кажется, не идут.

— Тогда зачем же их звать, если они не идут?

— Им это ни к чему, а нам все-таки нужно. Иначе зачем вообще знать, как что называется?

— Незачем, по-моему,— сказал Комар.— Если ты зайдешь поглубже вон в тот лес, ты увидишь, что там нет никаких имен и названий. Впрочем, мы зря теряем время... Значит, какие у вас насекомые?

— Ну, вот, к примеру, есть у нас Бабочка,— сказала Алиса и загнула на руке один палец.

— А-а,— протянул Комар.— Взгляни-ка на тот куст! Там на ветке сидит... Знаешь кто? *Баобабочка*! Она вся деревянная, а усики у нее зеленые и нежные, как молодые побеги!

— А что она ест?— спросила Алиса с любопытством.

— Стружки и опилки,— отвечал Комар.— А еще кто у вас есть?

Алиса жадно разглядывала Баобабочку. Она была такая толстенная и такая веселая, что Алиса решила: она только что хорошо пообедала!

— А еще у нас есть Стрекоза,— сказала она и загнула второй палец.

— Подними-ка голову,— сказал Комар.— Вон на той ветке, прямо у тебя над головой, сидит *Стрекозел*. Бородатый, рогатый, и то и дело лезет бодаться!

— А он что ест?— снова спросила Алиса.

— Траву и отруби,— ответил Комар.— А гнездо он себе вьет в хлеву.

Алиса долго задумчиво смотрела на Стрекозла и наконец сказала:

— А еще у нас есть всякие мошки.

— Взгляни-ка на то облачко,— заметил Комар.— Это выются *Бегемоты*. Подумать только — такие толстые и неповоротливые, а как хорошо летают!

— А что они едят?— снова спросила Алиса.

— Мелкую рыбешку и лягушек!

Алису одолели сомнения.

— А если рыбешки не будет?— спросила она.

— Тогда они, конечно, умрут,— отвечал Комар.

— И часто так бывает?

— Всегда,— сказал Комар.

Алиса задумалась, между тем как Комар развлекался, кружа вокруг ее головы. Наконец он уселся на ветку и пропищал:

— Хочешь потерять свое имя?

— Нет,— испугалась Алиса.— Конечно, не хочу!

— И зря,— сказал Комар небрежно.— Подумай, как это было бы удобно! Скажем, возвращаешься ты домой, а никто не знает, как тебя зовут. Захочет гувернантка позвать тебя на урок, крикнет: «Идите сюда...»— и остановится. Имя-то она забыла. А ты, конечно, не пойдешь — ведь неизвестно, кого она звала!

— Это мне не поможет,— возразила Алиса.— Даже если она забудет мое имя, она всегда может сказать: «Послушайте, милочка...»

— Но ведь ты не *Милочка*,— перебил ее Комар.— Ты и не будешь слушать. Хорошенькая вышла шутка, правда? Жаль, что не ты ее придумала.

— Что это вы все время предлагаете мне свои шутки? — спросила Алиса.— Эта, например, вам совсем не удалась.

Комар только глубоко вздохнул; по щекам у него покатались две крупные слезы.

— Не нужно шутить,— сказала Алиса,— если шутки вас так огорчают.

В ответ он снова грустно вздохнул, а когда Алиса подняла глаза, бедного Комара на ветке уже не было, должно быть, его унесло собственным вздохом.

Алиса так долго сидела без движения, что ей стало холодно; она поднялась и пошла вперед.

Вскоре она вышла на полянку, за которой чернел лес. Он был гораздо мрачнее того, откуда она вышла, и Алиса немножко струсилась. Все же, поразмыслив, она решила идти вперед.

— Не возвращаться же мне назад!— сказала она про себя.— Другого пути на восьмую линию нет,

«Это, верно, тот самый лес,— размышляла она,— где нет никаких имен и названий. Интересно, неужели я тоже потеряю свое имя? Мне бы этого не хотелось! Если я останусь без имени, мне тотчас дадут другое и наверняка какое-нибудь ужасное! А я примусь разыскивать того, кто подобрал мое старое имя. Вот будет смешно! Дам объявление в газету, будто я потеряла собаку: «Потеряно имя по кличке... (Тут, конечно, будет пропуск.) На шее медный ошейник». И всех, кого ни встречу, буду окликать: «Алиса!» Вдруг кто-нибудь отзовется. Только вряд ли... Разве что по глупости...»

Так, беседуя сама с собой, она незаметно дошла до леса; там было сумрачно и прохладно.

«По крайней мере,— подумала Алиса, ступив под деревья,— приятно немножко освежиться в этом... как его? Ну, как же он

называется?..— Она с удивлением заметила, что никак не может вспомнить нужного слова.— Когда спрячешься под... ну, как же их?... под... этими...— Она погладила дерево по стволу.— Интересно, как они называются? А может, никак? Да, конечно, никак не называются».

С минуту она стояла в глубокой задумчивости, а потом вдруг сказала:

— Значит, все-таки это случилось! Кто же я теперь? Я должна вспомнить! Во что бы то ни стало должна!

Но как она ни старалась, ничего у нее не выходило. Она всячески ломала себе голову, но вспомнить свое имя не могла.

— Я помню только, что там есть Л...— сказала она наконец.— По-моему, оно начинается с Л...

Тут из-за дерева вышла Лань. Она взглянула на Алису огромными грустными глазами, но ничуть не испугалась.

— Тпрушеньки! Тпрушеньки!— сказала Алиса и протянула руку, чтобы ее погладить. Лань прыгнула в сторону, но не убежала, а остановилась, глядя на Алису.

— Как тебя зовут?— спросила Лань.

У нее был мягкий и нежный голос.

«Если б я только знала»,— подумала бедная Алиса.

Вслух она грустно промолвила:

— Пока никак...

— Постарайся вспомнить,— сказала Лань.— Так нельзя... Алиса постаралась, но все было бесполезно.

— Скажите, а вас как зовут?— робко спросила она.— Вдруг это мне поможет...

— Отойдем немного,— сказала Лань.— Здесь мне не вспомнить...

Алиса нежно обняла Лань за мягкую шею, и они вместе пошли через лес. Наконец они вышли на другую поляну; Лань взвилась в воздух и сбросила с себя руку Алисы.

— Я Лань!— закричала она радостно.— А ты — человеческий детеныш!

Тут в ее прекрасных карих глазах мелькнула тревога, и она умчалась прочь.

Алиса долго смотрела ей вслед; слезы навертывались ей на глаза при мысли, что она так внезапно потеряла свою милую спутницу.

— Ну, что ж,— сказала она наконец.— Зато теперь я знаю, как меня зовут. И то хорошо... Алиса... Алиса... Больше уж ни за что не забуду... Посмотрю-ка я на эти указатели. Интересно, куда мне теперь идти?

На этот вопрос ответить было нетрудно: через лес вела только одна дорога, и обе стрелки указывали на нее.

«Дойду до развилки,— подумала Алиса,— тогда и решу. Ведь там им придется указывать в разные стороны».

Напрасно она на это надеялась! Она все шла и шла по дороге, но и на развилках стрелки неизменно указывали в одну сторону. На одной из них было написано:

«К ДОМУ ТРУЛЯЛЯ»

А на другой:

«К ДОМУ ТРАЛЯЛЯ»

«Судя по всему,— размышляла Алиса,— они живут вместе. Как это я раньше не догадалась... Впрочем, я все равно задерживаться у них не буду. Забегу на минутку, поздороваюсь и спрошу, как выйти из лесу. Только бы мне добраться до восьмой линии, пока не стемнеет».

Так она шла и шла, разговаривая сама с собой, как вдруг дорожка круто повернула, и она увидела двух человечков, толстых, как набитые шерстью кули. Это было так неожиданно, что Алиса вздрогнула и остановилась. Впрочем, она тут же успокоилась, сообразив, что перед ней не два куля, а...

Глава четвертая

ТРАЛЯЛЯ И ТРУЛЯЛЯ

Они стояли под деревом, обняв друг друга за плечи, и Алиса сразу поняла, кто из них Труляля, а кто — Траляля, потому что у одного на воротнике было вышито «Тру», а у другого — «Тра».

«А «ляля», верно, вышито у обоих сзади»,— подумала Алиса.

Они стояли так неподвижно, что она совсем забыла о том, что они живые, и уже собиралась зайти им за спину и посмотреть, вышито ли у них на воротнике сзади «ляля», как вдруг тот, на котором стояло «Тру», сказал:

— Если ты думаешь, что мы из воска, выкладывай тогда денежки! За посмотри деньги платят! Иначе не пойдет! Ни в коем разе!

— Задом наперед, совсем наоборот! — прибавил тот, на котором было вышито «Тра». — Если, по-твоему, мы живые, тогда скажи что-нибудь...

— Пожалуйста, простите меня,— сказала Алиса,— я не хотела вас обидеть.

Больше она ничего сказать не могла, потому что в голове у нее неотвязно, словно тиканье часов, звучали слова старой песенки, она с трудом удержалась, чтобы не пропеть ее вслух:

Раз Труляля и Траляля
Решили вздуть друг дружку,
Из-за того, что Траляля
Испортил погремушку,—
Хорошую и новую испортил погремушку.

Но ворон, черный, будто ночь,
На них слетел во мраке.
Герои убежали прочь,
Совсем забыв о драке,—
Тра-ля-ля, тру-ля-ля, совсем забыв о драке.

— Я знаю, о чем ты думаешь,— сказал Труляля,— но это не так! Ни в коем разе!

— И задом наперед, совсем наоборот,— подхватил Траляля.— Если бы это было так, это бы еще ничего, а если бы ничего, оно бы так и было, но так как это не так, так оно и не этак! Такова логика вещей.

— Я думала о том,— сказала вежливо Алиса,— как бы мне побыстрей выбраться из этого леса. Уже темнеет... Не покажете ли вы мне дорогу?

Но толстячки только переглянулись с усмешкой.

Они были до того похожи на школьников, выстроившихся для переключки, что Алиса не удержалась, ткнула пальцем в Труляля и крикнула:

— Первый!

— Ни в коем разе! — тут же отозвался Труляля и так быстро захлопнул рот, что зубы шелкнули.

— Второй! — крикнула Алиса и ткнула пальцем в Траляля.

— Задом наперед, совсем наоборот! — крикнул он.

Другого Алиса и не ждала.

— Ты неправильно начала! — воскликнул Труляля.— Когда знакомишься, нужно прежде всего поздороваться и пожать друг другу руки!

Тут братцы обнялись и, не выпуская друг друга из объятий, протянули по одной руке Алисе. Алиса не знала, что ей делать: пожать руку сначала одному, а потом другому? А вдруг второй обидится? Тут ее осенило, и она протянула им обе руки сразу. В следующую минуту все трое кружились, взявшись за руки, в хороводе. Алисе (как она вспоминала позже) это показалось вполне естественным; не удивилась она и тогда, когда услышала музыку: она лилась откуда-то сверху, может быть, с деревьев, под которыми они танцевали? Сначала Алиса никак не могла по-

нять, кто же там играет, но потом догадалась, что просто это елки бьются о палки, словно смычки о скрипки.

— Смешнее всего было то, — рассказывала потом Алиса сестре, — что я и не заметила, как запела: «Вот идем мы хороводом...» Не знаю, когда я начала, но пела, верно, очень-очень долго!

Братцы были толстоваты: скоро они запыхались.

— Четыре круга — вполне достаточно для одного танца, — пропыхтел Труляля.

Они остановились так же внезапно, как и начали; музыка тут же смолкла.

Братья разжали пальцы и, не говоря ни слова, усталились на Алису; наступило неловкое молчание, ибо Алиса не знала, как полагается начинать беседу с теми, с кем только что танцевала.

«Нельзя же сейчас вдруг взять и сказать: «Здравствуйте!» — думала она. — Так или иначе, но здороваться уже поздно».

— Надеюсь, вы не очень устали? — спросила она наконец.

— Ни в коем разе! — отвечал Труляля. — Спасибо за внимание.

— Премного благодарны! — поддержал его Траляля. — Ты любишь стихи?

— Д-да, пожалуй, — ответила с запинкой Алиса. — Смотри какие стихи... Не скажете ли вы мне, какой дорогой я выйду из лесу?

— Что ей прочесть? — спросил Траляля, глядя широко открытыми глазами на брата и не обращая никакого внимания на ее вопрос.

— «Моржа и Плотника». Это самое длинное, — ответил Труляля и крепко обнял брата.

Траляля тут же начал:

Сияло солнце в небесах...

Алиса решила прервать его.

— Если этот стишок очень длинный, — сказала она как можно вежливее, — пожалуйста, скажите мне сначала, как мне выйти...

Траляля нежно улыбнулся и начал снова:

Сияло солнце в небесах,
Светило во всю мочь,
Была светла морская гладь,
Как зеркало точь-в-точь,
Что очень странно — ведь тогда
Была глухая ночь.

И недовольная луна
Плыла над бездной вод
И говорила: «Что за чушь
Светить не в свой черед?
И день — не день, и ночь — не ночь,
А все наоборот».

И был, как суша, сух песок,
Была мокра вода.
Ты б не увидел в небе звезд —
Их не было тогда.
Не пела птица над гнездом —
Там не было гнезда.

Но Морж и Плотник в эту ночь
Пошли на бережок,
И горько плакали они,
Взирая на песок:
— Ах, если б кто-нибудь убрать
Весь этот мусор мог!

— Когда б служанка, взяв метлу,
Трудилась дотемна,
Смогла бы вымести песок
За целый день она?
— Ах, если б знать! — заплакал Морж.—
Проблема так сложна!

Ах, Устрицы! Придите к нам,—
Он умолял в тоске,—
И погулять, и поболтать
Приятно на песке.
Мы будем с вами до утра
Бродить рука в руке.

Но Устрицы преклонных лет
Не выплыли на зов.
К чему для странствий покидать
Страну своих отцов?
Ведь можно дома в тишине
Прожить в конце концов.

А юных Устриц удержать
Какой бы смертный мог?

Они в нарядных башмачках
Выходят на песок,
Что очень странно — ведь у них
Нет и в помине ног.

И, вымыв руки и лицо
Прохладною водой,
Они спешат, они ползут
Одна вослед другой
За Плотником и за Моржом
Веселою гурьбой.

А Морж и Плотник шли и шли
Час или два подряд,
Потом уселись на скале
Среди крутых громад,
И Устрицы — все до одной —
Пред ними стали в ряд.

И молвил Морж: «Пришла пора
Подумать о делах:
О башмаках и сургуче,
Капусте, королях,
И почему, как суп в котле,
Кипит вода в морях».

Взмолились Устрицы: «Постой!
Дай нам передохнуть!
Мы все толстушки, и для нас
Был очень труден путь».
— Присядьте, — плотник отвечал, —
Поспеем как-нибудь.

— Нам нужен хлеб, — промолвил Морж, —
И зелень на гарнир,
А также уксус и лимон,
И непременно сыр.
И если вы не против, то
Начнем наш скромный пир.

— Ах, неужели мы для вас
Не больше, чем еда,
Хотя вы были так добры,
Нас пригласив сюда!

А Морж ответил: «Как блеснит
Вечерняя звезда!

Я очень рад, что вы пришли
В пустынный этот край.
Вы так под уксусом нежны —
Любую выбирай».

А Плотник молвил: «Поскорей
Горчицу мне подай!»

— Мой друг, их заставлять спешить
Отнюдь мы не должны.

Проделав столь тяжелый путь,
Они утомлены.

— С лимоном, — Плотник отвечал, —
Не так они вкусны.

— Мне так вас жаль, — заплакал Морж
И вытащил платок, —

Что я не в силах удержать
Горячих слез поток.

И две тяжелые слезы
Скатились на песок.

А Плотник молвил: «Хорошо
Прошлись мы в час ночной.

Наверно, Устрицы хотят
Пойти к себе домой?»

Но те молчали, так как их
Всех съели до одной.

— Мне больше нравится Морж, — сказала Алиса. — Ему, по крайней мере, было хоть капельку жалко бедных устриц.

— Но съел он больше, чем Плотник, — возразил Траляля. — Просто он прикрывался платком, так что Плотник не мог посчитать, сколько штук он съел. Не мог! Задом наперед, совсем наоборот!

— Какой жадный! — вскричала Алиса. — Тогда мне больше нравится Плотник! Он съел меньше, чем Морж!

— Просто ему не досталось больше, — сказал Траляля.

Алиса растерялась. Помолчав, она проговорила:

— Ну, тогда, значит, оба они хороши!

Тут она замолчала и в страхе прислушалась. В лесу непод-

леку кто-то громко пыхтел, словно огромный паровоз. «Уж не дикий ли это зверь?» — мелькнуло у нее в голове.

— А в вашем лесу много львов и тигров? — робко спросила она.

— Это всего-навсего Черный Король, — сказал Траляля. — Расхрапелся немножко!

— Пойдем, посмотрим на него! — закричали братья, взяли Алису за руки и подвели к спящему неподалеку Королю.

— Милый, правда? — спросил Траляля.

Алисе трудно было с ним согласиться. На Короле был красный ночной колпак с кисточкой и старый грязный халат, а лежал он под кустом и храпел с такой силой, что все деревья вокруг сотрясались.

— Так можно себе и голову отхрапеть! — заметил Труляля.

— Как бы он не простудился, — забеспокоилась Алиса, которая была очень заботливой девочкой. — Ведь он лежит на сырой траве!

— Ему снится сон! — сказал Траляля. — И как по-твоему, кто ему снится?

— Не знаю, — ответила Алиса. — Этого никто сказать не может.

— Ему снишься ты! — закричал Траляля и радостно захлопал в ладоши. — Если б он не видел тебя во сне, где бы, интересно, ты была?

— Там, где я есть, конечно, — сказала Алиса.

— А вот и ошибаешься! — возразил с презрением Траляля. — Тебя бы тогда вообще нигде не было! Ты просто снишься ему во сне.

— Если этот вот Король вдруг проснется, — подтвердил Труляля, — ты сразу же — фьють! И потухнешь, как свеча!

— Ну, нет, — вознегодовала Алиса. — И вовсе я не потухну! К тому же если я только сон, то кто же вы тогда такие?

— То же самое, — сказал Труляля.

— Самое, самое! — подтвердил Траляля.

Он так громко прокричал эти слова, что Алиса испугалась.

— Ш-ш-ш, — прошептала она. — Не кричите, а то вы его разбудите!

— Тебе-то что? — сказал Труляля. — Все равно ты ему только снишься! Ты ведь не настоящая!

— Нет, настоящая! Настоящая! — крикнула Алиса и заплакала.

— Слезами делу не поможешь, — заметил Траляля. — О чем тут плакать?

— Если бы я была не настоящая, я бы не плакала, — сказала Алиса, улыбаясь сквозь слезы: все это было так глупо.

— Надеюсь, ты не думаешь, что это настоящие слезы? — спросил Труляля с презрением.

«Я знаю, что все это вздор, — подумала Алиса. — Глупо от этого плакать!»

Она вытерла слезы и постаралась принять веселый вид.

— Во всяком случае, мне надо поскорей выбраться из лесу. Уж очень что-то темнеет. Как, по-вашему, это не дождь там собирается?

Труляля быстро раскрыл огромный зонтик и спрятался под ним вместе с братом. А потом задрал голову и произнес:

— Никакого дождя не будет... по крайней мере, здесь! Ни в коем разе!

— А снаружи?

— Пусть себе идет, если ему так хочется. Мы не возражаем. И даже задом наперед, совсем наоборот.

— Только о себе и думают, — рассердилась Алиса и совсем уже собралась с ними распрощаться, как вдруг Труляля высочил из-под зонта и схватил ее за руку.

— Видала? — спросил он, задыхаясь от гнева.

Глаза его округлились и пожелтели, дрожащим пальцем он показывал на какую-то белую вещицу, которая валялась под деревом.

— Это всего-навсего погремушка, — сказала Алиса, всмотревшись. — *Погремушка*, а не *гремучая змея*, — поторопилась она добавить, думая, что он испугался. — Старая погремушка... Старая, никуда не годная погремушка.

— Так я и знал! — завопил Труляля, топая в бешенстве ногами, и принялся рвать на себе волосы. — Поломана, конечно!

Он глянул на Траляля, который тотчас повалился на землю и постарался спрятаться под зонтом.

Алиса положила руку на плечо Труляля.

— Не стоит так сердиться из-за старой погремушки, — сказала она примирительно.

— И вовсе она не старая! — закричал Труляля, разъярясь пуще прежнего. — Она совсем *новая*! Я только вчера ее купил! Хорошая моя... новая моя... ПОГРЕМУШЕЧКА!

И он зарыдал во весь голос.

А Траляля меж тем пытался спрятаться в зонтик, закрывая его вместе с собой. Это было так странно, что, засмотревшись, Алиса совсем забыла про его разгневанного брата. Правда, зонтик у Траляля никак не закрывался; кончилось все тем, что он совсем запутался и покатился в зонтике по земле — наружу торчала одна голова. Так он и лежал, хлопая губами и своими большими глазами.

«Ужасно похож на рыбу!» — подумала Алиса.

— Что ж, вздуем друг дружку? — спросил Труляля, внезапно успокаиваясь.

— Пожалуй, — угрюмо отвечал Траляля, вылезая из зонтика. — Только пусть *она* поможет нам одеться.

Братья взялись за руки и отправились в лес, а через минуту вернулись с грудой всяких вещей: были тут и диванные подушки, и каминные коврики, и одеяла, и скатерти, и крышки от кастрюль, и сопки для угля.

— Надеюсь, завязывать и закалывать ты умеешь? — спросил Труляля. — Все это нужно на нас надеть и как-то закрепить!

Позже Алиса рассказывала, что в жизни не видела такой суеты. Как они хлопотали! А сколько всего на себя понадели! И все нужно было как-то прикрепить и пристегнуть.

«Если они все на себя натянут, — подумала Алиса, — они будут совсем как узлы со старым тряпьем!»

В эту минуту она как раз прилаживала на шею Траляля диванный валик.

— Привяжи покрепче, а то отрежет мне ненароком голову, — сказал Траляля. И, подумав, мрачно прибавил:

— Знаешь, одна из самых серьезных потерь в битве — это потеря головы.

Алиса фыркнула и тут же закашлялась, чтобы скрыть свой смех. Она боялась его обидеть.

— Я очень бледный? — спросил Труляля, подходя к Алисе, чтобы она привязала ему шлем к голове. (Шлем этот, по правде говоря, походил больше на сковороду, но Труляля не желал этого признавать.)

— Пожалуй... бледноват, — осторожно ответила Алиса.

— Вообще-то я очень храбрый, — сказал Труляля, понизив голос. — Только сегодня у меня голова болит.

Но Траляля его услышал.

— А у меня болит зуб! — закричал он. — Мне больнее, чем тебе!

— Тогда не деритесь сегодня, — обрадовалась Алиса. Ей так хотелось их примирить.

— Слегка подраться все же нам придется,— сказал Труляля.— Но я не настаиваю на долгой драке. Который теперь час? Траляля взглянул на свои часы и сказал:

— Половина пятого.

— Подеремся часов до шести, а потом пообедаем,— предложил Труляля.

— Что ж,— отвечал со вздохом Траляля,— решено. А она пусть смотрит.

И, повернувшись к Алисе, прибавил:

— Только очень близко не подходи. Я, когда разойдусь, сокрушаю все, что попадет мне под руку.

— А я сокрушаю все, что попадет мне *под ногу*,— закричал Труляля.

Алиса засмеялась.

— Вот, верно, достается от вас деревьям,— сказала она.

Труляля огляделся с довольной улыбкой.

— К тому времени, когда драка будет закончена,— сказал он,— вокруг не останется ни одного дерева. Ни одного во всем лесу!

— И все из-за погремушки,— сказала она, все еще надеясь, что они устыдятся.

— Я бы ему ни слова не сказал,— ответил Труляля.— Но она была совсем новая!

«Хоть бы уж этот страшный ворон прилетал поскорее», — подумала Алиса.

— Знаешь, — сказал Труляля брату, — у нас всего одна шпага. Но ты можешь драться зонтом. Он острый, не хуже шпаги. Что ж, надо торопиться. Скоро будет темно, как в бочке.

— И даже еще темнее, — прибавил Траляля.

Тут все вокруг так почернело, что Алиса решила: приближается гроза.

— Какая огромная туча! — сказала она. — Как быстро она приближается! Ой, у нее, по-моему, крылья!

— Это ворон! — пронзительно вскрикнул Труляля.

Братья бросились бежать и через минуту скрылись из виду.

Алиса нырнула в лес и спряталась под большим деревом.

«Здесь ему до меня не добраться, — подумала она. — Он такой огромный, что между деревьев ему не пролезть. Как он машет крыльями! От них в лесу прямо буря поднялась! Вон летит чья-то шаль. Видно, ее сорвало ветром...»

ВОДА И ВЯЗАНИЕ

С этими словами она поймала шаль и стала смотреть, кому бы ее отдать. Не прошло и минуты, как из чащи стремительно выбежала Белая Королева, широко раскинув руки, словно в полете. Алиса с улыбкой пошла ей навстречу с шалью в руках.

— Я так рада, что перехватила ее, — сказала Алиса и накинула шаль Королеве на плечи.

Белая Королева только взглянула на нее испуганно и растерянно и тихонько что-то пробормотала. Похоже было, что она твердит:

— Бутерброд! Бутерброд!

Впрочем, разобрать слова было невозможно. Одно было ясно: если ей хочется побеседовать с Королевой, начинать придется самой. Помолчав, Алиса робко промолвила:

— Я уже отчаялась...

Но Королева не дала ей договорить.

— *Отчаялась?*— повторила она.— Разве ты пьешь чай, а не молоко? Не знаю, как это можно пить чай. Да еще утром.

Алисе не хотелось начинать знакомство спором. Она улыбнулась и сказала:

— Если Ваше Величество скажет мне, когда нужно пить чай, я постараюсь всегда следовать вашему совету.

— Детям чай пить совсем не надо!— сказала Королева.— Пусть пьют молоко! Другое дело — взрослые... Я вот сейчас, к примеру, битых два часа *отчаивалась*... с вареньем и сладкими булочками.

Пожалуй, было бы лучше (так, по крайней мере, показалось Алисе), если б она не *отчаивалась* так долго, а немного причесалась.

«Все на ней вкривь и вкось!— подумала Алиса, глядя на Королеву.— Всюду булавки!»

— Разрешите, я поправлю вам шаль,— сказала она вслух.— Она съехала набок...

— Не пойму, что с ней такое,— грустно проговорила Королева.— Должно быть, она не в духе. Я ее где только могла приколола, но ей никак не угодись.

— Не мудрено,— сказала тихонько Алиса.— Ведь вы ее прикололи всю на один бок.

И она тихонько поправила шаль.

— А волосы!— продолжала она.— В каком они виде!

— Щетка в них запуталась,— сказала Королева со вздохом.— А гребешок я вчера потеряла...

Алиса осторожно вытащила щетку и, как могла, причесала Королеву.

— Ну вот, теперь, пожалуй, лучше,— сказала она, переколов чуть не все булавки.— Но, знаете, вам нужна горничная.

— Тебя я взяла бы с удовольствием,— откликнулась Королева.— Два пенса в неделю и варенье на завтра.

Алиса рассмеялась.

— Нет, я в горничные не пойду,— сказала она.— К тому же варенье я не люблю.

— Варенье отличное,— настаивала Королева.

— Спасибо, но сегодня мне, право, не хочется.

— Сегодня ты бы его все равно не получила, даже если б очень

захотела,— ответила Королева.— Правило у меня твердое: варенье на завтра! И только на завтра!

— Но ведь *завтра* когда-нибудь будет сегодня.

— Нет, завтра никогда не бывает сегодня. Разве можно проснуться поутру и сказать: «Ну вот, наконец и завтра»?

— Ничего не понимаю,— протянула Алиса.— Все это так запутано!

— Просто ты не привыкла жить в обратную сторону,— добродушно объяснила Королева.— Поначалу у всех немного кружится голова...

— В обратную сторону!— повторила Алиса в изумлении.— Никогда такого не слыхала.

— Одно хорошо,— продолжала Королева.— Помнишь при этом и прошлое и будущее.

— У меня память не такая,— сказала Алиса.— Я не могу вспомнить то, что еще не случилось.

— Значит, у тебя память неважная,— заявила Королева.

— А вы что помните лучше всего?— спросила Алиса, набравшись храбрости.

— То, что случится через две недели,— небрежно сказала Королева, вынимая из кармана пластырь и заклеивая им палец.— Возьмем, к примеру, Королевского Гонца. Он сейчас в тюрьме, отбывает наказание, а суд начнется только в будущую среду. Ну, а про преступление он еще и не думал.

— А если он не совершит преступления?— спросила Алиса.

— Тем лучше,— сказала Королева и обвязала пластырь на пальце ленточкой.— Не правда ли?

Возражать было нечего.

— Конечно,— согласилась Алиса.— Только за что его тогда наказывать?

— Тут ты ошибаешься,— сказала Королева.— Тебя когда-нибудь наказывали?

— Разве что за провинности,— призналась Алиса.

— И тебе это только пошло на пользу, правда?— произнесла торжествующе Королева.

— Да, но ведь меня было за что наказывать,— отвечала Алиса.— А это большая разница!

— И все же было бы лучше, если б тебя наказывать было не за что. Гораздо лучше. Да, лучше! Лучше!— ответила Королева.

С каждым словом ее голос звучал все громче и наконец поднялся до крика.

— Здесь что-то не то...— начала Алиса, но тут Королева так завопила, что она замолчала на полуслове.

— А-а-а-а!— кричала Королева.— Кровь из пальца! Хлещет кровью!

При этом она так трясла рукой, словно хотела, чтобы палец вообще оторвался. Крик ее был пронзительным, словно свисток паровоза. Алиса зажала уши руками.

— Что случилось?— спросила она, как только Королева замолчала, чтобы набрать воздуха в легкие.— Вы укололи палец?

— Еще не уколола,— сказала Королева,— но сейчас уколою! А-а-а!

— Когда вы собираетесь сделать это?— спросила Алиса, с трудом сдерживая смех.

— Сейчас буду закалывать шаль и уколою,— простонала бедная Королева.— Брошка отколется сию минуту! А-а-а-а!

Тут брошка действительно откололась — Королева быстро, не глядя, схватила ее и попыталась приколоть обратно.

— Осторожно!— закричала Алиса.— Вы ее не так держите!

И она поспешила на помощь Королеве. Но было уже поздно — острие соскользнуло, и Королева уколола себе палец.

— Вот почему из пальца шла кровь,— сказала она с улыбкой Алисе.— Теперь ты понимаешь, как все здесь происходит?

— Но почему же вы сейчас не кричите?— спросила Алиса, снова готовясь зажать уши.

— Я уже откричалась,— отвечала Королева.— К чему начинать все сначала?

В лесу между тем посветлело.

— Должно быть, Ворон улетел,— сказала Алиса.— Как я рада! Я думала, уже ночь наступает.

— А я уже ничему не рада,— вздохнула Королева.— Забыла, как это делается. Тебе повезло: живешь в лесу, да еще радуешься, когда захочешь.

— И все-таки здесь очень одиноко,— с грустью промолвила Алиса. Стоило ей подумать о собственном одиночестве, как две крупные слезы покатились у нее по щекам.

— Ах, умоляю тебя, не надо!— закричала Королева, в отчаянии ломая руки.— Подумай! Подумай о том, сколько ты сегодня прошла! Подумай о том, который теперь час! Подумай о чем угодно, только не плачь!

Тут Алиса не выдержала и рассмеялась сквозь слезы.

— Разве, когда думаешь, не плачешь?— спросила она.

— Конечно, нет,— решительно отвечала Королева.— Ведь невозможно делать две вещи сразу! Давай для начала подумаем о том, сколько тебе лет.

— Мне ровно семь с половиной. Честное слово!

— Не клянись,— сказала Королева.— Я тебе и так верю. А вот теперь и ты попробуй мне поверить: мне ровно сто один год, пять месяцев и один день.

— Не может быть!— воскликнула Алиса.— Я этому поверить не могу!

— Не можешь?— повторила Королева с жалостью.— Попробуй еще раз вздохни поглубже и закрой глаза.

Алиса рассмеялась.

— Это не поможет!— сказала она.— Нельзя поверить в невозможное.

— Просто у тебя мало опыта,— заметила Королева.— В твоём возрасте я уделяла этому полчаса каждый день. В иные дни я успевала поверить в десяток невозможностей до завтрака. Ах, опять моя шаль куда-то летит!

Брошь снова откололась, и внезапный порыв ветра сорвал шаль с плеч Королевы и понес ее за ручеек. Королева распростерла руки и понеслась за шалью. На этот раз она поймала ее сама.

— Попалась!— закричала она, торжествуя.— Смотри, на этот раз я заколю ее сама, без посторонней помощи.

— Значит, палец у вас больше не болит?— спросила вежливо Алиса и вслед за Королевой перешла ручеек.

Но из этой затеи ничего не вышло: вещичка преспокойно вылетела себе сквозь потолок! Можно было подумать, будто она всю жизнь этим и занималась.

— Скажи на милость: ты девочка или юла?— спросила Овца и взяла еще одну пару спиц.— Ты так вертишься, что у меня голова кружится.

В руках она сейчас держала четырнадцать пар спиц и вязала на всех одновременно. Алиса смотрела на нее с величайшим удивлением.

— Как это у нее получается?— недоумевала Алиса.— С каждой минутой она все больше становится похожа на дикумбра.

— Грести умеешь?— спросила Овца и подала Алисе пару спиц.

— Немножко... Но только не на земле и... не спицами, конечно...— начала Алиса.

В ту же минуту спицы у нее в руках превратились в весла. Она увидела, что сидит в лодочке, а лодочка скользит по реке меж берегов. Пришлось Алисе взяться за весла.

— Не зарывай!— крикнула Овца и прихватила еще одну пару спиц.

Вряд ли она ждала ответа, так что Алиса промолчала и налегла на весла. Вода в реке была какая-то странная: весла то и дело вязли в ней, и вытащить их было нелегко.

— Не зарывай! Не зарывай!— кричала Овца и брала все больше и больше спиц в руки.— Что это ты там ворон считаешь!

«А воронята какие славные!— подумала Алиса.— Как бы мне хотелось одного!»

— Ты что, не слышишь?— сказала сердито Овца и взяла еще целую связку спиц.— Я тебе говорю: не зарывай!

— Еще бы не слышать!— отвечала Алиса.— Вы только это и говорите! Да еще так громко к тому же. Скажите, а где же вороны?

— В небе, конечно! Где же им еще быть!— сказала Овца и воткнула несколько спиц себе в волосы (руки у нее уже были полны).— Не зарывай же, тебе говорю!

— Почему вы все время говорите: «Не зарывай»?— спросила наконец Алиса с досадой.— Что я *зарываю*? И *куда*?

— Ум ты свой зарыла! А куда — не знаю!

Алиса немного обиделась, и разговор на время заглох; лодка меж тем медленно скользила по воде, минуя то тихие заводи, поросшие водорослями (весла в них так вязли, что, казалось, вытащить их уже никогда не удастся), то деревья, склонившие ветки до самой воды. Крутые берега хмуро смотрели на них с обеих сторон.

— Взгляните! — вдруг в восторге закричала Алиса. — Душистые кувшинки! До чего красивые! Прошу вас...

— И не проси, — сказала Овца, не поднимая глаз от вязания. — Я их туда не сажала и вырывать их оттуда не собираюсь. Меня просить не о чем.

— Ах, нет, прошу вас, давайте нарвем кувшинок, — сказала Алиса. — Остановите, пожалуйста, лодку!

— Почему это я должна ее останавливать? — спросила Овца. — Не греби — она и остановится.

Алиса подняла весла — лодка замедлила свой бег, и скоро течение тихонько поднесло ее к кувшинкам. Алиса осторожно засушила рукава и, погрузив руки по локти в воду, стала рвать кувшинки, стараясь, чтобы стебли были подлиннее. Волосы ее спутались и упали концами в воду, глаза жадно блестели; забыв и о вязании и об Овце, она склонилась над бортом лодки и рвала прелестные кувшинки.

«Только бы лодка не перевернулась, — думала она. — Ой, какая красивая! Как бы мне до нее дотянуться!»

Обиднее всего было то, что хотя ей и удалось сорвать несколько крупных кувшинок, до самых красивых дотянуться она не смогла. («Можно подумать, что это они нарочно», — подумалось Алисе.)

— До самого красивого никогда не дотянешься, — сказала наконец Алиса со вздохом досады и выпрямилась.

Щеки у нее покраснелись, с волос и рук ручьями текла вода. Она уселась на место и принялась разбирать цветы.

Что ей было до того, что они вяли на глазах, теряя свою свежесть и красоту? Даже настоящие кувшинки держатся очень недолго, ну, а эти таяли как во сне. Но Алиса этого не замечала — вокруг творилось столько всего необычного!

Не успели они отплыть немного, как одно весло завязло в воде и ни за что не желало вылезать (так рассказывала об этом потом Алиса); оно ударило Алису ручкой под подбородок и, как она ни кричала, скинуло ее на дно лодки, прямо на грудку цветов, лежащую там.

Как ни странно, Алиса совсем не ушиблась и тут же поднялась

на ноги. Овца же все это время стучала спицами как ни в чем не бывало.

Алиса села на свое место, радуясь, что не упала за борт.
— Ну и ворона! — сказала Овца.

— Где? — спросила Алиса, оглядываясь. — Я не видала! Как жалко! Мне бы так хотелось привезти домой маленького вороненочка!

Овца в ответ только презрительно рассмеялась, не отрываясь от вязания.

— А много здесь ворон? — спросила Алиса.

— Ворон и всякого другого товара, — отвечала Овца. — Выбор богатый, только решишь! Так что ты хочешь купить?

— Купить? — повторила Алиса с недоумением и испугом.

Весла, река и лодочка исчезли в мгновение ока, и она снова оказалась в темной лавочке.

— Я бы хотела купить яйцо, если можно, — робко сказала она наконец. — Почему они у вас?

— За одно — пять пенсов с фарингом, а за два — два пенса, — объявила Овца.

— Значит, два яйца дешевле, чем одно? — удивилась Алиса, доставая кошелек.

— Только если купишь два, нужно оба съесть, — сказала Овца.

— Тогда дайте мне, пожалуйста, одно, — попросила Алиса и положила деньги на прилавок. Про себя же она подумала:

«Может, они несвежие, кто знает!»

Овца взяла деньги и спрятала их в коробку, а потом сказала:

— Я никому ничего не даю в руки. Это бесполезно: тебе нужно, ты и бери!

С этими словами она прошла в дальний конец лавки и поставила на полку яйцо — острым концом вверх!

«Интересно, почему это бесполезно? — размышляла Алиса, пробираясь на ощупь между столами и стульями. В дальнем конце лавки было очень темно. — Что это? Чем ближе я подхожу к яйцу, тем дальше оно уходит от меня! А это что такое — стул? Почему же у него тогда ветки? Откуда здесь деревья? А вот ручеек! В жизни не видела такой странной лавки!»

Так размышляла Алиса, с каждым шагом удивляясь все больше и больше. Стоило ей подойти поближе, как все вокруг превращалось в деревья, и она уже думала, что и яйцо последует общему примеру.

ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ

Яйцо, однако, все росло и росло, в облике его постепенно стало появляться что-то человеческое. Подойдя поближе, Алиса увидела, что у него есть глаза, нос и рот, а сделав еще несколько шагов, поняла, что это Шалтай-Болтай собственной персоной.

— Ну, конечно, это он — и никто другой! — сказала она про себя. — Мне это так же ясно, как если бы имя было написано у него на лбу!

Лоб этот был такой огромный, что имя уместилось бы на нем раз сто, не меньше.

Шалтай-Болтай сидел, скрестив по-турецки ноги, на стене, такой тонкой, что Алиса только диву давалась, как это он не падает; и так как глаза его были неподвижно устремлены в противоположном направлении и он не обращал на нее ни малейшего внимания, она решила, что это просто-напросто чучело.

— А как похож на яйцо! — произнесла она вслух и подставила руки, чтобы поймать его, если он свалится со стены.

— До чего мне это надоело! — сказал вдруг после долгого молчания Шалтай-Болтай, не глядя на Алису. — Все зовут меня яйцом, ну просто все до единого!

— Я только сказала, что вы похожи на яйцо, сэр, — мягко пояснила Алиса. — К тому же некоторые яйца очень хороши собой.

Ей хотелось сказать ему что-нибудь приятное, чтобы смягчить невольную обиду.

— А некоторые дети очень умны, — сказал Шалтай, все так же глядя в сторону, — совсем как грудные младенцы.

Алиса не знала, что отвечать; беседа не клеилась, к тому же какая это беседа, если он на нее ни разу и не взглянул? Последнюю фразу он произнес, обращаясь, по всей видимости, к дереву. Алиса стояла и тихонько повторяла про себя:

Шалтай-Болтай сидел на стене.

Шалтай-Болтай свалился во сне.

Вся королевская конница, вся королевская рать

Не может Шалтая,

Не может Болтая,

Шалтая-Болтая,

Болтая-Шалтая,

Шалтая-Болтая собрать!

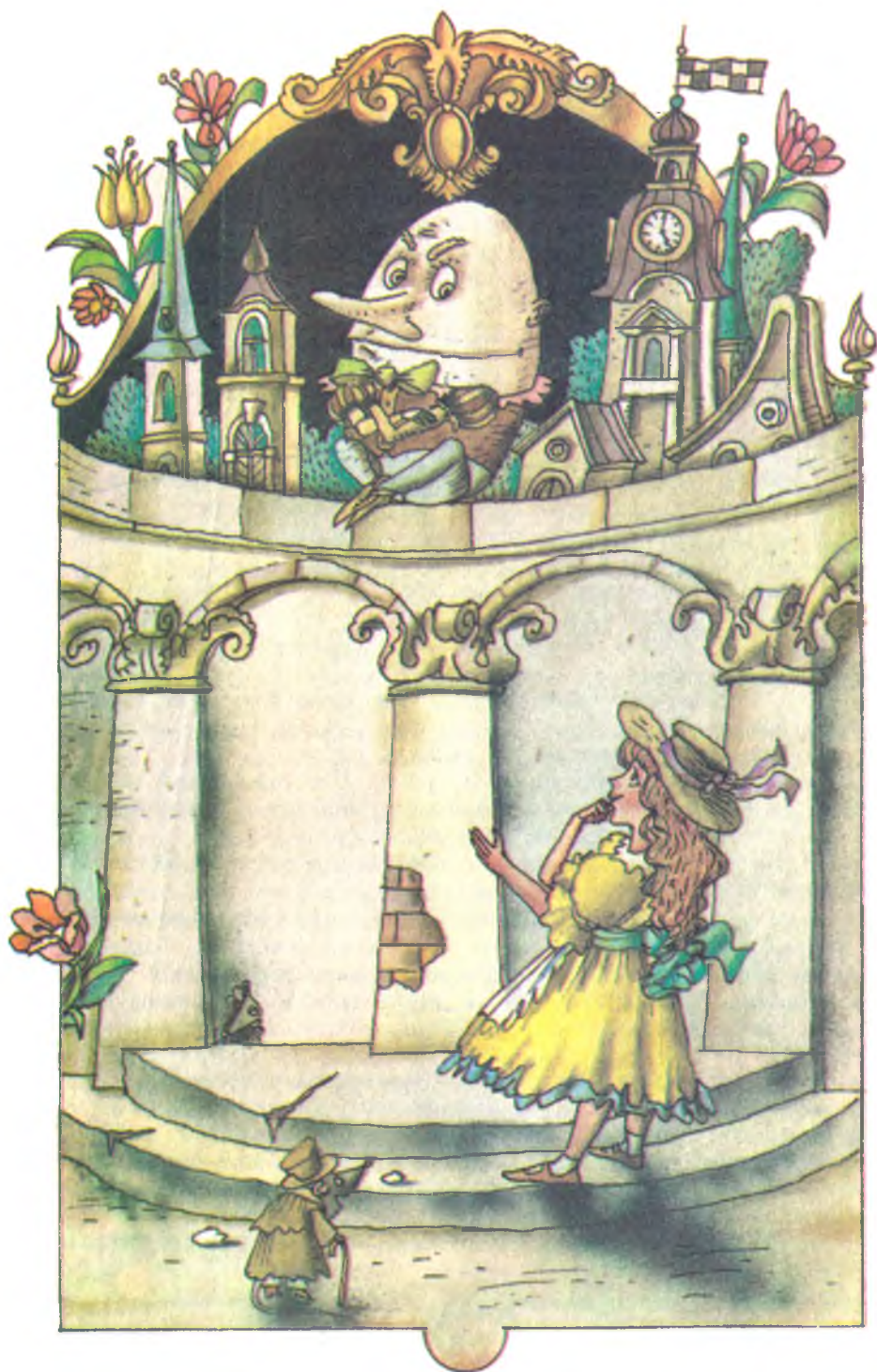
— Зачем повторять одно и то же столько раз! — сказала она чуть ли не в полный голос, совсем забыв, что Шалтай может ее услышать. — И так все ясно!

— Что это ты там бормочешь? — спросил Шалтай, впервые прямо взглянув на нее. — Скажи-ка мне лучше, как тебя зовут и зачем ты сюда явилась?

— Меня зовут Алиса, а...

— Какое глупое имя, — нетерпеливо прервал ее Шалтай-Болтай. — Что оно значит?

— Разве имя должно что-то значить? — проговорила Алиса с сомнением.

— Конечно, должно,— ответил Шалтай-Болтай и фыркнул.— Возьмем, к примеру, мое имя, оно выражает мою суть! Замечательную и чудесную суть! А с таким именем, как у тебя, ты можешь оказаться чем угодно... Ну, просто чем угодно!

— А почему вы здесь сидите совсем один?— спросила Алиса, не желая вступать с ним в спор.

— Потому, что со мной здесь никого нет!— крикнул в ответ Шалтай-Болтай.— Ты думала, я не знаю, как ответить? Загадай мне еще что-нибудь!

— А вам не кажется, что внизу вам будет спокойнее?— снова спросила Алиса. Она совсем не собиралась загадывать Шалтаю загадки, просто она волновалась за этого чудака.— Стена ужасно тонкая!

— Ужасно легкие загадки ты загадываешь!— проворчал Шалтай.— К чему мне падать? Но даже если б я упал — что совершенно исключается,— но даже если б это вдруг случилось...

Тут он поджал губы с таким величественным и важным видом, что Алиса с трудом удержалась от смеха.

— Если я все-таки упаду,— продолжал Шалтай,— Король обещал мне... Ты, я вижу, побледнела. Не мудрено! Этого ты не ожидала, да? Король обещал мне... Да, он так мне прямо и сказал, что он...

— ...Пошлет всю свою конницу, всю свою рать!— не выдержала Алиса.

Лучше бы она этого не говорила.

— Ну, уж это слишком!— закричал Шалтай-Болтай сердито.— Ты подслушивала под дверь... за деревом... в печной трубе... А не то откуда бы тебе об этом знать!

— Нет, я не подслушивала,— возразила Алиса.— Я узнала об этом из книжки.

— А-а, ну в книжке про это могли написать,— смягчился Шалтай.— Это, можно сказать, «История Англии»! Так, кажется, вы ее называете? Смотри же на меня хорошенько! Это я разговаривал с Королем. Я — и никто другой! Кто знает, увидишь ли ты другого такого! Можешь пожать мне руку — я не гордый!

И он ухмыльнулся во весь рот, подался вперед (так что чуть не упал со стены) и протянул Алисе руку. Алиса пожала ее, с тревогой глядя на Шалтая.

«Стоит ему улыбнуться пошире,— подумала она,— как уголки его рта сойдутся на затылке. Не знаю, что тогда будет с его головой... Она тогда просто отлетит!»

— Да-да! — говорил меж тем Шалтай-Болтай.— Вся королев-

ская конница, вся королевская рать кинется ко мне на помощь. Они меня живо соберут, можешь не сомневаться! Впрочем, мы слишком далеко зашли в нашей беседе. Давай вернемся к предпоследнему замечанию...

— К сожалению, я не очень хорошо его помню, — сказала Алиса вежливо.

— В таком случае начнем все сначала, — отвечал Шалтай-Болтай. — Теперь моя очередь спрашивать. («Можно подумать, что мы играем в такую игру!» — подумала Алиса.) — Вот тебе вопрос. Как ты сказала, сколько тебе лет?

Алиса быстро посчитала в уме и ответила:

— Семь лет и шесть месяцев!

— А вот и ошиблась! — закричал торжествующе Шалтай. — Ты ведь мне об этом ни слова *не сказала!*

— Я думала, вы хотели спросить, сколько мне лет?

— Если б я хотел, я бы так и спросил, — сказал Шалтай.

Алиса решила не затевать новый спор и промолчала.

— Семь лет и шесть месяцев, — повторил задумчиво Шалтай. — Какой неудобный возраст! Посоветуйся ты со мной, я бы тебе сказал: «Остановись на семи!» Но сейчас уже поздно.

— Я никогда ни с кем не советуюсь, расти мне или нет! — возмущенно сказала Алиса.

— Что, гордость не позволяет? — поинтересовался Шалтай.

— Ведь это от меня не зависит, — еще больше возмутилась Алиса. — Все растут. Не могу же я одна не расти.

— Одна, возможно, и не можешь, — сказал Шалтай. — Но вдвоем уже гораздо проще. Позвала бы кого-нибудь на помощь — и прикончила б все это дело к семи годам!

— Какой у вас красивый пояс! — заметила вдруг Алиса. (Достаточно уже они поговорили о возрасте, и если они и вправду по очереди выбирали темы для беседы, то теперь был ее черед.)

— Нет, не пояс, а галстук! — тут же поправились она. — Ведь это, конечно, галстук... Или нет... Я, кажется, опять ошиблась. Это пояс!

Шалтай-Болтай нахмурился.

— Пожалуйста, простите!

Вид у Шалтая был такой обиженный, что Алиса подумала: «Зачем только я заговорила про это!»

— Если б только я могла разобрать, где у него шея, а где талия, — сказала она про себя.

Судя по всему, Шалтай-Болтай очень рассердился. С минуту он молчал, а потом просипел глубоким басом:

— Как мне... надоели... все, кто не может отличить пояса от галстука!

— Я страшно необразованная, я знаю,— сказала Алиса с таким смирением, что Шалтай мгновенно смягчился.

— Это галстук, дитя мое. И очень красивый. Тут ты совершенно права. Подарок от Белого Короля и Королевы. Понятно?

— Неужели?— воскликнула Алиса, радуясь, что тема для разговора была все же выбрана удачно.

— Они подарили его мне,— продолжал задумчиво Шалтай-Болтай, закинув ногу за ногу и обхватывая колено руками,— они подарили его мне на день... на день *нерождения*.

— Простите? — переспросила Алиса, растерявшись.

— Я не обиделся,— отвечал Шалтай-Болтай.— Можешь не извиняться!

— Простите, но я не поняла: подарок на день *нерождения*? Что это такое?

— Подарок, который тебе дарят не на день рождения, конечно.

Алиса задумалась.

— Мне больше нравятся подарки на день рождения,— сказала она наконец.

— А вот и зря!— вскричал Шалтай-Болтай.— Сколько в году дней?

— Триста шестьдесят пять.

— А сколько у тебя дней рождения?

— Один.

— Триста шестьдесят пять минус один — сколько это будет?

— Триста шестьдесят четыре, конечно.

Шалтай-Болтай поглядел на Алису с недоверием.

— Ну-ка, посчитай на бумажке,— сказал он.

Алиса улыбнулась, вынула из кармана записную книжку и написала:

$$\begin{array}{r} - 365 \\ \underline{ 1} \\ 364 \end{array}$$

Шалтай-Болтай взял книжку и уставился в нее.

— Кажется, здесь нет ошиб...— начал он.

— Вы ее держите вверх ногами,— прервала его Алиса.

— Ну, конечно,— весело заметил Шалтай-Болтай и взял перевернутую Алисой книжку.— То-то я смотрю, как странно все это выглядит! Поэтому я и сказал: «Кажется, здесь нет ошибки!», хоть я и не успел разобраться как следует... Значит, так: триста

шестьдесят четыре раза в году ты можешь получать подарки на день нерождения...

— Совершенно верно,— сказала Алиса.

— И только один раз на день рождения! Вот тебе и *слава*!

— Я не понимаю, при чем здесь «слава»?— спросила Алиса.

Шалтай-Болтай презрительно улыбнулся.

— И не поймешь, пока я тебе не объясню,— ответил он.— Я хотел сказать: «Разъяснил, как по полкам разложил!»

— Но «слава» совсем не значит: «Разъяснил, как по полкам разложил!»— возразила Алиса.

— Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше,— сказал Шалтай презрительно.

— Вопрос в том, подчинится ли оно вам,— сказала Алиса.

— Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин,— сказал Шалтай-Болтай.— Вот в чем вопрос!

Алиса вконец растерялась и не знала, что и сказать; помолчав минуту, Шалтай-Болтай заговорил снова:

— Некоторые слова очень вредные. Ни за что не поддаются! Особенно глаголы. Гонору в них слишком много. Прилагательные попроще, с ними делай, что хочешь. Но глаголы себе на уме. Впрочем, я с ними со всеми справляюсь. *Световодозвуконепроницаемость!* Вот что я говорю!

— Скажите, пожалуйста, что это такое? — спросила Алиса.

— Вот теперь ты говоришь дело, дитя,— ответил Шалтай, так и сияя от радости.— Я хотел сказать: «Хватит об этом! Скажи-ка мне лучше, что ты будешь делать дальше? Ты ведь не собираешься всю жизнь здесь сидеть?»

— И все это в одном слове?— сказала задумчиво Алиса.— Не слишком ли это много для одного!

— Когда одному слову так достается, я всегда плачу ему сверхурочные,— сказал Шалтай-Болтай.

— Ах вот как,— заметила Алиса.

Она совсем запуталась и не знала, что и сказать.

— Посмотрела бы ты, как они окружают меня по субботам,— продолжал Шалтай, значительно покачивая головой.— Я всегда сам выдаю им жалованье.

(Алиса не решилась спросить, чем он им платит, поэтому и я ничего не могу об этом сказать.)

— Вы так хорошо объясняете слова, сэр,— сказала Алиса.— Объясните мне, пожалуйста, что значит стихотворение под названием «Бармаглот».

— Прочитай-ка его,— ответил Шалтай.— Я могу тебе объяснить все стихи, какие только были придуманы, и кое-что из тех, которые еще только будут.

Это обнадежило Алису, и она начала:

Варкалось. Хливкие шорьки
Пырялись по наве,
И хрюкотали зелюки,
Как мюмзики в мове.

— Что ж, хватит для начала! — остановил ее Шалтай. — Здесь трудных слов достаточно! Значит, так: «варкалось» — это четыре часа пополудни, когда пора уже варить обед.

— Понятно, — сказала Алиса, — а «хливкие»?

— «Хливкие» — это хлипкие и ловкие. А «хлипкие» значит «хилые». Понимаешь, это как бумажник. Раскроешь, а там два отделения. Так и тут — это слово раскладывается на два.

— Да, теперь мне ясно, — заметила задумчиво Алиса. — А «шорьки» кто такие?

— Это помесь барсука, ящерицы и штопора.

— Забавный, должно быть, у них вид.

— Да, с ними не соскучишься! — согласился Шалтай. — Гнезда они выют в тени солнечных часов. А едят они сыр.

— А что такое «пырялись»?

— Прыгали, ныряли, вертелись.

— А «нава», — сказала Алиса, удивляясь собственной сообразительности, — это трава под солнечными часами, верно?

— Ну да, конечно! Она называется «нава», потому что простирается немножко направо... немножко налево...

— И немножко назад! — радостно закончила Алиса.

— Совершенно верно. Ну, а «хрюкотали» это хрюкали и хохотали... или, может, летали, не знаю. А «зелюки» — это зеленые индюки. Вот тебе еще один бумажник!

— А «мюмзики» — это тоже такие зверьки? — спросила Алиса. — Боюсь, я вас очень затрудняю.

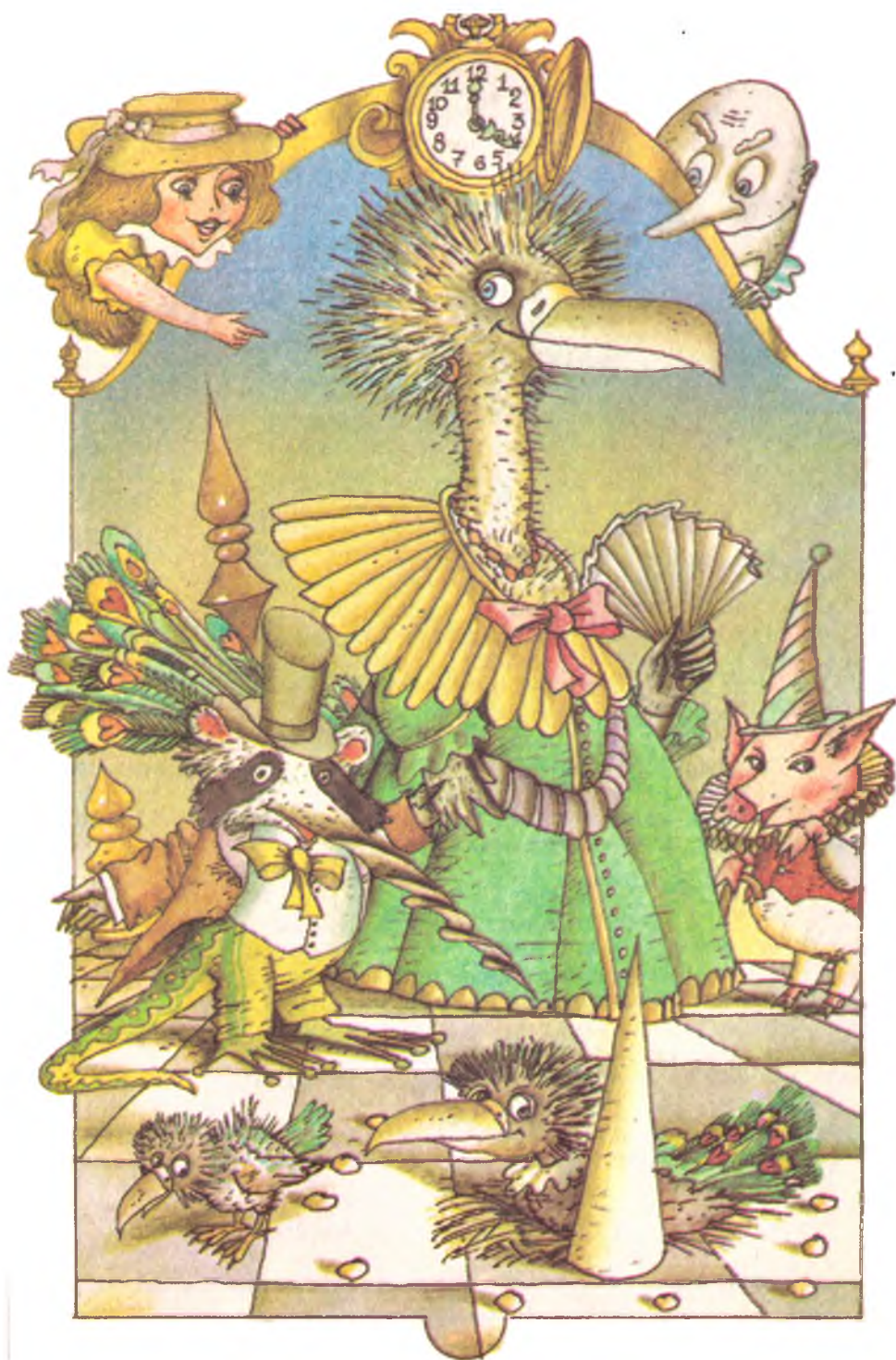
— Нет, это птицы. Бедные! Перья у них растрепаны и торчат во все стороны, будто веник... Ну, а насчет «мовы» я и сам сомневаюсь. По-моему, это значит «далеко от дома». Смысл тот, что они потерялись. Надеюсь, ты теперь довольна? Где ты слышала такие мудреные вещи?

— Я прочитала их в книжке, — ответила Алиса. — А вот Траляля... да, кажется, Траляля читал мне стихи, так они были гораздо понятнее.

— Что до стихов, — сказал Шалтай и торжественно поднял руку, — я тоже их читаю не хуже других. Если уж на то пошло...

— Ах нет, пожалуйста, не надо, — торопливо сказала Алиса. Но он не обратил на ее слова никакого внимания.

— Произведение, которое я сейчас прочитаю, — произнес

он,— было написано специально для того, чтобы тебя развлечь.

Алиса поняла, что придется ей его выслушать. Она села и грустно сказала:

— Спасибо.

Зимой, когда белы поля,
Пою, соседей веселя.

— Это так только говорится,— объяснил Шалтай.— Конечно, я совсем не пою.

— Я вижу,— сказала Алиса.

— Если ты *видишь*, пою я или нет, значит, у тебя очень острое зрение,— ответил Шалтай.

Алиса промолчала.

Весной, когда растет трава,
Мои припомните слова.

— Постараюсь,— сказала Алиса.

А летом ночь короче дня,
И, может, ты поймешь меня.

Глубокой осенью в тиши
Возьми перо и запиши.

— Хорошо,— сказала Алиса.— Если только я к тому времени их не позабуду.

— А ты не можешь помолчать?— спросил Шалтай.— Несешь ерунду — только меня сбиваешь.

В записке к рыбам как-то раз
Я объявил: «Вот мой приказ».

И вскоре (через десять лет)
Я получил от них ответ.

Вот что они писали мне:
«Мы были б рады, но мы не...»

— Боюсь, я не совсем понимаю,— сказала Алиса.

— Дальше будет легче,— ответил Шалтай-Болтай.—

Я им послал письмо опять:
«Я вас прошу не возражать!»

Они ответили: «Но, сэр!
У вас, как видно, нет манер!»
Сказал им раз, сказал им два —
Напрасны были все слова.
Я больше вытерпеть не мог.
И вот достал я котелок...

(А сердце — бух, а сердце — стук)
Налил воды, нарезал лук...

Тут Некто из Чужой Земли
Сказал мне: «Рыбки спать легли».

Я отвечал: «Тогда пойдя
И этих рыбок разбуди».

Я очень громко говорил,
Кричал я из последних сил!

Шалтай-Болтай прокричал последнюю строчку так громко,
что Алиса подумала: «Не завидую я этому чужестранцу!»

Но он был горд и был упрям,
И он сказал: «Какой бедлам!»

Он был упрям и очень горд,
И он воскликнул: «Что за черт!»

Я штопор взял и ватерпас,
Сказал я: «Обойдусь без вас!»

Я волновался неспроста —
Дверь оказалась заперта.

Стучал я в дверь, стучал в окно
И достучался бы я, но...

Наступило долгое молчание.

— И это все? — спросила робко Алиса.

— Да, — сказал Шалтай-Болтай. — Прощай!

Этого Алиса не ожидала, но после такого прозрачного намека оставаться было бы невежливо. Она встала и протянула Шалтаю руку.

— До свидания, — сказала она, стараясь, чтобы голос ее звучал бодро. — Надеюсь, мы еще встретимся.

— Даже если встретимся, я тебя все равно не узнаю, — недовольно проворчал Шалтай и подал ей один палец. — Ты так похожа на всех людей!

— Обычно людей различают по лицам, — заметила задумчиво Алиса.

— Вот я и говорю, — сказал Шалтай-Болтай. — Все на одно лицо: два глаза... (и он дважды ткнул большим пальцем в воздухе) ...в середине — нос, а под ним — рот. У всех всегда одно и то же. Вот если бы у тебя оба глаза были на одной стороне, а рот на лбу, тогда я, возможно, тебя бы запомнил.

— Но это было бы так некрасиво! — возразила Алиса.

В ответ Шалтай-Болтай только закрыл глаза и сказал:

— Попробуй — увидишь!

Алиса немножко подождала, не скажет ли он еще что-нибудь, но он не открывал глаз и вел себя так, словно ее здесь не было.

— До свидания, — сказала она снова и, не получив ответа, тихонько пошла прочь.

Она шла и шептала:

— В жизни не встречала такого препротивнейшего...

Она остановилась и громко повторила это слово — оно было такое длинное, что произносить его было необычайно приятно.

— В жизни не встречала такого препротивнейшего...

Но ей не суждено было закончить эту фразу: страшный грохот прокатился по лесу.

ЛЕВ И ЕДИНОРОГ

В тот же миг по лесу побежала королевская рать — солдаты бежали сначала по двое и по трое, потом десятками и сотнями и наконец огромными толпами, так что, казалось, весь лес наполнился ими; Алиса испугалась, как бы ее не затоптали, и, спрятавшись за дерево, смотрела на них.

Никогда в жизни ей не доводилось видеть солдат, которые бы так плохо держались на ногах; они то и дело спотыкались и падали, а стоило одному из них упасть, как на него тут же валялся еще десяток, так что вскоре по всему лесу солдаты валялись грудами.

За солдатами появилась королевская конница. У коней все же было по четыре ноги, но и они порой спотыкались, и если уж конь спотыкался, всадник (такое уж, видно, тут было правило) тут же летел на землю. В лесу началась такая кутерьма, что Алиса рада была выбраться на полянку, где она увидела Белого Короля, — он сидел на земле и что-то торопливо писал в записной книжке.

— Я послал всю королевскую конницу и всю королевскую рать! — воскликнул Король радостно, завидев Алису. — Ты шла лесом, милая? Ты их, наверное, видела?

— Да, видела, — сказала Алиса. — Как тут не увидеть? Их там целые тысячи!

— Точнее, четыре тысячи двести семь человек, — сказал Король, заглянув в записную книжку. — Я оставил себе только двух коней — они мне нужны для игры. И двух гонцов я тоже не послал — они в городе. Я жду их с минуты на минуту. Взгляни-ка на дорогу. Кого ты там видишь?

— Никого, — сказала Алиса.

— Мне бы такое зрение, — заметил Король с завистью. — Увидеть Никого! Да еще на таком расстоянии! А я против солнца и настоящих-то людей с трудом различаю.

Но Алиса его не слушала: она не отрываясь смотрела из-под руки на дорогу.

— Там кто-то идет,— сказала она наконец.— Только очень медленно. И как-то странно.

(Гонец прыгал то на одной ножке, то на другой, а то извивался ужом, раскинув руки, как крылья.)

— А-а!— сказал Король.— Это Англосаксонский Гонец со своими англосаксонскими штучками. Он всегда так, когда думает о чем-нибудь веселом. А зовут его Зай Атс.

— «Мою любовь зовут на З»,— быстро начала Алиса.— Я его люблю, потому что он Задумчивый. Я его боюсь, потому что он Задира. Я его кормлю... Запеканками и Занозами. А живет он...

— Здесь,— сказал Король, и не помышляя об игре: пока Алиса искала город на З, он в простоте душевной закончил ее фразу.

— А второго гонца зовут Болванс Чик,— прибавил Король.— У меня их два: один бежит туда, а другой — оттуда.

— Прошу вас...— начала Алиса.

— Не попрошайничай,— сказал Король строго.— Порядочные люди этого не делают!

— Я просто хотела сказать: «Прошу вас, объясните мне это, пожалуйста». Как это: один бежит туда, а другой — оттуда? Я не понимаю...

— Но я же тебе говорю: у меня их два!— отвечал Король нетерпеливо.— Один на посылках, а другой — на побегушках. Один живет, а другой хлеб жует!

В эту минуту к ним подбежал Гонец; он так запыхался, что не мог произнести ни слова, только махал руками и строил бедному Королю рожи.

— Эта молодая особа любит тебя, потому что ты задумчивый,— сказал Король, представляя Алису. Он надеялся отвлечь внимание Гонца, но тщетно — Англосаксонский Гонец не бросил своих штучек, а только бешено завращал глазами и принялся выкидывать одно коленце чуднее другого.

— Ты меня пугаешь!— сказал Король.— Мне дурно... Дай мне запеканки!

К величайшему восторгу Алисы Гонец тут же открыл сумку, висевшую у него через плечо, вынул запеканку и подал Королю, который с жадностью ее проглотил.

— Еще!— потребовал Король.

— Больше не осталось — одни занозы,— ответил Гонец, взглянув в сумку.

— Давай занозы,— прошептал Король, закатывая глаза.

Занозы Королю явно помогли, и Алиса вздохнула с облегчением.

— Когда тебе дурно, всегда ешь занозы,— сказал Король,

усиленно работая челюстями.— Другого такого средства не сыщешь.

— Правда?— удивилась Алиса.— Можно ведь брызнуть холодной водой или дать понюхать нашатыря. Это лучше, чем занозы!

— Знаю, знаю,— отвечал Король.— Но я ведь сказал: «Другого такого средства не сыщешь!» Другого, а не *лучше*!

Алиса не решилась ему возразить.

— Кого ты встретил по дороге?— спросил Король Гонца, протягивая руку за второй порцией заноз.

— Никого,— отвечал Гонец.

— Слышал, слышал,— сказал Король.— Эта молодая особа тоже его видела. Он, значит, не так быстро бежит, как ты?

— Я стараюсь, как могу,— отвечал угрюмо Гонец.— Никто меня не обгонит!

— Конечно, не обгонит,— подтвердил Король.— Иначе он пришел бы сюда первым! Что ж, ты теперь отдышался, скажи-ка, что слышно в городе?

— Лучше я шепну вам на ухо,— сказал Гонец и, поднеся руки трубкой ко рту, нагнулся к Королю. Алиса огорчилась — ей тоже хотелось знать, что происходит в городе. Но Гонец гаркнул Королю прямо в ухо:

— Они опять взялись за свое!

— Это, по-твоему, шепот?— вскричал бедный Король, подскокив на месте и передергивая плечами.— Не смей больше так кричать! А не то живо велю тебя поджарить на сливочном масле! У меня в голове все гудит, словно там землетрясение.

«Маленькое такое землетрясеньице»,— подумала про себя Алиса. Вслух же она спросила:

— Кто взялся за свое?

— Как — кто? Единорог и Лев, конечно,— отвечал Король.

— Смертный бой за корону?— спросила Алиса.

— Ну, конечно,— сказал Король.— Смешнее всего то, что они бьются за мою корону! Побежим, посмотрим?

И они побежали. На бегу Алиса твердила про себя слова старой песенки:

Вел за корону смертный бой со Львом Единорог.

Гонял Единорога Лев вдоль городских дорог.

Кто подавал им черный хлеб, а кто давал пирог,

А после их под барабан прогнали за порог.

— Кто... победит... получит... корону?— спросила Алиса, тяжело дыша.

— Ну нет! — сказал Король. — Что это тебе в голову пришло?

— Будьте так добры... — проговорила, задыхаясь, Алиса. — Давайте сядем на минутку... чтоб отдышаться немного.

— Сядем на *Минутку*? — повторил Король. — И это ты называешь добротой? А если бы на тебя сели? Тебе бы это понравилось? К тому же Минутку надо сначала поймать. А мне это не под силу. Она пролетает быстро, как Брандашмыг. За ней не угонишься.

У Алисы от бега перехватило дыхание, она не могла в ответ ни слова сказать. Так они молча бежали дальше, пока не увидели наконец огромную толпу, окружившую Льва и Единорога, которые бились так, что пыль стояла столбом... Поначалу Алиса никак не могла разобрать, где Лев, а где Единорог, но наконец узнала Единорога по торчащему вперед рогу.

Они протиснулись вперед и стали рядом со вторым Гонцом, Болванс Чиком, который наблюдал бой, держа в одной руке чашку с чаем, а в другой — бутерброд.

— Его только что выпустили из тюрьмы, — шепнул Зай Атс Алисе. — А когда его взяли, он только что начал пить чай. В тюрьме же их кормили одними устричными ракушками. Вот почему он так голоден.

И, подойдя к Болванс Чику, он нежно обнял его за плечи.

— Как поживаешь, дитя? — спросил он.

Болванс Чик оглянувшись, кивнул и снова принялся жевать.

— Хорошо тебе было в тюрьме, дитя? — спросил Зай Атс.

Болванс Чик снова оглянулся: из глаз его упали две слезы, и опять он не сказал ни слова.

— Что ж ты молчишь? — нетерпеливо воскликнул Зай Атс.

Но Болванс Чик только откусил еще хлеба и запил его чаем.

— Что ж ты помалкиваешь? — нетерпеливо воскликнул Король. — Как тут они дерутся?

Болванс Чик сделал над собой отчаянное усилие и разом проглотил большой кусок хлеба с маслом.

— Очень хорошо,— отвечал он, давясь.— Вот уже около восьмидесяти семи раз каждый из них был сбит с ног.

— Значит, скоро им подадут черный хлеб и пирог?— спросила, осмелев, Алиса.

— Да, уже все готово,— отвечал Болванс Чик.— Я даже отрезал себе кусочек.

Тут бой прекратился, и Лев с Единорогом уселись, тяжело дыша, на землю.

— Перерыв — десять минут!— закричал Король.— Всем подкрепиться!

Гонцы вскочили на ноги и обнесли всех хлебом. Алиса взяла кусочек на пробу, но он был очень сухой.

— Вряд ли они будут сегодня еще драться,— сказал Король Болванс Чик.— Поди, вели барабанщикам начинать!

Болванс Чик кинулся исполнять приказание.

Алиса молча смотрела ему вслед. Вдруг она оживилась.

— Смотрите! Смотрите!— закричала она.— Вон Белая Королева! Выскочила из лесу и бежит через поле! Как эти Королевы носятся!

— Ей, видно, кто-то угрожает,— проговорил Король, не поднимая глаз.— Какой-нибудь враг! Тот лес ими так и кишит!

— Разве вы не поспешите ей на помощь?— спросила Алиса, не понимая, почему он так спокоен.

— Ни к чему! Ни к чему!— сказал Король.— Она так бежит, что ее не догонишь. Все равно что пытаться поймать Брандашмыга. Но если хочешь, я сделаю о ней запись...

Он открыл книжку и начал писать.

— «Она — такое милое и доброе существо»,— произнес он вполголоса и взглянул на Алису.— Как писать «существо» — через «е» или «и»?

Мимо, сунув руки в карманы, прошествовал Единорог.

— Сегодня я взял верх,— бросил он небрежно, едва взглянув на Короля.

— Слегка,— нервно отвечал Король.— Только зачем вы проткнули его насквозь?

— Боли он не испытал,— сказал Единорог спокойно.

И пошел было мимо. Но тут взгляд его упал на Алису. Он круто повернулся и начал разглядывать ее с глубочайшим отвращением.

— Это... что... такое?— спросил он наконец.

— Это детеныш,— с готовностью ответил Зай Атс. Он подошел к Алисе и, представляя ее, широко повел обеими руками, приняв одну из англосаксонских поз.— Мы только сегодня ее нашли! Это самый настоящий живой детеныш, живет некуда!

— А я-то всегда был уверен, что дети — просто сказочные чудища,— заметил Единорог.— Как ты сказал? Она живая?

— Она говорящая,— торжественно отвечал Зай Атс.

Единорог задумчиво посмотрел на Алису и проговорил:

— Говори, детеныш!

Губы у Алисы дрогнули в улыбке, и она сказала:

— А знаете, я всегда была уверена, что единороги — просто сказочные чудища. Я никогда не видела живого единорога.

— Что ж, теперь, когда мы увидели друг друга,— сказал Единорог,— можем договориться: если ты будешь верить в меня, я буду верить в тебя. Идет?

— Да, если вам угодно,— отвечала Алиса.

— Подавай-ка пироги, старина,— продолжал Единорог, поворачиваясь к Королю.— Черный хлеб я в рот не беру!

— Сейчас, сейчас,— пробормотал Король и подал знак Болванс Чику.— Открой сумку, да поживее! — прошептал он.— Да не ту, там одни занозы!

Болванс Чик вынул из сумки огромный пирог и дал его Алисе подержать, пока доставал еще блюдо и большой хлебный нож. Как там столько уместилось, Алиса понять не могла. Все это было похоже на фокус в цирке. В это время к ним подошел Лев — вид у него был усталый и сонный.

— А это что такое? — моргая, спросил он голосом глухим и глубоким, словно колокол.

— Попробуй отгадай! — воскликнул радостно Единорог.— Ни за что не отгадаешь. Я и то не смог.

Лев устало посмотрел на Алису.

— Ты кто? — спросил он, зевая после каждого слова.— Животное? Растение?. Минерал?..

Не успела Алиса и рта открыть, как Единорог закричал:

— Это сказочное чудище — вот это кто!

— Что ж, угости нас пирогом, Чудище,— сказал Лев и улегся на траву, положив подбородок на лапы.

И взглянув на Короля и Единорога, он прибавил:

— Да сядьте вы! Только смотрите мне — пирог делить по-честному!

Королю, видно, не очень-то хотелось сидеть между Единорогом и Львом, но делать было нечего: другого места для него не нашлось.

— А вот сейчас можно бы устроить великолепный бой за корону,— сказал Единорог, хитро поглядывая на Короля. Бедный Король так дрожал, что корона чуть не слетела у него с головы.

— Я бы легко одержал победу,— сказал Лев.

— Сомневаюсь,— заметил Единорог.

— Я ж тебя прогнал по всему городу, щенок,— разгневался Лев и приподнялся.

Ссора грозила разгореться, но тут вмешался Король. Он очень нераничив, и голос его дрожал от волнения.

— По всему городу? — переспросил он.— Это немало! Как вы гонялись — через старый мост или через рынок? Вид со старого моста не имеет себе равных...

— Не знаю,— проворчал Лев и снова улегся на траву.— Пыль стояла столбом — я ничего не видел. Что это Чудище так долго режет пирог?

Алиса сидела на берегу ручейка, поставив большое блюдо себе на колени, и прилежно водила ножом.

— Ничего не понимаю,— сказала она Льву (она уже почти привыкла к тому, что ее зовут Чудищем).— Я уже отрезала несколько кусков, а они опять срастаются!

— Ты не умеешь обращаться с Зазеркальными пирогами,— заметил Единорог.— Сначала раздай всем пирог, а потом разрежь его!

Конечно, это было бессмысленно, но Алиса послушно встала, обнесла всех пирогом, и он тут же разделился на три части.

— А теперь разрежь его,— сказал Лев, когда Алиса села на свое место с пустым блюдом в руках.

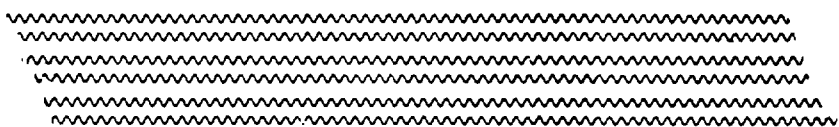
— Это нечестно! — закричал Единорог. (Алиса в растерянности смотрела на пустое блюдо, держа в руке нож.) — Чудище дало Льву кусок вдвое больше моего!

— Зато себе оно ничего не взяло,— сказал Лев.— Ты любишь пирог, Чудище?

Не успела Алиса ответить, как забили барабаны.

Она никак не могла понять, откуда раздается барабанная дробь, но воздух прямо дрожал от нее. Барабаны гремели все громче и громче и совсем оглушили Алису.

Она вскочила на ноги и в ужасе бросилась бежать, перепрыгнув через ручеек. Краем глаза она увидела, как Лев и Единорог

поднялись с места, разгневавшись, что их оторвали от еды, а потом упала на колени и зажала руками уши, тщетно стараясь приглушить этот отчаянный грохот.

«Если сейчас они не убегут из города,— подумала она,— тогда уж останутся тут навек!»

«ЭТО МОЕ СОБСТВЕННОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ!»

Немного спустя шум постепенно затих, и наступила такая мертвая тишина, что Алиса в тревоге подняла голову. Вокруг не было видно ни души. Уж не приснились ли ей и Лев, и Единорог, и странные Англосаксонские Гонцы? — подумала Алиса. Но на земле у ее ног все еще лежало огромное блюдо, на котором она пыталась разрезать пирог.

— Значит, все это мне не приснилось, — сказала про себя Алиса. — А, впрочем, может, все мы снимся кому-нибудь еще. Нет, пусть уж лучше это будет мой сон, а не сон Черного Короля.

Подумав, она жалобно продолжала:

— Не хочу я жить в чужом сне! Вот пойду и разбужу его! Посмотрим, что тогда будет!

В эту минуту мысли ее были прерваны громким криком:

— Эй, остановись! Шах тебе! Шах!

Она подняла глаза и увидела, что на нее во весь опор несется Черный Конь, на котором, размахивая огромной дубинкой, сидит закованный в черные латы Рыцарь. Доскакав до Алисы, Конь остановился.

— Ты моя пленница! — крикнул Рыцарь и свалился с коня.

Алиса попятилась; правда, она испугалась больше за него, чем за себя, и с волнением следила, как Рыцарь снова вскарабкался в седло. Усевшись поудобнее, он снова начал:

— Ты моя плен...

Но тут его прервал чей-то голос:

— Эй, остановись! Шах тебе! Шах!

Алиса удивленно оглянулась.

Это был Белый Рыцарь, сидящий на Белом Коне. Он подскакал к Алисе и тоже свалился на землю, а потом снова вскарабкался в седло.

Рыцари сидели на своих Конях и молча смотрели друг на друга. Алиса с недоумением переводила взгляд с одного на другого.

— Это я взял ее в плен! — сказал наконец Черный Рыцарь.

— Да, но потом явился я и спас ее! — ответил Белый Рыцарь.

— Что ж, в таком случае придется нам решить спор в честном поединке, — предложил Черный Рыцарь, снимая с руки шлем в форме конской головы и надевая его на голову.

— Биться будем по всем правилам, конечно? — спросил Белый Рыцарь и тоже надел шлем.

И они скрестили дубинки с такой силой, что Алиса в страхе спряталась за дерево.

«Интересно, — подумала она, робко выглядывая из своего убежища, — какие у них правила? Первое, по-моему, такое: если один Рыцарь ударит другого дубинкой, он сшибает его с лошади, а если промахнется — падает сам... А второе правило, должно быть, такое: дубинки надо держать обеими руками, как держат их Панч и Джуди, когда дерутся. Как эти Рыцари гремят, когда падают на землю! Можно подумать, будто дюжину каминных щипцов швыряют о каминную решетку. А Кони какие спокойные! Рыцари падают, залезают на них снова, а они и ухом не ведут».

Было еще одно правило, которого Алиса, видно, не заметила: когда Рыцари летели с коней, падали они всегда на голову. Этим и кончилась битва: оба Рыцаря ударились о землю головами и лежали немного рядышком. Потом они поднялись и пожали друг другу руки, Черный Рыцарь уселся в седло и ускорил.

— Блестящая победа, правда? — спросил, подъезжая к Алисе, Белый Рыцарь и перевел дыхание.

— Не знаю, — отвечала с сомнением Алиса. — Мне что-то не хочется, чтобы меня брали в плен. Я хочу быть Королевой.

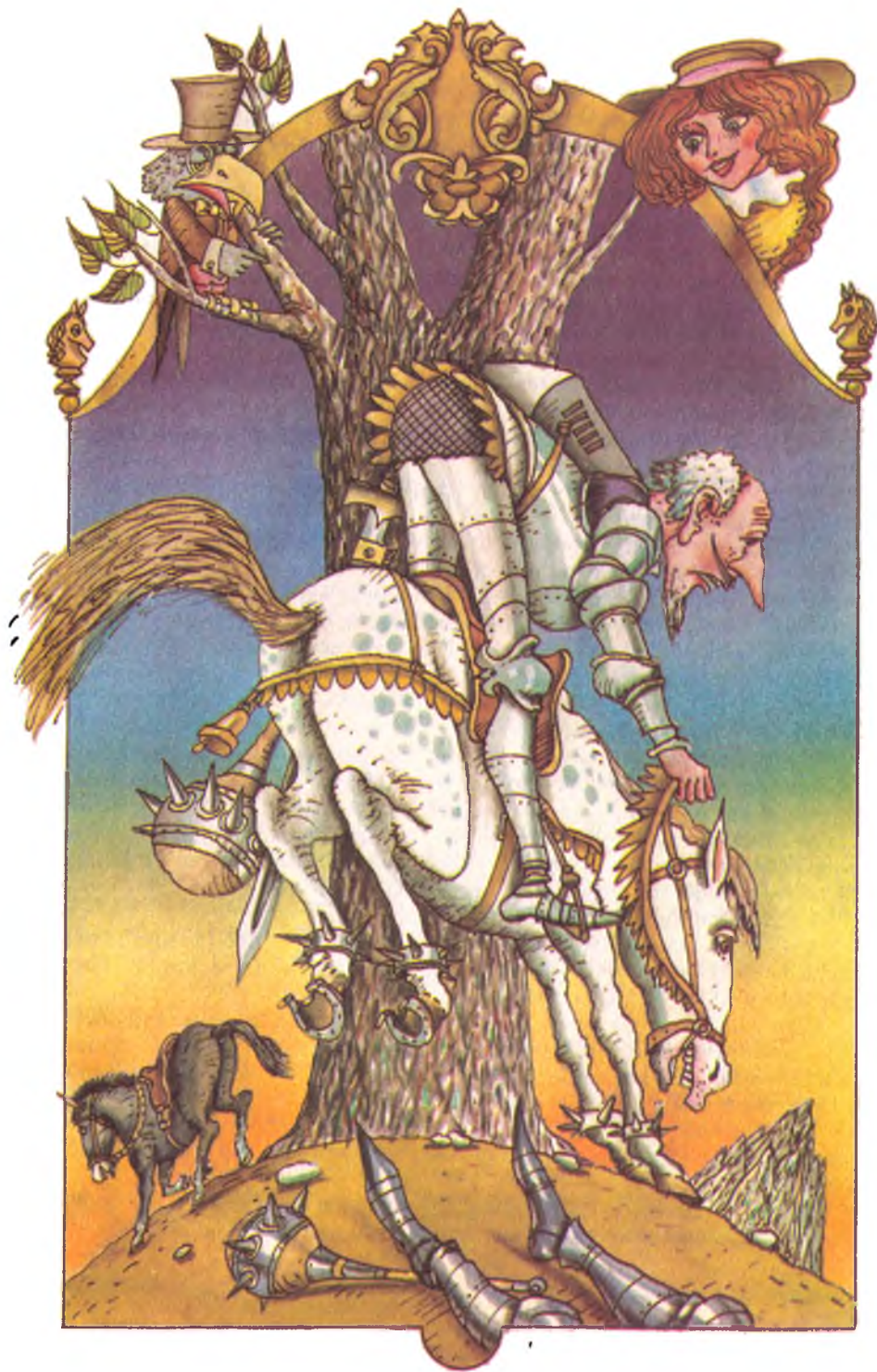
— Ты ею и будешь, когда перейдешь через следующий ручеек, — сказал Белый Рыцарь. — Я провожу тебя до опушки, а потом вернусь обратно — такой у меня ход!

— Большое спасибо, — сказала Алиса. — Помочь вам снять шлем?

Самому Рыцарю это, видно, было не под силу. С большим трудом Алиса встряхнула его наконец из шлема.

— Вот теперь можно вздохнуть свободнее, — сказал Рыцарь, пригладил обеими руками взлохмаченные волосы и повернулся к Алисе. У него было доброе лицо и большие кроткие глаза. Алиса подумала, что в жизни не видала такого странного воина.

На нем были жестяные латы — огромные, словно с чужого плеча, а на спине болтался вверх дном с откинутой крышкой необычной формы деревянный ящик для писем. Алиса разглядывала его с большим любопытством.

— Я вижу, тебе нравится мой ящик,— приветливо заметил Рыцарь.— Это мое собственное изобретение! У меня в нем одежда и бутерброды. Надеваю я его, как видишь, вверх дном, и дождь в него не попадает.

— Зато все остальное из него *выпадает!* — мягко сказала Алиса.— Вы знаете, что крышка у него открыта?

— Нет,— ответил Рыцарь, и тень досады скользнула по его лицу.— Значит, все мои вещи выпали! Тогда зачем он мне?

С этими словами он отстегнул ящик и размахнулся, чтобы бросить его в кусты, но тут, видно, в голову ему пришла какая-то мысль, и он осторожно повесил его на дерево.

— Догадываешься, зачем? — спросил он Алису.

Алиса покачала головой.

— А вдруг пчелы совьют там гнездо — тогда у меня будет мед!

— Но у вас на седле висит улей... или что-то вроде улья,— сказала Алиса.

— Да, это очень хороший улей,— недовольно согласился Рыцарь.— самого лучшего качества! Но пчелам он почему-то не нравится. У меня здесь есть еще и мышеловка. Видно, мыши отгоняют пчел. Или пчелы — мышей. Не знаю...

— А я как раз думала: зачем вам мышеловка,— сказала Алиса.— Трудно представить себе, что на Конях живут мыши...

— Трудно, но можно,— ответил Рыцарь.— А я бы не хотел, чтобы они по мне бегали.

— Видишь ли,— продолжал он, помолчав,— нужно быть готовым ко всему. Вот почему у моего Коня на ногах браслеты.

— А это зачем? — заинтересовалась Алиса.

— Чтобы акулы не укусили,— ответил Белый Рыцарь.— Это мое собственное изобретение! Помоги-ка мне забраться на коня. Я выведу тебя на опушку. А это блюдо для чего?

— Для пирога,— сказала Алиса.

— Тогда давай прихватим его с собой,— предложил Рыцарь.— Оно нам очень пригодится, если мы найдем пирог. Подержи-ка суму — я его туда засуну...

Это оказалось нелегко. Алиса крепко держала суму в руках, но Белый Рыцарь был очень неловок: вместо того чтобы положить в суму блюдо, он все падал в нее сам. Наконец блюдо было втиснуто в суму.

— Конечно, места там для него маловато,— заметил Рыцарь,— сумка битком набита подсвечниками, но что поделаешь.

И он подвесил суму к седлу, с которого свисали пучки моркови, каминные щипцы и еще всякая всячина.

— Надеюсь, волосы у тебя сегодня хорошо приклеены? — спросил Рыцарь, когда они тронулись в путь.

— Не лучше, чем всегда, — с улыбкой ответила Алиса.

— Этого мало, — встревожился Рыцарь. — Ветер тут в лесу такой сильный, что прямо рвет волосы с корнем!

— А вы еще не придумали средства от вырывания волос? — спросила Алиса.

— Нет, но зато я придумал средство от выпадения, — отвечал Рыцарь.

— Какое же? Мне бы очень хотелось узнать!

— Берешь палочку и ставишь ее на голову, чтобы волосы вились вокруг нее, как плющ. Волосы почему падают? Потому что свисают *вниз*. Ну, а *вверх* падать невозможно! Это мое собственное изобретение. Можешь его испробовать, если хочешь.

Средство это показалось Алисе не очень-то удобным, и она молча шла рядом, время от времени останавливаясь, чтобы помочь бедному Рыцарю, который не слишком-то хорошо держался на Коне.

Стоило Коню остановиться (а он то и дело останавливался), как Рыцарь тут же летел вперед, а когда Конь снова трогался с места (обычно он делал это рывком), Рыцарь тотчас падал назад. В остальном он совсем неплохо держался в седле — только временами валился еще и набок. Палал он, как правило, прямо на Алису — поэтому она вскоре решила держаться подальше от Коня.

В пятый раз помогая Рыцарю подняться с земли, она рискнула заметить:

— Вы, должно быть, не часто ездите верхом?

Белый Рыцарь очень удивился.

— Почему ты так думаешь? — спросил он дрожащим от обиды голосом и залез в седло, держась одной рукой за Алисины волосы, чтобы не свалиться на другую сторону.

— Если много ездить верхом, то не будешь так часто падать.

— Я езжу много, — отвечал Рыцарь торжественно. — Очень много!

— Ах вот как! — сказала Алиса как могла сердечнее.

Больше она ничего не могла придумать. Они продолжали свой путь молча. Рыцарь ехал, крепко закрыв глаза, и лишь изредка что-то бормотал, а Алиса с тревогой ждала, когда он опять упадет.

— Великое искусство верховой езды, — сказал вдруг громко Рыцарь и взмахнул правой рукой, — заключается в том, чтобы держать...

Он замолчал так же внезапно, как и начал, потому что свалился головой вперед прямо на дорожку, по которой шла Алиса. На этот раз она перепугалась и, помогая ему подняться, взволнованно спросила:

— Вы ничего себе не сломали?

— Ничего существенного,— отвечал Рыцарь, словно одно-два ребра не шли в счет.— Как я говорил, великое искусство верховой езды заключается в том, чтобы... правильно держать равновесие. Вот так...

Он отпустил узду и распростер руки в стороны, чтобы показать Алисе, что он имеет в виду. На этот раз он упал навзничь, прямо под копыта своего Коня. И пока Алиса ставила его на ноги, он не переставая бормотал:

— Я езжу много. Очень много!

Тут Алиса потеряла терпение.

— Нет, это просто смешно!— воскликнула она.— Вам бы ездить на деревянной лошадке! Знаете, такая... на колесиках.

— А что, у таких ход легче?— заинтересовался Рыцарь и обнял своего Коня обеими руками за шею. И хорошо сделал, а то бы свалился опять на землю.

— О, гораздо легче,— фыркнула Алиса.

— Достану себе такую лошадку,— задумчиво сказал Рыцарь.— Одну или две... Или несколько...

Наступило молчание. Немного спустя Рыцарь произнес:

— Я сделал много замечательных открытий. Ты, конечно, заметила, когда меня поднимала, что я о чем-то думал?

— Да, вид у вас был задумчивый,— согласилась Алиса.

— В этот миг я как раз изобретал новый способ перелезания через калитку. Хочешь послушать?

— Пожалуйста,— сказала Алиса вежливо.

— Вот как я до этого додумался,— продолжал Рыцарь.— Понимаешь, я рассуждал так: единственная трудность в ногах — как поднять их наверх. Голова и так наверху. Значит, так: сначала кладем голову на калитку — голова, значит, уже наверху. Потом становимся на голову — тогда и ноги тоже наверху, правда? И перемахиваем на ту сторону!

— Конечно, если удастся это сделать, через калитку перелезешь,— неуверенно сказала Алиса.— Но вам не кажется, что все это не так-то просто?

— Я еще не пробовал,— отвечал серьезно Рыцарь,— и ничего не могу сказать наверняка... Но ты, пожалуй, права, это не очень просто...

Эта мысль его так огорчила, что Алиса поспешно переменяла тему.

— Какой у вас забавный шлем!— весело заметила она.— Это тоже ваше изобретение?

Рыцарь с гордостью поглядел на шлем, свисавший с седельной луки.

— Да,— ответил он.— Но я изобрел и другой, гораздо лучше этого: С виду он похож на огромную сахарную голову. Когда я пал с лошади, он тут же упирался концом в землю, так что падать мне было совсем недалеко. Одно было нехорошо, конечно,— я мог упасть и в него. Однажды так и случилось, и мало того — только я застрял в шлеме, как вдруг подъезжает второй Белый Рыцарь и надевает его на себя. Он думал, это его шлем...

Белый Рыцарь рассказывал все это так серьезно, что Алиса не посмела улыбнуться.

— Должно быть, шлем показался ему тесен,— проговорила она, едва сдерживая смех.— Ведь в нем сидели вы!

— Пришлось мне лягнуть его ногой,— отвечал Рыцарь без тени улыбки.— Тогда он наконец догадался снять шлем. Нелегко ему было вытащить меня оттуда, а ведь хватка у него крепкая, как... как... как... ром!

— Ну, это совсем другая крепость!— заметила Алиса.

— Уверю тебя, тут были всякие крепости — и та, и эта!

В волнении Рыцарь воздел руки к небу — и тотчас вылетел из седла и упал головой в канаву. Алиса бросилась к нему. Падение было неожиданным — на этот раз ему удалось довольно долго продержаться в седле, и Алиса испугалась, не ушибся ли он? Из канавы торчали одни ноги, но услышав, что он продолжает как ни в чем не бывало говорить, она успокоилась.

— Самые разные крепости, уверю тебя! И все же с его стороны это было неосторожно — взять и надеть чужой шлем, да еще вместе с хозяином!

— Как это вы можете говорить вниз головой, да еще так спокойно? — спросила Алиса, вытаскивая его за ноги из канавы.

Рыцарь, казалось, очень удивился ее вопросу.

— Неважно, где находится мое тело,— сказал он.— Мой ум работает не переставая. Чем ниже моя голова, тем глубже мои мысли! Да-да! Чем ниже — тем глубже!

Помолчав, он прибавил:

— Самым остроумным моим изобретением был новый пудинг. Я изобрел его, пока ел второе.

— И его успели приготовить на третье?— спросила Алиса.— Вот это быстрота!

— Нет,— протянул задумчиво Рыцарь,— на третье не успели. Не успели на третье.

— Значит, его приготовили на завтра? Вряд ли вам захотелось два пудинга в день?

— Нет, не на завтра!— повторил Рыцарь все так же задумчиво.— На завтра не успели. Не успели на завтра.

Он повесил голову и мрачно произнес:

— Боюсь, что его вообще не приготовили. Боюсь, что его вообще никогда не приготовят. А какое это было остроумное изобретение!

— А из чего он делается?— спросила Алиса, чтобы его приободрить. Она видела, что бедняга совсем пал духом.

— В основу бралась промокашка,— отвечал Рыцарь со стоном.

— Боюсь, что это не очень-то вкусно...

— Одна промокашка, конечно, не очень вкусна,— прервал ее с волнением Рыцарь.— Но если смешать ее еще кое с чем — с порошком, например, или с сургучом,— тогда совсем другое дело. Но здесь я должен тебя оставить...

Они вышли на опушку леса. Алиса вздрогнула от неожиданности — в эту минуту она думала только о пудинге.

— Ты загрустила?— огорчился Рыцарь.— Давай я спою тебе в утешение песенку.

— А она очень длинная?— спросила Алиса.

В этот день она слышала столько стихов!

— Она длинная,— ответил Рыцарь,— но очень, очень красивая! Когда я ее пою, все рыдают... или...

— Или что?— спросила Алиса, не понимая, почему Рыцарь вдруг остановился.

— Или... *не* рыдают. Заглавие этой песни называется «Пуговки для сюртуков».

— Вы хотите сказать — песня так называется?— спросила Алиса, стараясь заинтересоваться песней.

— Нет, ты не понимаешь,— ответил нетерпеливо Рыцарь,— Это заглавие так называется. А песня называется «Древний старичок».

— Мне надо было спросить: «Это у песни такое заглавие?»— переспросила Алиса.

— Да нет! Заглавие совсем другое. «С горем пополам!» Но это она только так называется.

— А песня эта какая?— спросила Алиса в полной растерянности.

— Я как раз собирался тебе об этом сказать. «Сидящий на стене». Вот такая это песня. Музыка собственного изобретения.

С этими словами он остановил Коня, отпустил поводья и, мед-

ленно отбивая такт рукой, запел с выражением блаженства на своем добром и глупом лице.

Из всех чудес, которые видела Алиса в своих странствиях по Зазеркалью, яснее всего она запомнила это. Многие годы спустя сцена эта так и стояла перед ней, словно все это случилось только вчера: кроткие голубые глаза и мягкая улыбка Рыцаря, заходящее солнце, запутавшееся у него в волосах, ослепительный блеск доспехов, Конь, мирно щиплющий траву у ее ног, свесившиеся на шею Коня поводья и черная тень леса позади. Она запомнила все, все до мельчайших подробностей, как запоминают поразившую воображение картину. Она прислонилась к дереву, глядя из-под руки на эту странную пару и слушая, словно в полусне, грустный напев.

«А музыка вовсе не его изобретение,— подумала Алиса.— Я эту музыку знаю. Это песня «Я все вам отдал, все, что мог...»

Она стояла и внимательно слушала Рыцаря, но рыдать — не рыдала.

Я рассказать тебе бы мог,
Как повстречался мне
Какой-то древний старичок,
Сидящий на стене.
Спросил я: «Старый, старый дед,
Чем ты живешь? На что?»
Но проскочил его ответ,
Как пыль сквозь решето.
— Ловлю я бабочек больших
На берегу реки,
Потом я делаю из них
Блины и пирожки

И продаю их морякам —
Три штуки на пятак.
И, в общем, с горем пополам
Справляюсь кое-как.

Но я обдумывал свой план,
Как щеки мазать мелом,
А у лица носить экран,
Чтоб не казаться белым,
И я в раздумье старца тряс,
Держа за воротник:
— Скажи, прошу в последний раз,
Как ты живешь, старик?

И этот милый старичок
Сказал с улыбкой мне:
— Ловлю я воду на крючок
И жгу ее в огне,
И добываю из воды
Сыр под названием бри.
Но получаю за труды
Всего монетки три.

А я раздумывал: как впредь
Питаться манной кашей,
Чтоб ежемесячно полнеть
И становиться краше.
Я все продумал наконец
И, дав ему пинка,
— Как поживаете, отец? —
Спросил я старика.

— В пруду ловлю я окуньков
В глухой полночный час
И пуговицы для сюртуков
Я мастерю из глаз.
Но платят мне не серебром,
Хоть мой товар хорош:
За девять штук, и то с трудом,
Дают мне медный грош.

Бывает, выловлю в пруду
Коробочку конфет,

А то среди холмов найду
Колеса для карет.
Путей немало в мире есть,
Чтоб как-нибудь прожить,
И мне позвольте в вашу честь
Стаканчик пропустить.

И только он закончил речь,
Пришла идея мне:
Как мост от ржавчины сберечь,
Сварив его в вине.
— За все, — сказал я, — старикан,
Тебя благодарю,
А главное — за тот стакан,
Что выпил в честь мою.

С тех пор, когда я тосковал,
Когда мне тяжело было,
Когда я пальцем попадал
Нечаянно в чернила,
Когда не с той ноги башмак
Пытался натянуть,
Когда отчаянье и мрак
Мне наполняли грудь,
Я плакал громко на весь дом,
И вспоминался мне
Старик, с которым был знаком
Я некогда в краю родном,
Что был таким говоруном,
Таким умельцем и притом
Незаурядным знатоком, —
Он говорил о том о сем,
И взор его пылал огнем,
А кудри мягким серебром
Сияли над плешивым лбом,
Старик, бормочущий с трудом,
Как будто бы с набитым ртом,
Храпящий громко, словно гром,
Сидящий на стене.

Пропев последние слова своей баллады, Рыцарь подобрал поводья и повернул Коня.

— Тебе осталось пройти лишь несколько шагов, — сказал он. — Спустишься под горку, перейдешь ручеек — и ты Королева! Но ты

подождешь и помашешь мне вслед? — прибавил он, увидев, что Алисе не терпится перепрыгнуть через последний ручеек, отделяющий ее от заветной цели. — Я тебя долго не задержу. Как увидишь, что я доехал до поворота, махни мне платком. А то я боюсь совсем упасть духом.

— Конечно, я подожду, — сказала Алиса. — Спасибо вам за то, что вы меня проводили... И за песню... Она мне очень понравилась.

— Надеюсь, — проговорил Рыцарь с сомнением. — Только ты почему-то не очень рыдала...

Они пожали друг другу руки, и Рыцарь медленно поехал назад по лесной дороге.

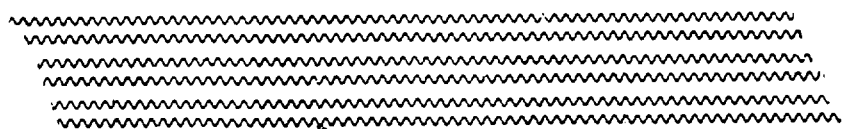
«Боюсь, что он очень скоро упадет... духом. Так, кажется, он сказал, — подумала Алиса, глядя ему вслед. — Ну конечно! Опять *упал*... Но только *не духом*, а, как всегда, *головой*. Но на Коня он опять садится довольно легко, а Конь стоит как вкопанный, оттого, видно, что на него столько всего понавешано».

Так она размышляла, глядя, как Конь мерно трусит по дороге, а Рыцарь падает то в одну сторону, то в другую. После четвертого или пятого падения он подъехал к повороту, она помахала ему платком и подождала, пока он не скрылся из виду.

«Надеюсь, это его приободрило, — подумала Алиса, сбегая с пригорка. — Последний ручеек — и я Королева! Звучит великолепно!»

Еще несколько шагов — и она очутилась на берегу ручья.

— Наконец-то восьмая линия! — воскликнула Алиса, прыгнула через ручеек и бросилась ничком на мягкую, как мох, лужайку, на которой пестрели цветы.

— Ах, как я рада, что я наконец здесь! Но что это у меня на голове? — воскликнула она и в страхе схватилась руками за что-то тяжелое, охватившее обручем голову.

— И как оно сюда попало без моего ведома? — спросила Алиса, сняла с головы загадочный предмет и положила к себе на колени, чтобы получше разглядеть.

Это была золотая корона.

КОРОЛЕВА АЛИСА

— Ах, как великолепно! — воскликнула Алиса. — Я никогда и не думала, что так скоро стану Королевой.

И, помолчав, строго добавила (она любила себя пробирать):

— Но вот что я вам скажу, Ваше Величество: не пристало вам валяться тут на траве. Королевам должно вести себя с достоинством!

С этими словами она встала и прошлась по лужайке, поначалу весьма скованно, ибо ей было боязно, как бы корона не слетела у нее с головы, но потом смелее, успокаивая себя тем, что вокруг не было ни души.

— Если я и вправду Королева, — подумала Алиса вслух, — со временем я научусь с ней справляться!

Все было так странно, что она ничуть не удивилась, увидав, что с одной стороны от нее сидит Черная Королева, а с другой — Белая. Ей очень хотелось спросить их, как они сюда попали, но она боялась, что это будет неучтиво. Подумав, она решила, что может, по крайней мере, спросить, кончилась ли шахматная партия.

— Скажите, пожалуйста... — начала она робко, взглянув на Черную Королеву.

Но Черная Королева не дала ей договорить.

— Никогда не заговаривай первой! — сказала она строго.

— Но если бы все соблюдали это правило, — возразила Алиса, всегда готовая немного поспорить, — и только бы ждали, пока с ними заговорят, тогда бы никто вообще ничего не говорил, и значит...

— Нет, это просто смешно! — воскликнула Королева. — Неужели ты не понимаешь, дитя...

Тут она нахмурилась и почему-то замолчала, а подумав с минуту, решительно переменяла тему.

— Как ты смела сказать: «Если я и вправду Королева...»? Какое ты имеешь право так называть себя? Ты не Королева, пока

не сдашь экзамена на Королеву! И чем скорее мы начнем — тем лучше!

— Я ведь только сказала *«если...»*, — жалобно проговорила бедная Алиса.

Королевы переглянулись, и Черная Королева произнесла, передернув плечами:

— Она говорит, что только сказала *«если»*.

— Но ведь она сказала гораздо больше! — простонала, ломая руки, Белая Королева. — Ах, гораздо, гораздо больше!

— Конечно, больше, — подхватила Черная Королева и повернулась к Алисе. — Всегда говори только правду! Думай, прежде чем что-нибудь сказать! И записывай все, что сказала!

— Я совсем не думала... — начала было Алиса, но Черная Королева нетерпеливо прервала ее:

— Вот это мне и не нравится. Ты должна была подумать. Как, по-твоему, нужен кому-нибудь ребенок, который не думает? Даже в шутке должна быть какая-то мысль, а ребенок, согласись сама, вовсе не шутка. Ты нас в этом не разубедишь, как ни старайся, хоть обеими руками!

— Я никогда не разубеждаю *руками*, — возразила Алиса.

— Никто и не говорит, что ты разубеждаешь руками, — сказала Черная Королева. — Я и говорю: руками нас не разубедишь!

— Она в таком настроении, — прибавила Белая Королева, — когда обязательно нужно с кем-то спорить. Неважно о чем — только бы спорить.

— Злобный, отвратительный нрав, — заметила Черная Королева.

Наступила неловкая пауза. Ее прервала Черная Королева; повернувшись к Белой Королеве, она сказала:

— Приглашаю вас сегодня на обед к Алисе!

Белая Королева слабо улыбнулась и произнесла:

— А я приглашаю вас!

— Я, правда, про обед ничего не знаю, — заметила Алиса, — но если сегодня я даю обед, то гостей, по-моему, приглашать должна я.

— Мы долго ждали, пока ты догадаешься нас пригласить, — заметила Черная Королева. — Но ты, видно, уроков хороших манер не брала.

— Манерам на уроках не учат, — сказала Алиса. — На уроках учат арифметике и всякому такому...

— Сложили тебя обучили? — спросила Белая Королева. — Сколько будет один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один плюс один?

— Не знаю, — ответила Алиса. — Я сбилась со счета.

— Сложения не знает,— сказала Черная Королева.— А вычитание знаешь? Отними от восьми девять.

— Этого я не знаю, но зато...

— Вычитания не знает,— сказала Белая Королева.— А деление? Раздели буханку хлеба ножом, что будет?

— По-моему...— начала Алиса, но тут вмешалась Черная Королева.

— Бутерброды, конечно,— сказала она.— А вот еще пример на вычитание. Отними у собаки кость — что останется?

Алиса задумалась.

— Кость, конечно, не останется — ведь я ее отняла. И собака тоже не останется — она побежит за мной, чтобы меня укусить. Ну и я, конечно, тоже не останусь!

— Значит, по-твоему, ничего не останется? — спросила Черная Королева.

— Должно быть, ничего.

— Опять неверно,— сказала Черная Королева.— Останется собачье терпение!

— Не понимаю...

— Это очень просто,— воскликнула Черная Королева.— Собака потеряет терпение, верно?

— Может быть,— отвечала неуверенно Алиса.

— Если она убежит, ее терпение останется, верно? — торжествующе воскликнула Королева.

— А может, оно тоже убежит, только в другую сторону? — спросила без тени улыбки Алиса.

Про себя же она подумала: «Какой вздор мы несем!»

— Арифметику совсем не знает! — закричали обе Королевы в один голос.

— А сами-то вы знаете?— спросила Алиса, внезапно поворачиваясь к Белой Королеве.

Ей было обидно, что Королевы так к ней придирчивы.

Белая Королева охнула и закрыла глаза.

— Прибавить я еще могу,— сказала она,— если мне дадут подумать. Но отнять — ни под каким видом!

— Азбуку ты, надеюсь, знаешь?— спросила Черная Королева.

— Конечно, знаю,— отвечала Алиса.

— И я тоже,— прошептала Белая Королева.— Будем повторять ее вместе. Хорошо, милочка? Открою тебе тайну — я умею читать слова из одной буквы! Великолепно, правда? Но не отчаивайся! И ты со временем этому научишься!

Тут в разговор снова вмешалась Черная Королева.

— Перейдем к домоводству,— сказала она.— Откуда берется хлеб? Отвечай!

— Это я знаю,— радостно начала Алиса.— Он печется...

— Печется?— повторила Белая Королева.— О ком это он печется?

— Не о ком, а из чего,— объяснила Алиса.— Берешь зерно, мелешь его...

— Не зерно ты мелешь, а *чепуху*!— отрезала Белая Королева.

— Обмахните ее,— сказала с тревогой Черная Королева.— А то у нее от умственного напряжения начнется жар!

И они принялись обмахивать ее ветками и не успокоились до тех пор, пока Алиса не попросила их перестать, так как волосы у нее совсем растрепались.

— Теперь она вне опасности,— сказала Черная Королева.— А языки ты знаешь? Как по-французски «фу ты, ну ты»?

— А что это значит?— спросила Алиса.

— Понятия не имею.

Алиса решила, что на этот раз ей удастся выпутаться.

— Если вы мне скажете, что это значит,— заявила она,— я вам тут же переведу на французский.

Но Черная Королева гордо выпрямилась и произнесла:

— Королевы в сделки не вступают!

«Лучше бы они в споры не вступали»,— подумала Алиса.

— Не будем ссориться,— забеспокоилась Белая Королева.— Скажи мне лучше, отчего бывает молния?

— От грома,— ответила без промедления Алиса. В чем-в чем, но в этом она была совершенно уверена. Впрочем, она тут же поправилась:— Нет, нет, наоборот!

— Не поправляйся!— сказала Черная Королева.— Что сказано — то сказано. Пеняй теперь на себя!

— Кстати,— проговорила Белая Королева, опуская глаза и нервно ломая руки,— на прошлой неделе в пятницу была такая гроза! То есть, я хотела сказать — в пятницы.

Алиса удивилась.

— У нас,— сказала она,— больше одной пятницы разом не бывает.

— Какое убожество!— фыркнула Черная Королева.— Ну, а у нас бывает шесть, семь пятниц на неделе! А зимой иногда мы берем сразу десять ночей, чтоб теплее было!

— Разве десять ночей теплее, чем одна?— рискнула спросить Алиса.

— В десять раз теплее, конечно!

— Но, вероятно, и в десять раз холоднее!— заметила Алиса.

— Совершенно верно!— вскричала Черная Королева.— В десять раз теплее и в десять раз холоднее! Точно так же, как я в десять раз тебя богаче и в десять раз умнее!

Алиса вздохнула и не стала спорить.

«Похоже на загадку без ответа!»— подумала она.

— Шалтай-Болтай тоже ее видел,— проговорила тихо, словно про себя, Белая Королева.— Он как раз подошел к нашей двери со штопором в руках...

— Что ему нужно было?— спросила Черная Королева.

— Он сказал, что хочет зайти,— продолжала Белая Королева,— потому что ему нужен гиппопотам. Но в то утро у нас ничего такого в доме, к сожалению, не оказалось.

— А в остальные дни?— удивилась Алиса.

— Только по четвергам,— отвечала Королева.

— Я знаю, зачем он приходил,— сказала Алиса.— Он хотел наказать рыбок, потому что...

Тут Белая Королева снова ее прервала:

— Такая была гроза, такая гроза! Ты даже в мыслях такого представить себе не можешь!

— Конечно, не может,— заметила Черная Королева.— Да у нее и мыслей-то нет!

— Часть крыши унесло, и в дом набился гром. Он раскатывался по всем комнатам, сшибая столы и стулья. Я так испугалась, что собственное имя забыла.

«В такую минуту я бы и не пыталась его вспомнить!»— подумала Алиса.— К чему оно?»

Вслух, однако, она этого не сказала, чтобы не обидеть бедную Королеву.

— Ваше Величество должно извинить бедняжку,— сказала вдруг Черная Королева Алисе, взяв Белую Королеву за руку и нежно ее поглаживая.— Она очень добрая, но всегда говорит глупости. Просто не может иначе.

Белая Королева робко взглянула на Алису; Алисе очень хотелось ее утешить, но как она ни ломала себе голову, ничего не могла придумать.

— Она не получила никакого воспитания,— продолжала Черная Королева.— И все же она добра на диво. Погладьте ее по головке. Увидите, как она обрадуется.

Но Алиса не осмелилась последовать ее совету.

— Немножко дружеского участия... и папилютки в волосы... и она станет совершенно неузнаваемой!

Белая Королева глубоко вздохнула и положила голову Алисе на плечо.

— Я так хочу спать!— простонала она.

— Устала, бедняжка!— сказала Черная Королева.— Пригладьте ей волосы. Одолжите ей свой спальный чепчик. И спойте ей колыбельную.

— У меня с собой нет чепчика,— возразила Алиса и попыталась пригладить Белой Королеве волосы.— И я не знаю никакой колыбельной.

— Придется мне самой ее убаюкивать,— вздохнула Черная Королева и запела:

Баюшки-баю, пора бы уснуть.
Склоните головку Алисе на грудь.
Как дунули в трубы — гонец прискакал,
Идут Королевы с Алисой на бал.

— Запомнили слова?— спросила она и положила голову Алисе на другое плечо.— А теперь убаюкайте меня. Я что-то тоже спать захотела.

Не прошло и минуты, как обе Королевы крепко спали да еще и храпели к тому же.

«Что же мне делать?— подумала Алиса, в замешательстве оглядываясь по сторонам. Головы Королев скатились, словно два тяжелых шара, ей на колени.— Такого еще ни с кем не бывало. Стеречь двух спящих Королев! История Англии не знает подобного случая! Ну, конечно, не знает! Ведь в Англии никогда не было сразу двух Королев».

— Ах, ну проснитесь же наконец! — воскликнула она нетерпеливо. Но в ответ раздалось лишь мерное похрапывание.

С каждой минутой оно становилось все мелодичнее, все отчетливее, и наконец стало ясно, что это песенка, можно было даже разобрать слова; Алиса так заслушалась, что совсем не заметила, как две тяжелые головы исчезли с ее колен.

Она стояла перед огромной дверью с аркой, над которой большими буквами было написано: «КОРОЛЕВА АЛИСА». По обеим сторонам двери висели ручки звонков, над одним стояло: «Для гостей», а над другим: «Для слуг».

«Дослушаю песенку до конца,— подумала Алиса,— а потом позвоню. Только в какой звонок мне звонить?»

Она задумалась.

— Я не гостя, но я и не служанка. Нужен еще один звонок с надписью: «Для Королевы».

В эту минуту дверь приотворилась, из-за нее высунулось какое-то существо с длинным клювом и прошипело:

— Прием
отменяется до
послезавтрашней недели.

И с грохотом захлопнулась дверь.

Алиса долго стучала и звонила, но все было напрасно. Наконец старый-престарый Лягушонок, сидевший невдалеке под деревом, встал и медленно заковылял к Алисе. На нем были костюм ярко-желтого цвета и огромные сапоги.

— В чем дело?— спросил он хриплым басом.

Алиса рассерженно повернулась.

— Где привратник?— гневно начала она.— Почему никто не подходит к двери?

— К какой двери?— спросил Лягушонок.

Он говорил так спокойно и неторопливо, что Алиса чуть не затопала на него ногой.

— К этой, конечно!

Лягушонок устался на дверь большими грустными тусклыми глазами, потом подошел поближе и потер ее пальцем, словно проверял, не сходит ли краска, и снова устался на Алису.

— Как это «никто не подходит к двери»?— переспросил он.— Ты же к ней подошла!

Он так хрипел, что Алиса с трудом разбирала слова.

— Не понимаю, что вы говорите,— сказала она.

— Чего ж тут не понять?— ответил Лягушонок.— Небось я по-английски говорю. Или, может, ты оглохла? Как, по-твоему, где ты стоишь?

— Ах, оставьте,— отмахнулась Алиса.— Я в нее колочу, а все без толку!

— Зря колотишь,— пробормотал Лягушонок.— Так ведь она и осерчать может.

С этими словами он подошел к двери и изо всех сил пнул ее своим огромным сапогом.

— Не тронь ее,— проговорил он, задыхаясь.— И она тебя не тронет.

И он, прихрамывая, вернулся на свое место.

В эту минуту дверь широко распахнулась, и пронзительный голос зашел:

Королева Алиса на праздник зовет:
«Собирайся скорей, Зазеркальный народ!
На высоком престоле в блестящем венце
Королева Алиса вас ждет во дворце!»

И сотни голосов подхватили припев:

Так наполним бокалы и выпьем скорей!
Разбросаем по скатерти мух и ежей!

В кофе кошку кладите, а в чай — комара,
Трижды тридцать Алисе ура!

Голоса нестройно прокричали «Ура!», и Алиса подумала: «Трижды тридцать — девяносто! Интересно, кто-нибудь там считает или нет?»

Потом снова наступило молчание, и тот же пронзительный голос запел второй куплет:

И сказала Алиса: «Зазеркальный народ!
Счастлив тот, кто с тремя Королевами пьет.
Это редкое счастье, великая честь —
За обеденный стол с Королевами сесть!»

И хор снова подхватил:

Так нальем же в бокалы чернила и клей
И осушим их залпом за наших гостей!
Вина с пеплом мешай, веселись до утра!
Девяностожды девять ура!

— Девяностожды девять! — повторила в отчаянии Алиса. — Этого мне никогда не сосчитать! Войду-ка я лучше в дом.

И она вошла. В зале тотчас воцарилась мертвая тишина.

Алиса пошла вдоль столов, беспокойно поглядывая по сторонам. Тут собрались звери, птицы и даже цветы — гостей было много, не менее пятидесяти персон.

«Как хорошо, что они пришли сами, без приглашения, — подумала Алиса. — Я бы не знала, кого приглашать, а кого нет».

Во главе стола стояли три кресла; в одном сидела Белая Королева, в другом — Черная, а кресло между ними было свободно. Алиса уселась в него, смущенная всеобщим молчанием; ей так хотелось, чтобы кто-нибудь заговорил.

Наконец Черная Королева сказала:

— Ты опоздала, мы уже съели суп и рыбу.

Она махнула рукой и крикнула:

— Несите мясо!

И слуги тотчас же поставили перед Алисой блюдо с бараньим боком. Алиса посмотрела на него с тревогой: ей никогда раньше не приходилось резать мясо.

— Ты, я вижу, робеешь, — сказала Черная Королева. — Разрешите мне представить тебя этому боку. Знакомьтесь! Алиса, это Бараний Бок. Бок, это Алиса...

Бараний Бок поднялся с блюда и поклонился Алисе; она тоже ему поклонилась, так и не решив, смешно это или страшно.

— Я вам отрежу по кусочку? — спросила она Королев и взяла в руки нож и вилку.

— Как можно? — запротестовала Черная Королева. — Вас только что познакомили, а ты уже на него с ножом! Унесите Бок!

И слуги тотчас же его унесли, а взамен принесли сливовый пудинг.

— Я не хочу знакомиться с пудингом, — быстро сказала Алиса, — а то так мы вообще не пообедаем. Отрезать вам по кусочку?

Но Черная Королева посмотрела исподлобья и произнесла:

— Знакомьтесь! Пудинг, это Алиса. Алиса, это Пудинг. Унесите Пудинг!

И слуги тотчас же схватили Пудинг со стола, так что Алиса даже не успела ему поклониться.

«Впрочем, почему это одна Черная Королева здесь распоряжается?» — подумала она и, решив посмотреть, что получится, крикнула:

— Слуги! Принесите Пудинг!

И тут же, словно по мановению волшебной палочки фокусника, Пудинг снова оказался перед ней. Он был такой огромный, что Алиса опять немножко оробела. Но она взяла себя в руки, отрезала кусок и подала его Черной Королеве.

— Какая наглость! — сказал Пудинг. — Интересно, что бы ты

сказала, если бы я отрезал от тебя кусок? Мерзкое ты создание!

Он произнес эти слова густым и жирным голосом. Алиса в ответ не могла сказать ни слова: она только смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Скажи ему что-нибудь! — воскликнула Черная Королева. — Ведь это смешно: Пудинг говорит, а ты молчишь!

— Знаете, мне сегодня читали столько стихов, — начала Алиса робко, ибо она заметила, что стоило ей открыть рот, как в зале воцарялась тишина, и все взоры обращались на нее. — И во всех стихах было что-нибудь про рыб... Как странно, правда? Интересно, почему здесь так любят рыб?

Она обращалась к Черной Королеве, и та тут же ответила, хоть как-то и невпопад.

— Кстати, о рыбах... — медленно и торжественно произнесла она прямо в ухо Алисе. — Ее Белейшее Величество знает премилую загадку, всю в стихах — и всю сплошь о рыбах! Пусть она ее загадает, хорошо?

— Ее Чернейшее Величество очень добры, — проговорила Белая Королева в другое ухо Алисы. — Я сделаю это с восторгом! Вы разрешите?

— Прошу вас, — сказала Алиса учтиво.

Белая Королева засмеялась от радости и погладила Алису по щеке. Потом она начала:

Изловить эту рыбку нетрудно —
Ребенку под силу.

И купить эту рыбку нетрудно —
Гроша бы хватило.

А в тарелку ее положить —
Так и вовсе безделка,

Потому что она, как известно,
Родится в тарелке.

— Рыбку мне принеси!
— Принести ее вам? Это можно.
— Крышку с рыбки сними!
— Ах, увольте, мне так это сложно,

Будто клеем приклеена крышка... Теперь
Отгадайте загадку:

Легче рыбку наружу извлечь или нам
Обнаружить отгадку?

— Даю тебе минуту на размышление!— сказала Черная Королева.— А мы пока выпьем за твоё здоровье!

— Здоровье Королевы Алисы!— завопила она во весь голос.

И все гости тут же выпили, хоть и несколько странно: кто нахлобучил себе на головы бокалы, словно колпаки, и слизывал то, что текло по щекам, кто опрокинул графины с вином и, припав к краю стола, пил все, что лилось на пол. А три каких-то существа (очень похожих на кенгуру) забрались в блюдо с жарким и лакали соус.

«Словно свиньи в корыте!»— подумала Алиса.

— Ты должна произнести благодарственную речь,— сказала Черная Королева, взглянув исподлобья на Алису.

— Мы тебя поддержим, не беспокойся,— шепнула Белая Королева.

Алиса послушно встала, хоть сердце у нее и похолодело.

— Большое спасибо,— ответила она тоже шепотом,— я и сама справлюсь.

— Это будет совсем не то!— решительно заявила Черная Королева.

Пришлось Алисе покориться.

(«Они так навалились на меня с двух сторон,— говорила она потом сестре, дойдя в своем рассказе до этого места,— словно хотели меня раздавить в лепешку!»)

Ей и вправду пришлось нелегко. Королевы поддерживали ее под локти и так давили с обеих сторон, что чуть не подбросили в воздух.

— Я поднялась, чтобы выразить вам свою благодарность...— начала Алиса.

И тут она действительно оторвалась от пола и *поднялась* на несколько дюймов в воздух, однако успела схватиться за край стола и снова опустилась на пол.

— Берегись!— завопила Белая Королева, вцепившись обеими руками Алисе в волосы.— Сейчас что-то будет!

И тут (как говорила потом Алиса) началось что-то несусветное. Свечи вдруг вытянулись до потолка, словно гигантские камыши с фэйерверком наверху. Бутылки схватили по паре тарелок и вилок; хлопая тарелками, словно крыльями, и перебирая вилками ногами, они разлетелись в разные стороны.

«Совсем как птицы»,— успела подумать Алиса в начавшемся переполохе.

В эту минуту она услышала у себя за спиной хриплый хохот и, оглянувшись, чтобы посмотреть, что случилось с Белой Королевой, увидела, что вместо Королевы в кресле сидит Бараний Бок.

— А я здесь!— закричал кто-то из суповой миски.

Алиса снова обернулась. Доброе, круглое лицо Королевы улыбнулось ей из миски и исчезло в супе.

Нельзя было терять ни минуты. Кое-кто из гостей повалился уже в блюда с едой, а половник шел по столу к Алисе и нетерпеливо махал ей рукой, чтобы она уступила ему кресло.

— Довольно!— закричала Алиса.— Я больше не могу!

Она вскочила, ухватила скатерть обеими руками и сдернула ее со стола. Блюда, тарелки, гости, свечи — все полетело на пол.

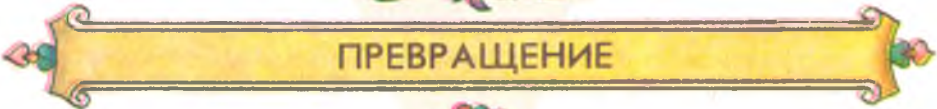
— Ну, а вас...— закричала Алиса в сердцах, поворачиваясь к Черной Королеве, которая, как ей казалось, была всему виновницей. Но Королевы рядом не было: она стала маленькой, как кукла, и крутилась по столу, ловя свою шаль, которая волочилась за ней, словно хвост.

В другое время Алиса очень бы этому удивилась, но сейчас она была слишком рассержена, чтобы чему-то еще удивляться.

— Ну, а вас...— повторила Алиса и схватила Королеву как раз в тот миг, когда она прыгнула на севшую на стол бутылку,— вас я просто отшлепаю, как котенка!

Глава десятая

ПРЕВРАЩЕНИЕ

С этими словами она схватила Черную Королеву и стала трясти ее изо всех сил.

Черная Королева и не думала сопротивляться, только лицо ее сморщилось и стало совсем маленьким, а глаза округлились и позеленели. Алиса все трясла и трясла ее, а Королева у нее в руках становилась все меньше... и мягче... и толще... и пушистее... и

Глава одиннадцатая

ПРОБУЖДЕНИЕ

...и в самом деле оказалось, что это просто котенок!

Глава двенадцатая

ТАК ЧЕЙ ЖЕ ЭТО БЫЛ СОН?

— Ваше Чернейшее Величество зря так громко мурлычет,— сказала Алиса котенку почтительно, но строго и протерла глаза.— Ты меня разбудила, Китти, а мне снился такой чудесный сон! И ты там была — в Зазеркальной стране. Помнишь?

У котят есть одна неприятная привычка (заметила как-то Алиса): что им ни говори, они в ответ лишь мурлычут.

— Вот если бы они мурлыкали вместо «да», а мяукали вместо «нет», тогда с ними можно было бы иметь дело! Но разве можно разговаривать с человеком, когда тебе отвечают всегда одно и то же?

Котенок опять замурлыкал, но что он хотел этим сказать — неизвестно.

А Алиса принялась перебирать шахматные фигурки, лежащие на столе. Наконец она нашла Черную Королеву, села на коврик у камина и поставила ее перед котенком, чтобы они посмотрели друг на друга.

— Признавайся, Китти! — закричала Алиса и с торжеством захлопала в ладоши. — Вот в кого ты превратилась!

(«Но Китти на Королеву и не взглянула! — рассказывала она потом сестре. — Отвернулась в сторону и притворилась, что даже ее и не видит. Правда, вид у нее при этом был виноватый. По-моему, все же Черной Королевой была она.»)

— А ну-ка, выпрямись! — воскликнула с веселым смехом Алиса. — Пока думаешь, что *промурлыкать*, делай реверанс! Это экономит время, помнишь?

Она схватила Китти на руки и легонько поцеловала.

«В честь того, что ты была Черной Королевой!»

— Снежинка, милая! — сказала она, поглядывая на Снежинку, которая все так же послушно подвергалась умыванию. — Когда эта Дина вас наконец отпустит, Ваше Белейшее Величество? Теперь понятно, почему я видела вас такой растрепанной в своем сне! Послушай, Дина! Тебе известно, что ты умываешь Белую Королеву? Ты должна обращаться с ней почтительно, а ты что делаешь? Интересно, а Дина в кого превратилась? — продолжала Алиса, устраиваясь поудобнее на коврике и задумчиво глядя на котят. — Признайся, Дина, ты была Шалтаем-Болтаем? По-моему, да... Только подожди, не рассказывай об этом своим друзьям... Я все еще сомневаюсь.

— Кстати, Китти, если ты вправду была вместе со мной в моем сне, ты, верно, заметила одну вещь... очень приятную для тебя! Я столько слышала стихов, и все про рыб! Завтра утром я устрою тебе настоящий пир! Ты будешь завтракать, а я буду читать тебе про Моржа и Плотника, чтоб ты вообразила, что ешь устриц, милая!

— Послушай, Китти, давай-ка поразмыслим, чей же это был сон! Это вопрос серьезный, милая, так что перестань, пожалуйста, лизать лапу! Тебя ведь умыли сегодня! Понимаешь, Китти, сон этот приснился либо мне, либо Черному Королю. Конечно, он мне снился — но ведь и я ему снилась! Так чей это был сон? Черного Короля? Кому же это знать, как не тебе? Ты ведь была его женой, милочка! Ах, Китти, помоги мне решить! Оставь на минуту свою лапу!

Но Китти, негодница, принялась за другую лапу, притворяясь, что не слышит Алису.

Как же, *по-твоему*, чей это был сон?

Ах, какой был яркий день!
Лодка, солнце, блеск и тень,
И везде цвела сирень.

Сестры слушают рассказ,
А река уносит нас,
Плеск волны, сиянье глаз,

Летний день, увы, далек,
Эхо смолкло. Свет поблек.
Зимний ветер так жесток.

Но из глубины времен
Светлый возникает сон —
Легкий выплывает челн.

И опять я сердцем с ней —
Девочкой ушедших дней,
Давней радостью моей.

Если мир подлунный сам
Лишь во сне явился нам,
Люди, как не верить снам?

В журналах Английского Королевского метеорологического общества значится, что 4 июля 1862 года погода в окрестностях Оксфорда была хмурой. Однако в памяти участников одного пикника день этот сохранился как самый солнечный в их жизни. В этот день доктор Доджсон, профессор математики одного из оксфордских колледжей, который вскоре станет всемирно известен под именем писателя Льюиса Кэрролла, пригласил своих юных друзей — Лорину, Алису и Эдит, дочерей ректора Лидделла, — совершить прогулку по реке. Вместе с ним отправился и молодой коллега доктора Доджсона, преподаватель математики Робинсон Дакворт.

Рано утром пятеро участников этого пикника встретились неподалеку от дома с двумя башенками по углам, на двери которого сверкала медью дощечка: «Преподобный Ч. Л. Доджсон». Они спустились к реке, сели в лодку, отчалили. Доджсон и Дакворт гребли. Алиса сидела на руле. Они проплыли мимо тихой заводи, где по колено в прохладной воде стояли сонные коровы, мимо маленькой таверны «Форель», окруженной веселыми цветниками и дальше, дальше, между крутых берегов.

— Сказку! — кричали девочки. — Мистер Доджсон, расскажите нам сказку!

Доктор Доджсон уже привык к этим просьбам. Стоило ему увидеться с девочками Лидделл, как они тотчас требовали от него сказку — и обязательно собственного сочинения. Вот и сейчас пришлось ему начать тут же, под мерные удары весел.

Солнце пекло все сильнее. Наши путешественники остановились и, вынув корзинку с завтраком, устроились в тени большого стога сена. День уже начал клониться к вечеру, а доктор Доджсон все рассказывал. Время от времени он останавливался и говорил:

— На сегодня хватит, остальное — после!

— После уже настало! — кричали девочки в один голос.

Все нравилось им в этой новой сказке, но, пожалуй, больше всего то, что в сказке говорилось о них. Героиней была средняя из сестер — любимица доктора Доджсона — десятилетняя Алиса. Был в сказке и Попугайчик Лори, который все время твердил: «Я старше и лучше знаю, что к чему!» Это, конечно, Лорина, старшая из сестер Лидделл. Она очень гордилась тем, что ей уже 13 лет. Орленок Эд — это восьмилетняя Эдит, а Робин Дакворт еще в студенческие годы получил прозвище Гусь. Дина — это кошка Лидделлов, а Птица Додо — это, конечно, сам доктор

Доджсон. Волнуясь, он сильно заикался. «До-до-Доджсон»,— представлялся он новым знакомым.

Было в сказке и много других намеков, понятных лишь девочкам Лидделл. Две недели назад, также отправившись по реке с доктором Доджсоном, они попали в сильный ливень. Пришлось им бросить лодку и искать убежища в ближайшей деревне. Алиса всю дорогу проплакала, и доктор Доджсон сказал, что это она своими слезами промочила их всех насквозь. Вот откуда в сказке море слез, в котором плавают вся компания. А Безумное Чаепитие происходило в домике с башенками каждый раз, когда девочки бывали у доктора Доджсона в гостях. Безумное Чаепитие происходило обычно в шесть часов — вот почему в сказке часы у Шляпных Дел Мастера остановились на шести. Как правило, девочек сопровождала мисс Прикетт, но порой, если она была занята, их приводила старая нянька, которая то и дело засыпала, как Мышь Соня. А Элси, Лэси и Тилли, тоже появляющиеся в этой главе,— зашифрованные прозвища трех сестричек Лидделл.

Был уже поздний вечер, когда доктор Доджсон и его друзья вернулись в Оксфорд. Прощаясь, Алиса воскликнула:

— Ах, мистер Доджсон, как бы мне хотелось, чтобы вы записали для меня приключения Алисы!

Доктор Доджсон обещал. Своим округлым почерком он записал сказку в небольшую тетрадь, украсил ее собственными рисунками, а на последней странице приклеил сделанную им самим фотографию Алисы. Он преподнес ей эту книжку в декабре, написав на ней: «Рождественский подарок милой девочке — в память о летней прогулке».

4 июля 1865 года, ровно через три года после пикника, Доджсон подарил Алисе первый авторский экземпляр своей книжки.

В 1868 году доктор Доджсон гостил у своего дядюшки в Лондоне. Алиса Лидделл уже выросла, и доктор Доджсон часто ее вспоминал. Как-то раз, стоя у окна в гостиной и глядя в сад, где играли дети, он услышал, что одну из девочек тоже зовут Алисой. Доктор Доджсон вышел во двор и представился девочке.

— Я очень люблю Алис,— сказал он ей.

Девочку звали Алиса Рейкс. Доктор Доджсон пригласил ее в дом.

— Сейчас,— сказал он,— я покажу тебе одну загадку.

С этими словами он подал Алисе апельсин и подвел ее к высокому зеркалу, стоявшему в гостиной.

— В какой руке ты держишь апельсин? — спросил он.

— В правой,— сказала Алиса.

— Теперь посмотри на ту маленькую девочку в зеркале. А она в какой руке держит апельсин?

Алиса внимательно посмотрела на свое изображение.

— В левой, — отвечала она.

— Как это объяснить? — спросил доктор Доджсон.

Задача была не из легких, но Алиса не растерялась.

— Ну, а если бы я стояла по ту сторону зеркала, — сказала она, — апельсин ведь был бы у меня в правой руке, правда?

Доктор Доджсон пришел в восторг.

— Молодец, Алиса! — вскричал он. — Лучшего ответа я ни разу не слышал!

Разговор этот дал окончательное направление мыслям о новой книжке, занимавшим в последние годы Кэрролла. В основу ее легли истории, которые он рассказывал Алисе Лидделл, когда обучал ее играть в шахматы.

В Оксфорде в те годы увлекались старинной поэзией времен англосаксов. В декабре 1863 года доктор Доджсон водил девочек Лидделл на любительский спектакль в свой колледж. Ставили веселый фарс «Альфред Великий», костюмы и декорации были стилизованы под старину. После спектакля много было шуток об англосаксонских королях, воинах и гонцах. Вспомнили пародийные «Англосаксонские стансы», которые доктор Доджсон написал как-то вечером, когда все наперегонки — кто быстрее и лучше! — сочиняли стихи. Когда пришла его очередь читать, доктор Доджсон начал: «Варкалось. Хливкие шорьки...» Гости запротестовали, а он с важным видом стал объяснять значение каждого слова, пародируя ученых лингвистов.

В декабре 1871 года доктор Доджсон послал Алисе Лидделл первый экземпляр новой книжки. Алисе было в это время 19 лет, и она давно уже не жила в Оксфорде.

Так были написаны эти книжки. С тех пор прошло столетие — они живут, «живее некуда»; как сказал об Алисе Гонец. Слава их все растет. Их переводили на все языки мира, ставили на сцене, в кино и на телевидении. Они вошли в язык и сознание англичан, как, пожалуй, никакая другая книга. Тот, кто не знает Чеширского Кота и Белого Рыцаря, не знает ничего об Англии.

* * *

Чарлз Лютвидж Доджсон родился в небольшой деревушке Дэрсбери в графстве Чешир 27 января 1832 года. Он был старшим сыном скромного приходского священника Чарлза Доджсона и Фрэнсис Джейн Лютвидж. При крещении, как нередко бывало в те времена, ему дали два имени: первое — Чарлз — в честь отца,

второе — Лютвидж — в честь матери. Позже, когда юный Доджсон начал писать юмористические стихи, он взял себе псевдоним из этих двух имен, предварительно подвергнув их двойной трансформации. Сначала он перевел эти имена — «Чарлз Лютвидж» — на латинский язык, что дало «Каролус Людовикус». Затем он поменял их местами и перевел «Людовикус Каролус» снова на английский язык. Получилось «Льюис Кэрролл». Так возник псевдоним, прославивший Доджсона далеко за пределами его родной страны. Но это случилось много позднее.

Как и его отец, Чарлз учился в Оксфорде, одном из старейших английских университетов, однако своей специальностью он избрал математику. По окончании курса он получил приглашение остаться в Оксфорде. Осенью 1855 года он был назначен профессором математики колледжа Христовой церкви. По давней традиции преподавателю этого колледжа ставилось условие: он должен был принять сан священника и дать обещание не вступать в брак. Если бы позже он захотел жениться, ему пришлось бы оставить колледж. Доктор Доджсон (отныне так будут называть его друзья и ученики) принял эти условия. Он даже начал готовиться к принятию сана, но остановился на полпути. Он боялся, что посвящение свяжет ему руки, а главное, что ему придется отказаться от любимых занятий — писания юмористических стихов, посещения театра, который он страстно любил, и фотографии. Все эти светские занятия считались в те дни неподобающими для священника.

Вскоре в Оксфорде привыкли к одетой в темный костюм фигуре доктора Доджсона. Он был большой оригинал, чуждался взрослых и очень любил детей. Он совершал с ними долгие прогулки, водил их в театр, приглашал в гости, развлекал забавными рассказами, писал им письма.

Лето доктор Доджсон проводил обычно в Истбёрне, на южном побережье Англии. После смерти отца в 1868 году сестры Доджсона обосновались в Гилфорде — он часто навещал их там. За пределы Англии доктор Доджсон выезжал всего раз — и здесь он снова всех поразил. В те годы принято было ездить на континент в Европу — в Италию, Францию, Швейцарию, иногда в Грецию. Но доктор Доджсон поехал в Россию! Он посетил Петербург и Москву, побывал на ярмарке в Нижнем Новгороде; восхищался русской архитектурой и театром и даже пытался учить русский язык.

Помимо фотографии, театра и писем, был у доктора Доджсона еще один конек — подобно Белому Рыцарю, он без конца что-нибудь изобретал. Некоторые из его изобретений были повторены годы спустя другими людьми и нашли широкое применение.

Он изобрел шахматы для путешественников, где фигуры держались на доске с помощью маленького выступа, соответствующего углублению в клетке; приспособление для того, чтобы писать в темноте; способы проверки деления числа на 17 и 19; мнемонические приемы для запоминания последовательно ряда цифр (сам он с их помощью помнил π до семьдесят первого десятичного знака!) и многое другое. Он изобретал новые игры и публиковал к ним правила.

Умер доктор Доджсон 14 января 1898 года в Гилфорде, куда он поехал на рождественские каникулы к своим сестрам. Там он и похоронен. Над могилой его стоит простой белый крест.

Алиса Лидделл умерла в 1934 году. В 1932 г., когда Англия праздновала столетие со дня рождения Кэрролла, оксфордский колледж, в котором преподавал писатель, избрал ее своим почетным членом. На родине поэта, в деревенской церкви в Дэрсбери, есть витраж, где рядом с задумчивым Додо стоит Алиса, а вокруг теснятся Белый Кролик, Болванщик, Мартовский Заяц, Чеширский Кот и другие.

* * *

Читателю, впервые открывающему «Алису», может показаться, что все в ней спутано, все непонятно и бессмысленно. Однако, взглядевшись, он начинает понимать, что в бессмыслице этой есть своя система. Чувство это крепнет при повторном чтении. «Алиса» принадлежит к тем книгам, к которым возвращаешься снова и снова на протяжении всей жизни, каждый раз читая ее новыми глазами. Недаром столько замечательных людей любили «Алису» и писали о ней — Гилберт Кийт Честертон, Стивен Ликок, Бертран Рассел, Норберт Винер, а также многие выдающиеся физики и математики наших дней.

Многие образы книги связаны с фольклором. О двух участниках Безумного Чаепития говорится в старинных английских пословицах: «Безумен, как шляпник» и «Безумен, как мартовский заяц». Пожалуй, ни у какого другого народа в Европе нет столь известных и общепризнанных героев-безумцев, как Шляпник и Мартовский Заяц у англичан.

Знаменитый Чеширский Кот — также герой старинной пословицы. «Улыбается, словно чеширский кот», — говорили англичане еще в средние века. Когда юный Доджсон приехал в Оксфорд, там велись оживленные дебаты о происхождении этого образа. Уроженец Чешира, Доджсон интересовался ими. Некоторые ученые полагали, что пословица эта идет от вывесок у входа в старые чеширские таверны. С незапамятных времен на них изображался

оскаливший зубы леопард со щитом в лапах, а так как доморощенные художники, писавшие вывески, леопардов никогда не видели, он и походил на улыбающегося кота. Другие ученые считали, что поговорка пошла от сыров, которыми славилось графство Чешир. Одно время их делали в форме улыбающихся котов.

В «Алисе» участвуют герои старинных стишков и песенок, которых Кэрролл, так же как и многие поколения англичан до него, знал с детства. Это Шалтай-Болтай, Труляля и Траляля, Единорог и Лев. Короткие стишки, посвященные их подвигам, развертываются в целые главы. Народное четверостишие о Даме Червей, выпекавшей крендели, служит основой для сцены суда, одной из самых блестящих сцен в мировой литературе. Соперничество между Львом и Единорогом продолжалось многие века: Лев был изображен на старинном гербе Англии, а Единорог — Шотландии. В начале XVII века, после объединения Англии и Шотландии, оба зверя появляются в королевском гербе. Валет Червей действительно украл крендели — в народной легенде рассказывается о том, как он себя выдал, принявшись утираться, когда на суде объявили, что у вора губы в масле. Правда, у Кэрролла виновность Валета совсем не доказана — скорее, наоборот.

В «Алисе» много стихов. Почти все они пародийные.

Это голос Лентяя: вы слышите стон?

— Вы меня разбудили! Ах, где же мой сон?

И, как дверь на болтах, повернул он с трудом
Свое грузное тело, обьятое сном.

Строки эти взяты из скучного нравоучительного стихотворения Исаака Уоттса, хорошо известного современникам Кэрролла.

Это голос Омара: вы слышите крик?

— Вы меня разбудили! Ах, где мой парик?

И поправивши носом манишку и бант,
Он идет на носочках, как лондонский фронт.

Такое переложение известного текста вызывало смех.

В бессмыслице Кэрролла строгая, почти математическая система; чаще всего он пользуется так называемыми «перевертышами». «Едят ли кошки мошек?.. Едят ли мошки кошек?» — твердит сонная Алиса, меняя действующих лиц местами. В сцене суда дрожащий от страха Болванщик откусывает вместо бутерброда кусок от чашки, которую он держит в другой руке. Словом, «задом наперед, совсем наоборот», как сказал бы по этому поводу Траляля. Принцип этот подчеркивают наставления, которые дают

Алисе участники Безумного Чаепития. «Я говорю, что думаю,— заявляет Алиса,— и думаю, что говорю». — «Это совсем не одно и то же,— поправляют они ее.— Ведь не все равно, как сказать: «Я вижу то, что ем» или «Я ем то, что вижу».

Вся вторая книга построена по принципу перевернутого, зеркального отражения. И не случайно символ Зазеркалья служит Кэрроллу шахматная доска, ведь она тоже своеобразное зеркало: в ней верхняя половина с ее особым расположением фигур зеркально повторяет нижнюю. Многие образы Зазеркалья построены по тому же принципу. Труляля, скажем, зеркально повторяет своего брата-близнеца. Белый Рыцарь поет о том, как он пытался натянуть на одну ногу башмак с другой. Чтобы встретиться с Черной Королевой впереди, Алиса идет назад. Контролер в поезде говорит ей, что она едет в противоположную сторону.

В Стране Чудес Алиса несколько раз катастрофически меняется в размерах — то уменьшается, да так, что начинает опасаться, как бы ей совсем не исчезнуть, а то вдруг вырастает. Соответственно все вокруг изменяется в обратном отношении. «Обратный» принцип повторен и в эпизоде со щенком — Алиса там крошка, а щенок огромный, как ломовая лошадь. Гриб, на котором томно курит свой кальян Синяя Гусеница, также «зеркален»: откусывая его справа, Алиса уменьшается, а слева — вырастает.

Изменения эти так стремительны, что их не сразу успеваешь осмыслить. И Алиса тоже слегка «отстает» в своих суждениях. Кэрролл вторит ей особым приемом, который англичане называют «недооценкой». Это прием лукавый и тонкий: в глубине души автор прекрасно знает цену тому, о чем он говорит, но внешне он простодушен и склонен несколько «отставать» и «недооценивать» события. «Оттяпай ей голову!» — приказывает Герцогиня Кухарке. Алиса в ужасе — ведь это такой ясный *намек*! Вряд ли можно выражаться более категорично, чем Герцогиня, и Кэрролл здесь нарочито «недооценивает» ее приказ.

«Недооценка» причудливо сочетается в книге Кэрролла с «переоценкой». Черепаха Как бы, встретив Алису, долго молчит, потом произносит одну совершенно бессмысленную фразу и снова погружается в молчание. Алиса решает встать и уйти и уже готовит в уме прощальную фразу: «Благодарю Вас, сэр, за Ваш *интересный рассказ*». Есть в самом начале «Страны Чудес» место, которое все построено на лукавых «недооценке» и «переоценке». Это своеобразные «правила безопасности», которым Алису обучали друзья.

Им предшествует описание *неприятностей*, которые грозят тем, кто не держится этих правил. *Неприятности* эти самого неожиданного свойства: ты либо сгораешь живьем, либо попадаешь на съеденье диким зверям. Та же «недооценка» в советах, которые

вспоминает Алиса. Вот они: «Если слишком долго держать в руках раскаленную докрасна кочергу, в *конце концов* обожжешься. Если поглубже полоснуть по пальцу ножом, из пальца *обычно* идет кровь. А если разом осушить пузырек с пометкой «Яд!», *рано* или *поздно* почувствуешь *недомогание*». «Недооценка» сочетается в этом отрывке с «переоценкой». Нужно ли объяснять, что совсем не обязательно *долго* держать в руках раскаленную кочергу, чтобы обжечься? И что это произойдет *не в конце концов*, а тут же, сразу? И что кочерга может быть раскаленной не *докрасна*? Ну, а *недомогание*, которое рано или поздно почувствуешь, осушив склянку яда, это, конечно, весьма мягкое изображение того, что с тобой произойдет.

Льюис Кэрролл соединяет несоединимое. Напиток, который пьет из пузырька Алиса, напоминает ей по вкусу и вишневый пирог с кремом, и ананас, и жареную индейку, и сливочную помадку, и горячие гренки с маслом! Герцогиня неразрывна с Кухаркой; Грифон, существо сказочное и благородное, разговаривает как последний простолудин; а для того чтобы Белая Королева стала неузнаваемой, равно необходимы два условия — дружеское участие и папильотки в волосы!

Однако с той же легкостью, с какой он соединяет несоединимое, Кэрролл разъединяет неразрывное. «Прощайте, ноги!» — говорит Алиса стремительно убегающим от нее ногам. И принимается строить планы о том, как она будет посылать им подарки к рождеству. А Чеширский Кот обладает чудесной способностью медленно и частями исчезать (медленное исчезновение — разве это понятие не соединяет в себе несоединимое?!). Все мы знаем котов без улыбки, но вот Кэрролл знает еще и улыбку без кота! Знаменитая улыбка Чеширского Кота одиноко парит в воздухе как символ иронии и отрицания бессмысленного мира, по которому странствует Алиса.

При всей фантастичности ситуаций и умозаключений Кэрролла они всегда строго обоснованы. «Змея!» — кричит Горлица, завидев длинную шею Алисы. Та уверяет, что она всего лишь маленькая девочка, но признается, что маленькие девочки тоже любят яйца. «Тогда они тоже змеи!» — говорит Горлица. Нельзя отказать ей в логике, точно так же, как нельзя не признать доводов Чеширского Кота в пользу собственного безумия. «Я больше не хочу!» — говорит Алиса во время Безумного Чаепития. «А *меньше* хочешь?» — спрашивают у нее.

Кэрролл оживляет метафоры, реализует стершиеся обороты речи, давая им свое, неожиданное, но всегда логическое обоснование. «Ах ты, поросенок!» — говорит Герцогиня младенцу. И не успевает Алиса и глазом моргнуть, как младенец превращается в поросенка.

«Сядем на минутку», — говорит, задохнувшись от бега, Алиса. «Сядем на *Минутку*? — с негодованием переспрашивает Король. — А что бы ты сказала, если б на тебя сели?»

Книга Кэрролла насквозь пародийная. Пародируются не только нравоучительные стихи, но и школьная премудрость, и скучная мораль здравого смысла. Лондон становится столицей Парижа, антиподы превращаются в антипатии, даже таблица умножения выходит из повиновения. В сцене суда пародируются судебные и газетные штампы, в Беге по кругу — парламентские разногласия и споры.

Наконец, в сказках Кэрролла нашла свое отражение и непосредственная специальность автора: ведь Кэрролл был профессионалом-математиком, много размышлявшим над различными математическими проблемами. Кэрролл предвосхитил и в художественных образах представил то, что лишь спустя десятилетия стало достоянием науки. Вот почему его сказки так заинтересовали математиков, физиков, логиков, семиотиков и других ученых. О научных прозрениях Кэрролла написано немало; достаточно упомянуть комментарий известного американского ученого Мартина Гарднера к его сказкам (он опубликован и по-русски).

Льюис Кэрролл начал с рассказа, понятного узкому кругу близких людей. Постепенно расширяя его, он создал книгу, которая вот уже столетие волнует человечество. Вероятно, происходит это во многом потому, что сердце свое он вложил в «Алису». Эта книга значила для него почти так же много, как «Новая жизнь» для Данте. Льюис Кэрролл дружил со многими детьми, но никого не любил он так глубоко и нежно, как Алису Лидделл. «У меня было множество друзей после тебя, — писал он ей, когда она уже вышла замуж, — но все это было совсем другое». Эту любовь он пронес через всю жизнь. Имя Алисы повторяется, словно магическое заклинание, в титулах обеих книг: «Приключения Алисы в Стране Чудес», «Алиса в Зазеркалье». Всё и все (включая самого автора) выступают в его книгах в зашифрованном виде, одна лишь Алиса — такая, какой ее знал и любил Кэрролл, — свободно и смело идет по ее страницам.

Книга заключается акростихом: первые буквы строк складываются в имя — Алиса Плээнс Лидделл. И, должно быть, не случайно Белый Рыцарь поет ей на прощанье песню на мотив известной баллады Томаса Мура «Сердце и лютня». «Я все вам отдал, все, что мог», — этими словами провожает Кэрролл уходящую от него в жизнь Алису.

Н. Демурова

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС

Глава первая	
ВНИЗ ПО КРОЛИЧЬЕЙ НОРЕ	9
Глава вторая	
МОРЕ СЛЕЗ	15
Глава третья	
БЕГ ПО КРУГУ И ДЛИННЫЙ РАССКАЗ	22
Глава четвертая	
БИЛЛЬ ВЫЛЕТАЕТ В ТРУБУ	28
Глава пятая	
СИНЯЯ ГУСЕНИЦА ДАЕТ СОВЕТ	35
Глава шестая	
ПОРОСЕНОК И ПЕРЕЦ	42
Глава седьмая	
БЕЗУМНОЕ ЧАЕПИТИЕ	50
Глава восьмая	
КОРОЛЕВСКИЙ КРОКЕТ	58
Глава девятая	
ЧЕРЕПАХА КАК БЫ И ЕЕ ПОВЕСТЬ	65
Глава десятая	
МОРСКАЯ КАДРИЛЬ	72
Глава одиннадцатая	
КТО УКРАЛ КРЕНДЕЛИ?	79
Глава двенадцатая	
АЛИСА ДАЕТ ПОКАЗАНИЯ	85

АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Глава первая	
ЗАЗЕРКАЛЬНЫЙ ДОМ	99
Глава вторая	
САД, ГДЕ ЦВЕТЫ ГОВОРИЛИ	108
Глава третья	
ЗАЗЕРКАЛЬНЫЕ НАСЕКОМЫЕ	117
Глава четвертая	
ТРАЛЯЛЯ И ТРУЛЯЛЯ	127
Глава пятая	
ВОДА И ВЯЗАНИЕ	139
Глава шестая	
ШАЛТАЙ-БОЛТАЙ	149
Глава седьмая	
ЛЕВ И ЕДИНОРОГ	161
Глава восьмая	
«ЭТО МОЕ СОБСТВЕННОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ!» ...	169
Глава девятая	
КОРОЛЕВА АЛИСА	181
Глава десятая	
ПРЕВРАЩЕНИЕ	192
Глава одиннадцатая	
ПРОБУЖДЕНИЕ	193
Глава двенадцатая	
ТАК ЧЕЙ ЖЕ ЭТО БЫЛ СОН?	193
<i>Н. Демурова</i>	
Льюис Кэрролл и его сказки про Алису	196

Литературно-художественное издание

КЭРРОЛЛ Льюис

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЛИСЫ
В СТРАНЕ ЧУДЕС**

АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Сказки

Заведующий редакцией *М. Н. Зарембо*

Редактор *Э. П. Петрушеня*

Младший редактор *М. А. Поддубская*

Художественный редактор *В. М. Жук*

Технический редактор *Н. П. Досаева*

Корректор *Л. С. Мануленко*

ИБ № 1944

Сдано в набор 01.09.89. Подписано к печати 09.12.91. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага кн.-журн. Гарнитура Литературная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 13,0. Усл. кр.-отт. 52,50. Уч.-изд. л. 13,37. Тираж 320 000 экз. (2-й завод 160 001—320 000 экз.). Зак. 1790.

Издательство «Юнацтва» Государственного комитета Республики Беларусь по печати. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

426057, Ижевск, а/я 82, ул. Пастухова, 11-а.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.

Кэрролл Л.

К 98 Приключения Алисы в Стране Чудес; Алиса в Зазеркалье: Сказки:/Перевела с англ. Н. Демурова; Стихи в пер. С. Маршака и др.; Худож. В. Шатунов.— Мн.: Юнацтва; Ижевск: Урал-БиСи, 1992.— 206 с.: ил.

ISBN 5-7880-0941-3

Вот уже больше сотни лет книга об Алисе дарит людям радость знакомства с миром, в котором причудливо переплелись реальность и выдумка, веселый смех и грустная улыбка.

4703010100—078

К **БЗ 206—91**

ББК 84.4 Вл

М 307(03)—92

Судья Ник. Буков Шамеяков